

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени
Г. Р. Державина»

Р. М. Житин
А. Г. Топильский

**ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА
К ЭФФЕКТИВНОМУ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ:
ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ РОССИИ В КОНЦЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Монография

Тамбов
2024

УДК 908
ББК 63.3
О80

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(Проект № 23-28-01782).

Авторский коллектив:

Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной истории ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»;
Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Рецензент

Мизис Ю. А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

С80 От экологического кризиса к эффективному природопользованию: компаративные характеристики аграрных комплексов России в середине XIX – начале XX века / Р. М. Житин, А. Г. Топильский; ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина». – Тамбов : Студия печати Галины Золотовой, 2024 . – 128 с.

Монография отражает опыт изучения рационального природопользования в имениях крупных помещиков России во второй половине XIX – начале XX века. Изучена рационализация хозяйственной деятельности в земледелии, животноводстве, лесопользовании, промышленном секторе поместий.

Издание адресовано историкам, краеведам, сотрудникам библиотечных и архивных учреждений.

©Коллектив авторов, 2024

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ЛАТИФУНДИСТАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	9
1.1 Практики землепользования в имениях крупных помещиков в конце XIX – начале XX века	9
1.2 Развитие полеводства помещичьих имений крупных помещиков в конце XIX- начале XX века	17
ГЛАВА 2. ЖИВОТНОВОДСТВО В СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	29
2.1 Качественно-количественные характеристики тягловой силы в крупных имениях российских помещиков в конце XIX - начале XX века	29
2.2 Особенности развития и продуктивные показатели животноводства крупных помещичьих имений в конце XIX – начале XX века	34
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КРУПНОПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	51
3.1 Экологические риски процесса экономической модернизации хозяйственных комплексов крупных помещиков в конце XIX – начале XX века.....	51
3.2 Особенности мелиорации сельскохозяйственных угодий крупных имений в конце XIX – начале XX века.....	58
3.3 Крупнопомещичье лесоводство и проблема сохранения лесов в конце XIX – начале XX века	69
ГЛАВА 4. НАЕМНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТНИКИ В СТРУКТУРЕ ИМЕНИЙ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	78
4.1 Некоторые особенности труда наемных сельскохозяйственных работников в крупных имениях в конце XIX – начале XX века.....	78
4.2 Сдельные формы найма рабочих в помещичьем хозяйстве в конце XIX века	88
4.3 Поденные формы найма в помещичьих хозяйствах во второй половине XIX века	97
4.4 Административные работники вотчинных контор латифундистов в конце XIX века	103

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИМЕНЕЙ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	111
5.1 Социальные проблемы индустриальной модернизации помещичьих комплексов в конце XIX – начале XX века (на материалах Вознесенского завода владельцев Баташевых)	111
5.2 Социально-демографические эффекты модернизации помещичьих имений в конце XIX – начале XX века.....	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы рационального природопользования в имениях крупных владельцев Тамбовской губернии пореформенного времени принадлежат к малоисследованным вопросам аграрной историографии. Несмотря на то, что экологическая обстановка в районе действия крупных поместий региона долгое время не представляла значительной опасности для экономической модернизации экономий, постепенно нарастающий экологический кризис аграрного сектора заставлял местных владельцев обратить внимание на проблему концептуализации природных ресурсов. Для предотвращения глобальных вызовов в сфере природопользования крупные помещики выстроили хозяйства нового типа, основанные на принципах рационального использования имеющихся ресурсов. Применяемые ими методики повышали эффективность местного производства и значительно снижали экологическую нагрузку на окружающую среду. Данные процессы еще не анализировались в отечественной науке, тем не менее, их изучение позволит выявить истоки новых форм экономической активности в аграрном секторе экономики.

Данное исследование опирается на значительный пласт источников, которые впервые введены в научный оборот. Основным приоритетом работы выступает разработка материалов земских статистических описаний имений Тамбовской губернии, проведенных в 1870–1880 гг. [1]. Данные источники содержат богатые сведения о помещичьих экономиях, включая сведения о размере земельных ресурсов, способах ведения хозяйства, отраслевой специализации, покупаемой владельцами сельскохозяйственной технике. Одновременно в работе использовались справочные сведения по отдельным тамбовским хозяйствам [2].

Данные из опубликованных источников были дополнены материалами Государственного архива Тамбовской области (Россия, г. Тамбов). В работе использовались источники вотчинного архива Орловых-Давыдовых, содержавшие переписку владельца и управляющего по вопросам использования земельных и лесных ресурсов [3]. Значительный интерес представляют документы Тамбовского сельскохозяйственного общества [4], позволяющие проследить формы экономического развития латифундий.

Вопросы рационализации природопользования в крупных хозяйствах дореволюционной России принадлежат к малоизученным проблемам отечественной историографии. Специалистов прежде всего

интересовала социально-экономическая динамика частных хозяйств, опыт же рациональной деятельности латифундистов оставался вне рамок исследований.

Работы дореволюционных специалистов актуализировали экономические аспекты развития имений. Консервативно настроенные авторы (К. Ф. Головин [5, с. 27], К. Д. Дмитриев [6, с. 22]) признавали общий кризис владельческих экономий, связывая его с отсутствием опыта рациональной деятельности у помещиков. Для выхода из кризиса ими пропагандировалась «испольная» система ведения хозяйства, требовавшая «возвратиться к сравнительно плохому, но более дешевому уходу за землей» [6, с. 24]. Пагубные результаты подобной деятельности для владельческого землепользования данными авторами не рассматривались.

Представители либеральной историографии справедливо стратифицировали имения по способу хозяйственной деятельности, выделяя в общей массе кризисных хозяйств рационально поставленные имения. По мнению А.А. Мануилова [7, с. 34], повышение качества хозяйственных знаний помещиков открывало для владельцев путь к преодолению аграрного кризиса.

Представители левых сил [8, с. 157] активно выступали за сокращение помещичьего землевладения и передачу всей земли крестьянству.

На первом этапе советской историографии (1920-е – середина 1950-х гг.) специального внимания помещичьей рационализации не уделялось. Характеристика отдельных сторон жизни крупных имений рассматривалась в рамках более общих вопросов аграрного развития [9, с. 44].

Первый опыт комплексного изучения проблематики помещичьего хозяйства в советский период относится к 60-м – 80-м гг. XX в. Среди основополагающих работ данного этапа стоит выделить исследования А. М. Анфимова [10] и И. Д. Ковальченко [11].

Анализируя социально-экономические особенности крупного землевладения, А. М. Анфимов настаивал на превалировании в структуре латифундий некапиталистических отношений. При этом изучение крупных имений привело автора к важным заключениям. По его мнению, для повышения эффективности производства в условиях пореформенного кризиса некоторые помещики сокращали владельческую запашку и локально увеличивали производительность на отдельных участках своих экономий. Данная методика, по мнению ученого, была одним из способов адаптации помещиков к пореформенному кризису. В работе И. Д. Ковальченко были сделаны

выводы о капиталистическом характере сельскохозяйственного производства в помещичьих имениях.

Наиболее полно экологические проблемы хозяйственной деятельности крупных помещиков начали изучаться в начале 1990-х гг. Комплексное исследование хозяйственного положения моршанских имений провела О. П. Пенькова [12]. Исследователь указывает на изменения системы управления земельными ресурсами, анализирует причины успеха экономической модернизации ряда экономий.

Интересна работа Е.В. Хмель, посвященная формированию рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии (конец XIX – начало XX в.). По данным специалиста, тенденция к освоению интенсивных технологий и эффективной эксплуатации природных ресурсов в крупных имениях носила локальный характер и затрагивала лишь относительно небольшое число поместий (34 из 379 тамбовских латифундий). Вместе с тем, Е. Хмель отмечает резкий рост интереса помещиков к модернизации своих поместий в начале XX в. [13, с. 18].

Важное концептуальное значение имеет реализация научных проектов в сфере экологической истории. Большой интерес представляет исследование «Сравнительно-историческое изучение антропогенных ландшафтов различных регионов средствами беспилотных летательных аппаратов», реализованное тамбовскими учеными в 2020 г. По мнению авторов проекта, активная деятельность крупных владельцев проводилась зачастую без учета экологических рисков (распашка земель, вырубка лесов и др.). Это обуславливало существенное истощение природных ресурсов. Стремление преодолеть негативные последствия, в свою очередь, формировало более рациональное отношение к имеющимся ресурсам.

Таким образом, анализ исследовательской литературы позволяет сделать вывод о том, что экономические трансформации, порождаемые рационализацией имений, остаются слабо изученными в историографии. Тем не менее, их рассмотрение позволяет полнее проанализировать особенности экономической модернизации имений помещиков.

Список литературы

1. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Т. 1-24. Тамбов, 1880–1900.
2. Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Петроград, 1916. 375 с.
3. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102

4. ГАТО. Ф.176. Оп. 1. Д. 142
5. Головин К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего, 1887-1898. Санкт-Петербург, 1899. 267 с.
6. Дмитриев К.Д. Обеспеченный доход с имением без капитала на ведение хозяйства. Москва, 1894. 96 с.
7. Мануилов А.А. Поземельный вопрос в России. Москва, 1905. 106 с.
8. Каблуков Н.А. Очерк хозяйства частных землевладельцев. Москва, 1879. 308 с.
9. Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). Москва, 1924. 88 с.
10. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). Москва, 1969. 393 с.
11. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Москва, 1982. 264 с.
12. Пенькова О.П. Дворянские имения Моршанского уезда Тамбовской губернии второй половины XIX в. // Культурная жизнь Тамбовского края. Материалы региональной конф. Тамбов, 1995. С. 19-22.
13. Хмель Е.В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 25 с.

ГЛАВА 1. ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ЛАТИФУНДИСТАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1 Практики землепользования в имениях крупных помещиков в конце XIX – начале XX века

Неравнозначное ресурсное обеспечение собственности владельцев и значительный, дефицит крестьянских сенокосных и лесных угодий, усугубляемый чересполосицей и дальнотельем определяли практику экономических связей помещичьего и общинного типа хозяйств. Наиболее распространенной формой взаимоотношения частного и крестьянских хозяйств на протяжении всего пореформенного времени оставалось сдача помещичьей земли в аренду. При этом значительные запасы пахотных угодий латифундистов обуславливали им лидерство в арендных раздачах земель по сравнению с мелкими и средними поместьями. В условиях мирового сельскохозяйственного кризиса аренда земель позволяла помещикам нивелировать низкие цены на сельскохозяйственную продукцию и стабилизировать бюджеты экономий.

Проблема землепользования в системе помещичьего хозяйства пореформенной России остается одной из самых сложных в аграрной историографии. В трудах дореволюционных историков модернизация имений освещалась в трудах консерваторов, связывавших кризисные моменты в экономике поместий с недостаточной государственной поддержкой владельцев и либеральных деятелей, стратифицирующих экономии на отработочные и капиталистические [1, с. 12]. При этом современники связывали надежды на активное развитие имений с окончанием мирового сельскохозяйственного кризиса. В работах советских историков модернизация латифундий подвергалась жесткой критике [2, с. 250-255]. По мнению А. М. Анфимова, преобладающей тенденцией в развитии пореформенных хозяйств оставались отработочная система и другие кабальные формы хозяйствования [3, с. 17]. На современном этапе развития историографии изучением землепользования помещиков занимаются в рамках общих трудов по истории имений (труды об Абамелек-Лазаревых, Строгоновых [4], Орловых-Давыдовых) Признавая многоукладность экономики поместий и чрезвычайно сильную стратификацию владений по характеру аграрной деятельности, историки выделяли отработочные владения, полностью сдававшиеся в аренду, и крупные

капиталистические хозяйства, максимально эффективно использующие имеющиеся земельные ресурсы [5].

Характерной чертой землепользования крупных помещиков была обеспеченность разными видами угодий. Чем крупнее были имения владельцев, тем была больше в их составе было лесных, сенокосных и пастбищных угодий. Согласно материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., обобщающей сведения по 20 губерниям Европейской России, основным ресурсом экономий являлись земля и лесные площади, объединявшие более 80 % земельного фонда. При этом латифундисты владели 39,4% сенокосов России и почти 29,6% выгонов, что определяло экономические преимущества крупнейших экономий по сравнению с общинными владениями. По словам А. М. Анфимова, цель владельцев «состояла не столько в том, чтобы оставить себе лес, а в том, чтобы лишить крестьян лесных угодий» [3, с. 32].

Дополнительным экономическим преимуществом помещиков преформенного времени являлось отсутствие четкого размежевания поместий. Согласно социальной статистике России в 1894 году (то есть после 30 лет после отмены крепостного права), формальное разграничение общинной и частновладельческой земли состоялось лишь на площади 5 млн дес. [3, с. 34]. Так, на территории Курской губернии к 1909 г. насчитывалось не менее 400 земельных дач (объединяли 600 тыс. дес.), которые все еще не были поделены между дворянскими и крестьянскими собственниками. То есть не размежеванными оказалась более одной пятой территории губернии. Чересполосица крестьянских и помещичьих земель усугублялась так называемым дальнеземельем, связанным расположением отдельных участков на расстоянии 10-20 верст друг от друга.

Насколько сильна была зависимость крестьян собственников от помещиков, свидетельствуют примеры из Тульской губернии. В ходе обследования местного аграрного комплекса выяснилось, что в общинном распоряжении тульские крестьяне имели 48,8 тыс. дес. собственной пашни и 29,9 тыс. дес. арендованной. При этом более двух трети этой земли они получали от помещиков (24,4 тыс. дес.).

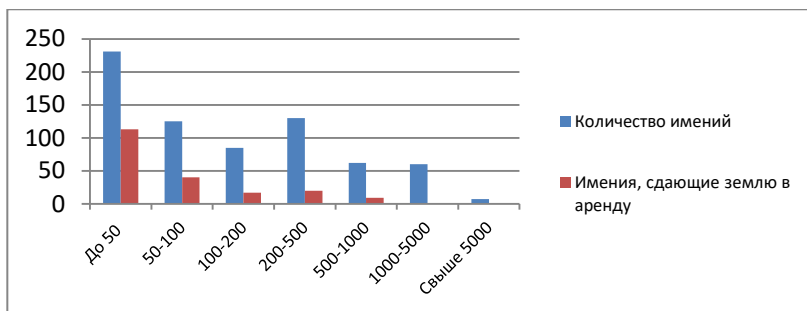
Сдача земли в аренду была желанием многих помещиков. «Поставив себе за правило все паровое поле обрабатывать своими силами, все мое старание прикладывается к возможно большей распродаже земли на слетье (в 2 яровых и 1 льняном поле). Чем больше десятин продано, тем больший и вернейший доход. Это чистый доход за пользование землею, без участия в риске... На три поля (льняное и два яровых) имею исполщиков, так как на деньги, в

кредит, нынче опасно продавать за полным обеднением народа. У меня, как и в других селах, не брали земли; тогда я объявил в околотке, что, кто возьмет десятину исполу, тот, получая семена, может получить еще в кредит до осени 1 куль ржи по существующей рыночной цене. Явилось такое громадное предложение, что мне оставалось только выбирать лучшие силы. Хозяйничать по шаблону никак нельзя, надо применяться к образующимся обстоятельствам...» [6, с. 375].

Широкое распространение арендных отношений в пореформенное время отражала экономические трудности модернизации сельского хозяйства в условиях мирового аграрного кризиса. Чрезвычайно распространенной практикой в это время стала теория испольного хозяйства, выдвинутая сельским агрономом К. Д. Дмитриевым. Его центральный труд по этой теме назван соответствующе: «Обеспеченный доход с имения без капитала на ведение хозяйства» [7]. Ученый позиционировал аренду (издольная и испольная) единственным возможным способом ведения дел. Учитывая высокие доходы владельцев от выплат крестьян (деньгами, урожаем или работой) в имениях, Карп Дмитриевич призывал помещиков быстрее «удешевить полевые работы ухудшением техники земледелия, т. е. вернуться к плохому сравнительно, но более дешевому уходу за землей» [7, с. 9]. Данную теорию подхватили многие помещики России, поверившие в то, что «испольщина и натуральные аренды приносят населению не один только вред и убыток, а и взаимную выгоду» [7, с. 9].

Сдача земли в аренду охватывала как крупные, так и мелкие имения. Изучая 1852 имения Курской губернии, местные земские деятели подсчитали, что латифундисты региона (обладатели поместий площадью 100 десятин и выше) сдавали крестьянам более 350 дес. своей земли (47% всей пахотных и сенокосных угодий) [8, с. 47]. Вместе с тем экономическое значение аренды было прямо пропорционально размеру имения. Об этом свидетельствуют материалы Тамбовской губернии. Количество поместий, в которых пашня отдавалась в арендное использование, уменьшалось в зависимости от увеличения земельной собственности владельцев. Так, максимальное количество собственников Кирсановского уезда, раздающих земли, относилось к группе мелких (от 50 до 100 дес.) и средних (от 100 и до 200 дес.) помещиков (Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Аренда земли в хозяйствах Кирсановского уезда (дес.)

Аналогичные процессы наблюдались и на территории других уездов Центрального Черноземья. В результате латифундиальный тип хозяйства оказывался наиболее эффективным оператором наличных земельных ресурсов.

С нормализацией цен на мировом и внутреннем хлебном рынке капиталистическая перестройка имений стала ведущей тенденцией в аграрном секторе. В начале XX века корреспондент журнала «Хозяин» замечал: «Хотя в России при помощи перехода массы хозяйств к испольщине плач хозяев по поводу низких цен на хлеб почти прекратился, тем не менее вопрос о несоответствии цен зерновых хлебов со стоимостью их производства остается наиболее острым вопросом не только в нашей хозяйственной жизни, но и в жизни других земледельческих стран». В 1899 г. – 1909 средняя стоимость пуда серых хлебов на зарубежном рынке с 69 коп. увеличилась до 88,9 коп. [3, с. 182]. В результате в начале XX века «помещичье капиталистическое хозяйство не только восстановило свои позиции, с которых оно временно отошло в конце XIX в., но и выдвинулось вперед» [3, с. 182].

Очень многие помещики, воспользовавшись положительной конъюнктурой хлебного рынка, расширили производство и наладили многоотраслевой хозяйственный комплекс. Особенно сильно данные тенденции прослеживались в имениях с сахарными и винокурными заводами. Например, в 1899-1913 годах площадь посевов Карловской латифундии Мекленбург-Стрелицких (Полтавской губернии) с 12,5 тыс. дес. увеличилась до 25,9 тыс. дес. Аналогичные процессы шли в Казацком владении П. Н. Трубецкого (Херсонский уезд). С 1899 по 1905 гг. местная полеводство расширилось с 2 до 4 тыс. дес.

Следовало ожидать, что интенсивное развитие полеводческого комплекса имений и явные успехи в промышленной модернизации поместий в начале XX века окончательно сведет на нет архаичные формы землепользования и арендные раздачи. Однако экономическая практика развития поместий и в это время продолжала сохранять многие пережитки прошлого. По данным Л. П. Минарик, проанализировавшей землепользование 155 крупнейших владельцев страны, три четверти всей пашни крупных собственников относились к тем экономиям, которые сдавали более 50% своих угодий [9, с. 82-100]. Процент арендных раздач в этой группе латифундистов будет еще выше, если учесть объем всех отданных крестьянам пахотных десятин. В начале XX века крупными помещиками сдавалось не менее 62% своей площади (более 1 млн дес.) [10, с. 14]. Это означает, что только 32% латифундиального посевного фонда, проанализированного Л. П. Минарик (около 0,5 млн дес.), находилось в собственном пользовании владельцев (более 4,5 млн дес.) [9, с. 100]. Таким образом, даже в период максимального капиталистического развития аграрного сектора преобладающей формой землепользования латифундистов оставалось сочетание ведения собственного хозяйства и арендных раздач.

Рассмотрение процесса капиталистической модернизации на микроуровне позволяет выявить мотивы сохранения арендных отношений. Экономические характеристики Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых и Ракитянского владения Юсуповых будут более чем репрезентативными. В начале XX века данные имения (как по величине местных хозяйств, так и по их результатам) превратились в крупнейшие аграрные хозяйства Центрального Черноземья. При этом даже при наличии собственного полеводства, рассматриваемые экономии на протяжении всей своей истории не отказывались от арендных раздач.

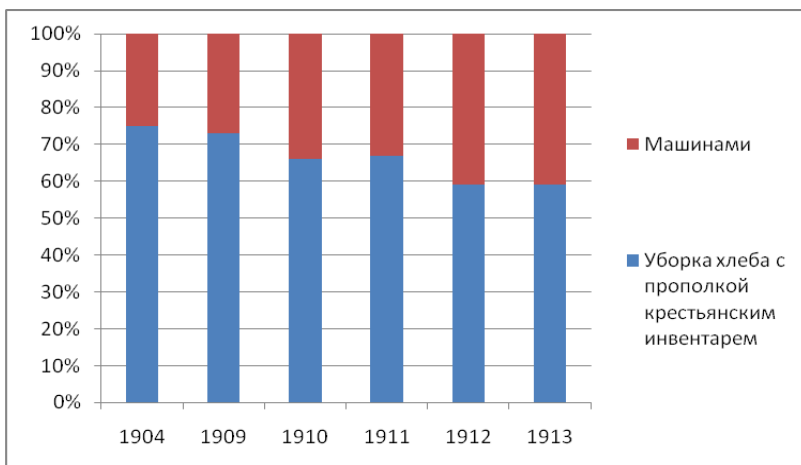
Низкий уровень обеспеченности землей у жителей Тамбовского уезда обуславливал спрос на аренду в Ново-Покровском имении. Однако раздаточный фонд экономии никогда не соответствовал ожиданиям окрестных крестьян. В 1900 году Орлов-Давыдов отдал под аренду не более 10 процентов своей пашни (ок. 1500 дес.). В последующем объем выделенных под аренду угодий только сокращался (1912 г. – 300 дес.) [11]. Укрупнение собственного полеводства, очевидно, коррелировало с успехами производственной деятельности. В 1908 году на территории имения началось возведение Ново-Покровского свеклосахарного завода, было осуществлено строительство узкоколейных поездных путей. С 1908 по 1912 гг.

площадь под местными постройками (жилыми и хозяйственными) возросла на 47%. Интересно, что уменьшение объема земельных раздач в Ново-Покровке сопровождал общий рост стоимости арендной десятины (1901 – 31,74 руб. за десятину, в 1912 гг. – 14,67 рублей за десятину). Однако прибыльность собственного хозяйства перекрывала все выгоды от аренды.

Рассмотрение материала по поволжским хозяйства Орловых-Давыдовых показывает уникальность происходящих в Ново-Покровке процессов. На фоне уменьшения арендных раздач в тамбовской экономии в других имениях семьи существенно снижалось экономическое значение собственного полеводства. В 1900-1910 годах его объем был уменьшен на 14 тыс. дес. (с 37,9 тыс. дес. до 23,1 тыс. дес.), причём основную массу арендных договоров заключали сроком на 1 год (за этот период количество таких соглашений возросло на 48%). Таким образом, на фоне внедрения прогрессивных решений в Ново-Покровской экономии, происходила деградация полеводства в других имениях семьи. По всей видимости, на материалах Орловых-Давыдовых подтверждается известный тезис Л. П. Минарик об ограниченности капиталистической модернизации помещичьего хозяйства России [9, с. 138]. Можно с уверенностью сказать, что владелец Ново-Покровского имения предпочитал развитие крупного производства не во всех своих поместьях, а только в одной-двух экономиях, развитие которых могло принести ему максимальный капиталистический доход. Остальные территории являлись донорами финансовых и экономических ресурсов для «образцовых» хозяйств.

В отличие от Орловых-Давыдовых, Юсуповы более активно использовали экономическое значение арендных отношений с крестьянским населением. Сформированный в имении фонд рассматривался как средство обеспечения владельческого полеводства наемными сельскохозяйственными работниками. Огромная площадь раkitянского имения ежегодно требовала до 10 тыс. наймитов, привлекавшихся в различных отраслях местного производства (сахарный завод, посадочные операции, уборка полей, животноводство). В результате даже в начале XX века часть окрестных крестьян была связана с имением отработками и исполщиной. В этом случае владелец не пренебрегал эксплуатацией крестьянского инвентаря и тягловой силы. О высоком значении некапиталистических форм землепользования в Ракитном свидетельствует диаграмма 1.

Диаграмма 1. Землепользование Ракитянского имения Юсуповых в 1904-1913 гг.

Несмотря на то, что к 1913 году доля некапиталистических форматов производства заметно уменьшается, применение собственных машин и инвентаря Ракитянского имения Юсуповых вплоть до начала Первой мировой войны не стало господствующим в местном полеводстве. В 1904 году в общей стоимости произведенных работ 74 % занимала уборка крестьянским инвентарем и 26% владельческим, в 1913 году доля вложений помещика выросла до 40%.

Среди крупнейших помещиков XX в. имелись и те, кто совсем не сдавал свою землю в аренду. В числе прочих можно назвать крупные хозяйства Южной полосы: Смелянское имение Бобринских (Киевской губернии), Шпиковское владение Балашовых (Подольская губерния), Днепровское экономии (Екатеринославская губерния) Строгановых, Полтавское владение Кочубеев, ряд имений П. И. Харитоненко и Терещенко [9, с. 85]. С нормализацией цен на хлебном рынке доля таких поместий существенно увеличивалась: выгоды от собственного полеводства уже превышали доходы от потенциальной аренды. Однако даже в канун Первой мировой войны число латифундистов, воздерживающихся от арендных раздач, измерялось единицами. Кроме того, нет полной уверенности, что и в перечисленных владениях полностью прекратили арендные отношения. Так, например, в описании имений П. И. Харитоненко сообщалось, что местная земля совсем не сдавалась крестьянам, но иногда она

«уступалась» желающим под испольный посев [12, с. 18]. По-видимому, и в самых крупных хозяйствах, где в угоду расширения посевов учитывалась каждая десятина земли, какая-то часть угодий могла отдаваться на сторону. Интересно, что крупнейшие сахарозаводчики Харитоненко и Терещенко, приарендовывая целые имения для посадки свой свекловицы, сдавали в аренду худшие по качеству земли [8, с. 85].

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ экономической активности крупных помещиков в пореформенное время показывает противоречивый характер капиталистической эволюции владений латифундистов. Переход от крепостной вотчины к продуктивному хозяйству был связан с модернизацией полеводческого комплекса имений, применением аграрной новатики. Однако активное внедрение владельцами травосеяния и механизация сельского хозяйства долгое время сочеталось с малопродуктивными способами аграрного развития (раздачами земельного фонда в аренду, использованием отработок в сфере полеводства). Причины этих явлений кроются в отрицательной конъюнктуре сельскохозяйственного производства последней четверти XIX века, ориентирующей помещиков на использование малоинтенсивных технологий. При этом специфической особенностью перехода владельцев к капиталистическому производству в своих экономиях стала организация интенсивного хозяйства не во всех своих имениях, а только в нескольких, развитие которых гарантировало серьезную прибыль.

Список литературы

1. Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего, 1887-1898. Санкт-Петербург: тип. Д.В. Чичинадзе, 1899. 261 с.
2. Ковальченко И. Д., Селунская Н.Б., Литивак Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. Москва: Наука, 1982. 264 с.
3. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX - начало XX в.). Москва: Наука, 1969. 394 с.
4. Мезенина Т.Г. Динамика и состав населения строгановских владений на Урале в XVIII - первой половине XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История, №. 3(81). 2007. С. 41-46.

5. Житин Р.М. Модели хозяйственного развития помещичьих имений Центрально-Черноземного региона в конце XIX - начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 176. С. 146-153.
6. Суворин А.С. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. Т. 2. СПб: А. С. Суворин, 1899. 180 с.
7. Дмитриев К.Д. Как вести доходное хозяйство с наименьшими на это затратами: Из практики в разных местностях России агр. К.Д. Дмитриева. Москва: изд. землевладельцами Орловской и Тульской губернии, 1877. 328 с.
8. Рапп К.А. и др. Материалы по крестьянскому и частному землевладению Курской губернии: Объяснит. записка и свод. ведомости. Т. 1. Курск: Курск. казен. палата, 1908. 100 с.
9. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. Москва: Издательство «Советская Россия», 1971. 145 с.
10. Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 208 с.
11. Житин Р.М. Экономические характеристики хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне: (По материалам Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых и Ракитянского имения Юсуповых) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11(139). С. 258-266.
12. Жуков Я.М. Краткое описание Пархомовского имения П.И. Харитоненко с приложением отчетов по произведенным исследованиям и полевым опытам. Киев: тип. "Киев. сл.", 1898. 118 с.

1.2 Развитие полеводства помещичьих имений крупных помещиков в конце XIX- начале XX века

После отмены крепостного права и лишения дворянства целого ряда привилегий, главной из которых была бесплатная рабочая сила, землевладельцы были вынуждены приспособливаться к реалиям капиталистической действительности. Какими бы не были мучительными переходные формы интеграции в новую систему хозяйствования (отработки, испольщина, введение залежной системы), конечным итогом начавшейся перестройки частных имений должно

было стать привлечение крепостнических вотчин в развитие экономики [1]. При этом на пути к прогрессу должны были измениться все компоненты помещичьего хозяйства – начиная от внедрения свободного найма работников и технико-технической модернизации хозяйства до изменения системы землепользования и рационализации полеводства. В условиях, когда пашня продолжала оставаться главным капиталом любого поместья, от успеха трансформации земледелия помещиков зависела результативность всей капиталистической модернизации поместий.

Основными источниками исследования послужили материалы отдельного фонда документов Ново-Покровского имения, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области (Ф. 195, 1113 ед. хранения).

Систематическое изучение административных аспектов развития имения второй половины XIX века отсутствует в историографии. Отдельные аспекты данного процессов прослеживаются еще в дореволюционных трудах. Одновременно значительный объем источниковых данных, общие статистические заметки персонале ряда имений сохранился в земских сборниках, не потерявших своего значения до сих пор [2].

В советской историографии изучение администрирование имений было фрагментарно представлено в общих трудах по истории сельского хозяйства. Исследователи отмечали отсутствием систематической статистики по имениям в изучаемый период, закрытостью административной статистики помещиков для официальных правительственных обследований [3, с. 289]. Частично этот пробел решался благодаря работе над микроуровневыми исследованиями имений, позволяющими детально изучить особенности экономической и социальной модернизации поместий. В монографических описаниях поместий дворянской элиты конца XIX – начале XX века, выполненных Л. П. Минарик, показана высокая роль управляющих в успешном развитии экономий [4].

Нельзя сказать, что российские помещики не были готовы к внедрению новых систем землепользования, применению интенсивных севооборотов и продуктивных посадочных культур. Еще до реформы 1861 года многие владельцы-рационализаторы пытались трансформировать свое земледелие на западный манер: в имение завозился новый посадочный материал, закупался усовершенствованный инвентарь, модернизировалась классическая трехполька [5, с. 751]. Достаточно современное сельское хозяйство еще в крепостной России смогли создать в своей Усольской вотчине

Орловы-Давыдовы. В качестве основы они использовали опыт вольнонаемного труда и аренды, широкое вовлечение поместья в товарные, рыночные отношения. В их хозяйстве работал крупный заводской комплекс, состоящий из нескольких мукомольных предприятий, а также активно применялись технологии травосеяния и плодосмена. Не в последнюю очередь высокий экономический эффект объяснялся грамотным администрированием собственностью. Вотчина управлялась вольнонаемным управляющим, наделенным обширными полномочиями в хозяйственных вопросах. Для повышения эффективности его работы владельцы устраивали периодические ревизии, однако значительных изъянов в деятельности местной конторы обнаружено не было [6, с. 16-17]. Описывая перемены в имениях, подобных Усольской вотчине, граф Ф.В. Ростопчин писал: «Теперь появилась скороспелая мода на английское земледелие, и английский фермер столь же начинает быть нужным многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжке» [7, с. 41]. И хотя рационализация дореформенных хозяйств была скорее исключительным явлением и не охватывала всего комплекса аграрных отношений до 1861 г. [8, с. 43], организация образцовых вотчин, основанная на новаторских способах производственной деятельности, выказывала возможности успешной предпринимательской деятельности даже в условиях крепостнической России [8, с. 384].

Современники ожидали, что сразу после отмены крепостного права помещики быстро перейдут на новые системы аграрного производства и активно начнут обустривать свои имения. Однако даже спустя 30 лет после реформы разительных перемен в хозяйственной деятельности владельцев не произошло [9, с. 381]. В 1899 году помещик П. И. Левицкий с сожалением констатировал, что травосеяние было совсем «забыто, и притом именно хозяевами, от которых как бы отлетело всякое творчество в их области» [10, с. 43]. При этом, по его наблюдению, «лет 20-25 тому назад в нашей было заметно сильное движение к развитию травосеяния, но затем, лет 10-15 тому назад, отчасти от сельскохозяйственных невзгод вообще, отчасти оттого, что именно в области травосеяния произошли некоторые неблагоприятия, - к нему охладели, и редкое хозяйство теперь не оставило многополья и не представляет собой реакции назад, т. е. не вернулось к прежнему трехполью или, реже, к четырехполью» [10, с. 44].

На успешность освоения помещиками новых форм хозяйственной деятельности существенное значение играла мировая рыночная

конъюнктура. Реформа 1861 года пришлась на общее понижение цен на хлебном рынке [11]. Начавшийся приток в европейские порты заокеанского зерна (главный фактор падения торговли) разорил российского производителя. В 1882-1890 гг. экспортные цены на российскую рожь снизились на 35%, пшеница обесценилась на 17% [12]. При этом уменьшение стоимости зерна отражалось в основном на высшем сословии, являвшемся в те годы основным производителем и поставщиком аграрной продукции [13, с. 43]. Кризис не только разорял «массы собственников» но и проводил к «крупной ломке устоявшихся отношений собственности ... вел к техническому регрессу» [4, с. 11]. По данным центрального статистического комитета, в конце XIX века посевы ржи (основной культуры помещичьих имений) только в южных губерниях страны могли давать незначительную прибыль (4-6 руб. на десятину). На Левобережной Украине ее производство приносили убытки в 2-8 руб. на десятину, в черноземных губерниях в 1-10 руб. на десятину. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении овса и даже озимой пшеницы [14, с. 13].

Общеизвестно, что в пореформенное время севообороты территории Европейской части России устанавливались в зависимости от возможностей арендных раздач помещиков. Как правило, на своей запашке владелец располагал развитым многопольем, включающим как травосеяние, так и возделывание технических культур. На землях, отданных в аренду, продолжало господствовать трехполье. В классическом варианте такой способ полеводства применялся в экономии Е. Н. Тевяшовой (Острогожский уезд Воронежской губернии). Оставив в собственном пользовании 1635 десятин пашни (12-польный севооборот), хозяйка выделила окрестным крестьянам 1700 десятин, обрабатываемых по трехпольной технологии [15, с. 96]. Журнал «Южное хозяйство» писал: «Теперь, когда в хозяйствах в большинстве случаев никакого чередования растений почти нет, хозяевам аренда земли с определенным чередованием полей кажется трудной и даже непонятной...» [16, с. 4-6].

Сам факт огромной разницы урожаев на экономической запашке и на тех площадях, которые отдавались в аренду, широко известен из земской статистической литературы. Возьмем, к примеру, поместье Озеры В. И. Канкрин (Волынская губерния). На местной экономической запашке средняя урожайность ржи оценивалась в 65 пуд. на десятину, овса – в 70 пуд. с десятины. В это же время волынские крестьяне собирали со взятой у помещика земли соответственно 21 и 24 пуда с одной десятины. Таким образом,

продуктивность полеводства владельца оказывалась в три раза выше общинников [4, с. 128].

В конце XIX века установка на возделывание арендной пашни по трехпольной системе оказывалась чрезвычайно популярной и в Тамбовской губернии. В этом случае обработка земли оставалась на совести крестьян, вольных использовать здесь любые технико-технические средства и сеять любые культуры (кроме масленичных) [17, с. 19]. Посевы данных растений были достаточно выгодными для арендаторов, но тамбовские землевладельцы запрещали их возделывание из-за сильного воздействия на почву. Сдавая свои десятины в аренду, местные собственники разрешали посевы технических культур только на части арендованной земли. Например, подсолнух разрешали сеять на одной трети выделенной площади. Другие помещики допускали возделывание масленичных «на одну половину ярового поля, или на какой-нибудь незначительной части» [17, с. 42]. Были и другие условия. Так, помещики Тамбовской губернии позволяли засеивать четвертую часть ярового поля подсолнечником, однако после уборки урожая головки растений должны были быть запаханы в почву.

Такие ограничения имели под собой ряд рациональных оснований. Учитывая, что крестьяне, берущие землю в аренду, стремились «сколько возможно больше вынуть из чужой земли, вложив туда как можно меньше», помещики стремились в первую очередь сохранить плодородие своих почв. Особенно сильно прогорали те владельцы, которые заключали контракты с крестьянами на один год. «Понятное дело, – отмечали земские корреспонденты, – что крестьянин не улучшит чужую землю, которую держит одно только лето; не его дело сохранить в ней урожайность; напротив, его прямая выгода требует истощить ее как можно больше. Но если она истощается, если чистейшие свойства ее ухудшаются при таком порядке, чего мы, конечно, оспаривать не можем, то естественно, ценность ее падает, несмотря на то, что арендный доход увеличивается» [18, с. 59].

Однако не об одном только плодородии почвы думали помещики. Как правило, арендаторами частных земель на один посев были малоземельные крестьяне соседних селений, для которых владельческие десятины служили средством прокормления семьи. В этом случае бедные общинники вынуждены были заключать договор по максимально высоким (по сравнению с крупной долгосрочной арендой) ценам. По официальным данным в 1901 г. за один одногодичный договор крестьяне платили 7,1-7,9 руб. (за десятину), за трехгодичный – 5,7-7,3 руб., за шестигодичный – 4,8-6,6 руб. [4, с. 95].

Анализ арендных отношений на микроуровне отдельных имений показывает еще большую разницу в оплате помещичьих десятин. В 1900 г. в Эртильской экономике В. Н. Орлова (Воронежской губернии) местные крестьяне, арендующие участки имения сроком на 6-7 лет платили по 8 руб. за десятину. В случае однолетней аренды ее стоимость возрастала до 30 руб. Интересно, что сформировавшиеся условия аграрного капитализма в России были таковы, что данными преимуществами пользовались в основном крупные владельцы [19]. По свидетельству Л. П. Минарик, чем больше было собственное хозяйство, тем мельче были арендуемые участки. В Ракитянском имении Юсуповых (Курская губерния) в начале XX в. на каждого арендатора приходилось по 0,3 дес. пахотной земли, в Карловском поместье Мекленбург-Стрелицких (Полтавская губерния) по 0,1 – 1 дес, в Мошнородищенском владении Балашовых – по 1 дес. [4, с. 95]. В обширном хозяйстве А. В. Орлова-Давыдова 75 % арендных контрактов так же заключалось на один посев. Таким образом, высокая стоимость краткосрочной аренды перекрывала для владельцев все минусы таких раздач [20].

С нормализацией мировой сельскохозяйственной конъюнктуры модернизация владельческого полеводства пошла быстрее. Наибольшую популярность получили практики улучшения классического трехполья путем включения в севооборот ярового клина. В ряде богатых имений, развивавших техническое направление производства (свекла, картофель, табак т. д.), началось активное внедрение плодосмена. При этом даже в начале XX века все помещичьи хозяйства Европейской России характеризовались одним правилом: пока одни одна часть владельцев пытается рационализировать свои поместья, другая же упорно держалась старых привычек. В 1914 году были опубликованы сведения о землевладении 4561 сельских хозяев разных регионов страны [3, с. 193]. Согласно полученным данным, 40 % помещиков перед началом первой мировой войны продолжали эксплуатировать классическое трехполье, остальные перешли на зерновое и травяное многополье [21, с. 442]. Площадь под разными видами хозяйственной деятельности распределилась следующим образом: под трехпольем – 117 тыс. дес. (1,8%), под многопольем – 270,5 тыс. дес. (50,5%), под залежью – 8,4 тыс. дес. (27,7%). Всего было обследовано более 500 тыс. дес. [4, с. 84].

Многие помещики, воспользовавшись повышением хлебных цен, смогли значительно расширить собственное производство. Значительных успехов в деле модернизации достиг П. И. Харитоненко.

В начале XX века в его 10 латифундиях, преимущественно расположенных в Черноземных и Южноукраинских губерниях России, насчитывалось 89 тыс. дес. земли. В 1912 году объем собственной запашки достиг 66 тыс. дес. а общий расход владельца на единицу озимой пшеницы составил 64 руб. (один из самых высоких показателей в стране) [21, с. 370]. Аналогичным образом развивалось и владельческое хозяйство рода Терещенко. Площадь землевладения их 10 имений в начале XX века объединила 122 тыс. дес, из которых не менее 75 тыс. дес. было отдано под посевы. Собственное капиталистическое хозяйство велось на 95% пашни, в аренду крестьянам сдавалось только 5% пахотных угодий (3882 дес.). Характерно и то, что более 66 тыс. дес. местного комплекса обрабатывались собственными средствами и только 4983 дес. - крестьянским инвентарем (сдельно или в виде отработок) [22]. В целом, капиталистическая система имений семьи Терещенко объединяла 93% их экономической запашки.

Экономическая модернизация крупнейших экономий страны стимулировало развитие всего аграрного комплекса помещиков. В 1900-1913 гг. на территории Европейской России площадь яровых посевов пшеницы увеличилась с 4 млн. до 5,5 млн. дес. Из 50 губерний заметный рост был замечен в 25. Аналогичные процессы наблюдались в других посевных компонентах полеводческой деятельности. В начале XX века производство озимой пшеницы возросло с 1,8 до 2 млн дес., при этом основной прирост давали южные регионы страны, включая Центральное Черноземье. Расширение совокупных посевов ячменя было еще более впечатляющим. Если в 1900 г. было засеяно почти 2 млн дес., то в 1913 гг. – 3,2 млн дес. [3, с. 204].

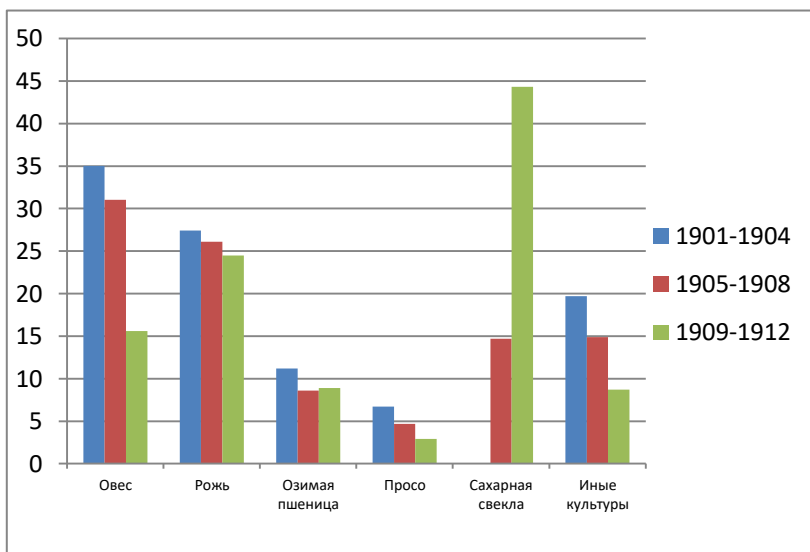
Признаком интенсификации частного полеводства стало увеличение посевов технических культур, в частности, картофеля. Если в 1900 году российские владельцы засевали 641,5 тыс. десятин картофелем, то в 1913 году они посадили уже более 840 тыс. дес. [3, с. 204]. Наиболее активными в этом смысле были помещики черноземных регионов страны, особенно сильно вовлеченные в винокурение. Ради загрузки своих заводов необходимым сырьем они увеличивали картофельное производство и выводили из оборота другие культуры, в том числе технические. Так, в угоду расширения при заводских плантациях уменьшены черноземные льняные посевы (сокращение с 363 до 274 тыс. дес.) [3, с. 204].

Интересным явлением в условиях кризиса роста хлебных цен стали процессы специализации ряда российских имений по основным хлебам. Микроуровневые характеристики Ново-Покровского владения

семьи Орловых-Давыдовых и Ракитянской экономии Юсуповых позволяют детализировать эти процессы.

Модернизация полеводческой системы Ново-Покровского имения началась в начале XX века. При А. В. Орлове-Давыдове была сокращена арендная раздача, заведен шестнадцатипольный севооборот [23]. Покупка новой сельскохозяйственной техники и активное применение химических удобрений позволили увеличить производительность зерновых посевов с 69 до 77,1 пуда на 1 дес. При этом стратегия владельца была связана не с активизацией всех компонентов полеводства, а выбора наиболее прибыльного из них. Результаты полеводческой деятельности владельца Ново-Покровки представлены на диаграмме 1 [24].

Диаграмма 1. Полеводческая специализация Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых в 1901-1912 гг. (%)

В 1901-1912 году в ново-покровском хозяйстве отчетливо прослеживаются два противоположных процесса: расширение свекловичных плантаций и сокращение производства всех остальных культур. За 12 лет площадь под зерновыми сократилась на 50 %, ее место заняли посевы свекловицы для нужд местного сахарного и рафинадного завода. При этом полностью извести все зерновое

полеводство в имении не спешили. Несмотря на общее сокращение площади под всеми хлебами, сборы ржи уменьшилось в наименьшей степени (на 3 %). В 1913 году она превращается во вторую по значимости ново-покровскую культуру. По всей видимости, высокая доходность от реализации ржаного зерна в Тамбовской губернии заставила владельца сохранить ее посевы в общей структуре местного хозяйства. Таким образом, характерной особенностью развития Ново-Покровской экономики в начале XX века стала специализация по наиболее экономически выгодным культурам (свекла, рожь).

В начале XX века процессы отраслевой специализации полеводства наблюдались в Ракитянском имении Юсуповых. Как и другие состоятельные помещики России начала XX века, в качестве драйвера местной экономики ими было выбрано сахарное производство. В 1895 г. здесь строится крупнейший в Курской губернии сахарный завод, расширяются местные свекловичные плантации. Для комплексной обработки посевов владелец приобретает сеялки типа «Универсал», активизирует насыщение земли фосфатными добавками [25]. Стратегии владельца оказались оправданны. В 1900 г. только один Ракитянский завод принес ему 311 тыс. рублей. Не в пример Ракитному имени доходность остальных 12 экономий помещика составила только 313 тыс. руб. [25].

Как в Ново-Покровской, так и в Ракитянской экономике успех отраслевой специализации был тесно связан с интенсивностью применения различных типов удобрений. В начале XX века владельцы крупных поместий стали основным потребителем искусственных подпиток. По данным А. М. Анфимова, в 1912 г. в аграрной экономике России использовалось 35 млн. пудов туков, поставляемых на российский рынок из-за рубежа. При этом, ежегодно в нашей стране производилось еще более 32 млн. пудов минеральных удобрений [3, с. 212]. В распоряжении исследователей нет обобщенной статистики по потреблению разных видов добавок в помещичьем землепользовании. Однако отдельные дошедшие до нас примеры указывают на важность их применения в отдельных отраслях полеводства. Так, в 1900 г. в Карловском имении Мекленбург-Стрелецких на удобрения выделялось 17 тыс. руб. В 1913 г. владелец тратил уже 77,1 тыс. руб. [26]. В 1900-1912 гг. расход Смеловского поместья Бобринских (Киевская губерния) объем минерализации 1 десятины свекловицы возрос с 7 руб. 17 коп. до 13 руб. 24 коп. [27, с. 82].

В начале XX века крупнейшие экономия страны стали настоящими полигонами для испытания новых технологий в аграрном производстве. Например, в Земетчинском имении семьи Долгоруких (Тамбовская

губерния) с целью выяснения влияния органических и неорганических подпиток на урожайность сахарной свеклы были заведены опытные поля [28]. «Значительных успехов» достигло полеводство в тамбовской экономии Л.А. Астрыганьева [29]. Здесь практиковалось использование «случайно купленной» костяной муки. В имении Сосновка графа А.К. Бенкендорфа экспериментировали с использованием томас-шлака и 30 % калийной соли [30]. В это же время в крупном поместье Таракса и Подьем А. Чертков экспериментировали с выращиванием зеленого удобрения на выбракованных владельцем песчаных участках. В качестве основы травяной смеси применялись люпины, клевер, гречиха, сурепица [31].

Активная модернизация помещичьей собственности в начале XX века способствовала повышению урожайности владельческих посевов. С 1861 по 1910 гг. производительность хлеба в частных имениях России выросла с 33 до 54 пудов (увеличение на 64%). Некоторые поместья превратились в настоящие фабрики по производству зерна. Так, Каловское поместье ежегодно отгружало на внутренний рынок до 500 тыс. пудов зерновых. В десяти имениях Харитоненко валовые сборы хлеба достигали 3,5 млн пудов, 7 экономий Терещенко давали не менее 10 млн пудов [4, с. 109-110]. При этом следует учесть, что во всех перечисленных хозяйствах главной отраслью владельческого полеводства являлось выращивание свекловицы.

Таким образом, особенностью пореформенной модернизации аграрного строя России стало постепенный переход владельческих экономий от старых крепостных вотчин к капиталистическим конкурентным хозяйствам. Для повышения эффективности разных типов имений владельцы должны были модернизировать землепользование, провести отраслевую специализацию полеводства, привлечь в производство новые капиталы. Однако известные успехи образцовых экономий на пути модернизации аграрного сектора не стали по-настоящему массовым явлением. Внедрению новаций долгое время мешал мировой сельскохозяйственный кризис, разоряющий помещичью экономику. Из-за низких цен на хлебном рынке владельцы предпочли не арендные раздачи земли, а расширение и улучшение собственной запашки. Эти процессы тормозили внедрение новых севооборотов, снижали технику аграрного производства. Только с восстановлением хлебной конъюнктуры начался качественно-количественный рост частного хозяйства. Помещики стали активно внедрять травосеяние, использовать новые орудия труда, повышать плодородие почвы с помощью удобрений. Рост производительности крупных имений в начале XX века свидетельствует о прогрессе

частновладельческого сектора России, постепенно превращавшегося в локомотив аграрного развития страны.

Список литературы

1. Житин Р.М. Модели хозяйственного развития помещичьих имений Центрально-Черноземного региона в конце XIX - начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 176. С. 146-153.
2. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. / Издание Тамбовского губернского земства. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. 673 с.
3. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.). Москва, 1969. 394 с.
4. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. Москва, 1971. 145 с.
5. Сельскохозяйственная жизнь. 1914. № 3.
6. Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых: 1768-1861 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сам. гос. ун-т. Самара, 2004. 20 с.
7. Растопчин Ф.В. Плуг и соха: писанное степным дворянином. Москва, 1806. 45 с.
8. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). Москва, 2002. 557 с.
9. Советов А.В. Избранные сочинения. Москва, 1950. 447 с.
10. Левицкий П.И. Письма из села Алексеевского (Чернского у.). Письмо XLVII // Хозяин, 1899. № 2. С. 42-48.
11. Анненский Н.Ф. Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: / Под ред. проф. А.И. Чупрова. Т. 1 Санкт-Петербург, 1898. 532 с.
12. РГИА. Ф. 268. Оп 2. Д. 1424. Л 77
13. Бекетов А.Н. Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Вольного экономического общества с 1865 до 1890 года: Сост. по поручению О-ва секр. его А.Н. Бекетовым. Санкт-Петербург, 1890. 200 с.
14. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев: Вып. 3: Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России. Санкт-Петербург, 1890. 496 с.

15. Тевяшов В.Н. Описание хозяйства Колыбельской экономии Е.Н. Тевяшова и наследников Н.Н. Тевяшова. Царское Село, 1907. 172 с.
16. Южное хозяйство. 1912. № 22.
17. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. 370 с.
18. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: отдел хозяйственной статистики. В 24 т. Т. 1. Борисоглебский уезд. Тамбов, 1880. 448 с.
19. РГИА. Ф. 593. оп. 6. Д. 178. Л. 63
20. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-5
21. Стоимость производства главнейших хлебов: статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 2: Итоги издержек производства ржи, пшеницы, овса, ячменя и некоторых других растений. Себестоимость. Петроград, 1916. 497 с.
22. РГИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 834. Л. 5-6
23. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 583; Д. 241
24. ГАТО Ф. 195. Оп. 1. Д. 102
25. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ч. 2. Д. 1483. Л. 78
26. РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 915. Л. 113 об.
27. Головня В.Я. Смела: Краткое статистико-экономическое описание имений и заводов гр. Льва Алексеевича, Алексея, Андрея и Георгия Александровичей Бобринских в Киев. губ., для Всероссийской выставки 1913 г. в Киеве. Киев, 1913. 197 с.
28. РГИА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 445. Л. 4
29. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст]. Том пятнадцатый: частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. 270 с.
30. Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах / МЗ. Деп. земледелия. Вып. 1. Петроград: тип. В.Ф. Киришбаума, 1916. 375 с.
31. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 14. Краткий свод данных о крестьянском населении, землевладении и хозяйстве по всей губернии. – Тамбов, 1890. 244 с.

ГЛАВА 2. ЖИВОТНОВОДСТВО В СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

2.1 Качественно-количественные характеристики тягловой силы в крупных имениях российских помещиков в конце XIX - начале XX века

Развитие помещичьего хозяйства после 1861 года происходило в условиях мирового сельскохозяйственного кризиса. Снижение цен на зерно, низкая интенсивность труда в земледельческом производстве затрудняли становление рациональных имений, сдерживали прогресс в отечественном аграрном секторе. Для эффективного преодоления имеющихся трудностей помещикам требовались новые технико-технические подходы к организации предпринимательской деятельности, использование всего потенциала аграрной новатикки. Эффективное освоение поместий в представлении современников было связано с внедрением плодосмена, отраслевой специализацией, развитием промышленной переработки продукции. Решение данных задач, в свою очередь, было невозможно без крепкой материально-технической базы и собственной тягловой силы – важнейшего ресурса агропромышленной интенсификации. Составлявший постоянный капитал помещиков рабочий скот был задействован в системах полеводства, промышленного хозяйства, торговли. Без него оказывались невозможными изменения системы землепользования, обслуживания сельскохозяйственных машин и оборудования. При этом, как и все элементы помещичьего производства, качественно-количественные показатели тягловой силы после реформы 1861 года претерпели изменения.

Основным фактором развития тягловой силой помещичьих хозяйств в пореформенное время стала замена волов на лошадей, как более универсального средства тяги и передвижения [1, с. 64]. Статистические сведения о данных процессах весьма противоречивы. Сведения о рабочем скоте помещиков можно найти в военно-конских переписях. До начала 1870-х годов в поле зрения исторической науки находились только итоги военно-конских переписей по крестьянским общинам. Качественно количественный состав животных частных имений оставались неразработанными. А между тем они составляли немалый интерес, особенно в сопоставлении с данными по крестьянскому хозяйству [1, с. 64].

Согласно переписи 1916 года, в 48 губерниях Европейской России

находилось 19979 тыс. голов рабочего скота. При этом в количественном плане обеспеченность помещиков живым инвентарем отставала от крестьянских собственников (1349,2 тыс. против 18630,4 тыс.). Только в зонах высокой концентрации крупных капиталистических поместий доля скота у частных владельцев была относительно высокой: в Прибалтике она составляла 19,1%, в Юго-западном регионе – 13,3%, в Южном районе – 11,0 % [4, с. 16].

На обеспеченность сельских хозяев рабочим скотом сильное влияние оказывали размеры их поместий и сословный статус. Наиболее крупными коневладельцами были дворяне. Так, если на каждые десять помещиков России в 1912 г. в среднем приходилось 33 лошади, то каждый десятый дворянин располагал 215 лошадьми [1, с. 65]. Конкретизировать приведенные данные позволяют материалы Военно-конской переписи 1905 года, опубликованные по 20 губерниям европейской России. Согласно приведенным материалам, 11684 дворян были владельцами 289 678 голов рабочего скота. На высокую обеспеченность высшего сословия тягловой силой существенное влияние оказывала традиционная любовь владельцев к конезаводам. В начале XX века только в 8 губерниях России (Архангельская, вологодская, Вятская, Могилевская, Олонецкая, Оренбургская) отсутствовало коневодство помещиков [8]. На территории же остальных 56 российских губерний располагалось 3430 заводов (2776 из принадлежало дворянским предпринимателям).

Дворянское коневладельческое хозяйство постепенно уменьшалось. На фоне общего роста численности частных заводов Европейской России (в 1905-1912 гг. их количество выросло на 12,3%, прирост поголовья составил 3,7%), размеры дворянских стад уменьшилось на 62,9% (с 289678 шт. до 200380 шт.), а общее число дворянских коннозаводчиков сократилось на 77,9% (с 11 684 до 9101 шт.). Общая деградация владельческого конезаводства шло параллельно «оскудению высшего сословия (в 1905 -1912 гг. их землевладение сократилось с 1168,4 дес. до 8222,8 тыс. дес.) [3, с. 66].

Анализ данных военно-конских переписей по площади землевладения показывает характер обеспеченности тягловой силой разных категорий помещиков. Сводные данные по разным группам экономий представил А. М. Анфимов. По подсчетам исследователя, количество копевладельцев оказывалось максимальных в латифундиальных имениях. Рост обеспеченности скотом крупных экономий в целом опережал увеличение поголовья более мелких групп собственников. Конкретные характеристики данных процессов выгладили следующим образом: 3267 средних поместий (с

количеством лошадей от 11 до 50) к началу 1912 г. перешло в группы мелкого землевладения (потеряв около 80 тыс. лошадей). В то же время отчетливо выделялось превосходство крупных предпринимателей. По сравнению с 1899 годом число коповладельцев с 50-75 лошадьми в 1912 году осталось без изменений, а в категории хозяйств с 75-100 лошадьми этот показатель возрос на 5,5%, а в экономиях с поголовьем в 100 и более штук он увеличился на 13,9% [1, с. 68].

Переходя к вопросу об эффективности использования скота в имениях владельцев, следует отметить, что в России более или менее достаточным для ведения хозяйства было наличие на одну голову 5 дес. запашки [8, с. 114]. Конечно, в разных районах эта норма была различной, и зависела прежде всего от характера экономической деятельности и природно-климатических условий. Однако в истории данная цифра утвердилась в качестве определяющей.

Группировка помещичьих хозяйств в зависимости от степени обеспеченности рабочим скотом впервые была проведена в фундаментальном исследовании российских латифундий Л. П. Минарик [8, с. 114-117]. Она показала, что в экономиях, не использовавших крестьянского тягла, на каждую голову рабочего скота приходилось 2-5 дес. запашки. При этом в таких поместьях площадь пахотной земли в среднем составляла 67,8 тыс. дес. В тех поместьях, где на одну голову приходилось 5-10 дес. посева собственная запашка владельцев равнялась 182,5 тыс. дес, а в хозяйствах с обеспеченностью тяглом 10-30 дес. помещики располагали, как правило, 122,8 тыс. десятинами посева. В целом, только 18% частных площадей (около 60% учтенной Л. П. Минарик посевной площади) в начале XX века было снабжено живым инвентарем в достаточной степени и 82 % оставалось без необходимого количества тягловой силы, причем около половины ее было обеспечено вдвое ниже нормы, а 1/3 – в 3-5 раз ниже нормы.

Интересно, что нехватка рабочего скота в ряде имений даже при наличии собственных усовершенствованных машин и тягла часто влекла за собой наем крестьян с живым и мертвым инвентарем. «Раз уж нанимался крестьянин с рабочей лошадью, так уж брали его и с сохой и бороной», – характеризовала эти процессы Л. П. Минарик [8, с. 114]. В Ракитянском имении Юсуповых, например, крестьяне нанимались с собственными орудиями труда на боронование земли только из-за нехватки рабочих лошадей у владельцев [7]. Аналогичные явления происходили и в Рязанской губернии. Подвергнув обследованию 340 хозяйств региона, специалисты писали «Малая

обеспеченность рабочим скотом пашни в хозяйствах южной полосы губернии ставит частновладельческое хозяйство в зависимость от крестьянского, так как владельцы не могут обработать всю свою пашню своим скотом, а вынуждены отдавать обработку части пашни местным крестьянам сдельно» [10, с. 15]. При этом кризисные явления объяснялись «не недостатком капитала в частновладельческих хозяйствах, не позволяющего им содержать рабочих лошадей в достаточном количестве, а возможностью дешево сдавать обработку пашни местным крестьянам, вынужденным вследствие малоземелья искать для избытка своих рабочих рук какую бы то ни было работу» [10, с. 15].

Недостача рабочего скота была хроническим явлением даже в крупных капиталистических хозяйствах. Даже после крупных успехов в улучшении материально-технической базы в Чутовском имении Дурново (1910 г.) наличие рабочего скота обеспечивало лишь 3/4 объема всех тягловых работ: вместо 475 голов рабочих лошадей здесь их имелось 368, а вместо 872 пар рабочих волов – 671 пара. В одном из самых технологичных имений Курской губернии Ракитянском владении Юсуповых в 1910 г. основные тягловые работы производились наемным крестьянским скотом из-за недостатка собственного [8, с. 114].

И это несмотря на то, что в ряде крупных имений Европейской части России имелось огромное поголовье скота. В начале XX века в Чутовской экономии Юсуповых насчитывалось 1710 голов, в Шиханских имениях Е. И. Шуваловой находилось более 1000 голов, в Угрюмовском владении Харитоненко – более 1100 голов, в отдельных экономиях Фальц-Фейнов - 1400-1800 голов, в Падовском поместье Нарышкина – 2300 голов, в Черной долине Мордвиновых – свыше 1000 голов, в Эртильской степи В. Н. Орлова – 850 голов, в Росташовском имении Раевских – 750 голов, в Земетчинском имении Долгоруких – 700 голов, в имении В. Кочубея Рыбушка – 630 голов и т. д. [5, с. 233].

Обратной стороной недостатка рабочего скота в российских имениях была возможность его эффективного использования. Например, по данным тамбовских земских корреспондентов, с ростом площади частных имений возрастала и общая продуктивность эксплуатации живого инвентаря. Материалы, отложившиеся по более чем 200 частным поместьям Тамбовского уезда, показывают, что средний размер посевных площадей помещиков рос в зависимости от количества десятин, приходящихся на единицу рабочего скота (Таблица 1) [9].

Таблица 1. Эффективность использования рабочего скота в имениях Тамбовского уезда (дес.)

Размеры имений (дес.)	Владельческой запашки	Рабочего скота	На 1 голову
50-500	5595	570	19,6
500-5000	34207	2201	30,8
Более 5000	21191	1302	16,3

Преодоление последствий мирового сельскохозяйственного кризиса в конце XIX – начале XX века способствовало повышению роли скотоводства в экономиях помещиков. К 1893 году собственная запашка в воронежских поместьях увеличилась на 83%, повсеместно наблюдался переход местных владельцев «к собственному инвентарю, к использованию пахотных земель собственными средствами» [2]. Например, в имении Нижне-Кисляйское Павловского уезда, принадлежавшего Б. А. Васильчикову, к началу XX века насчитывалось 6657 дес. земли, из которых 4845 дес. приходилось на пашню, 614 дес. на сенокос и 645 дес. на пастбища. О повышении значения собственной тягловой силы в этой экономии свидетельствует рост обеспеченности местного хозяйства волами (в 1900-1914 их количество с 200 пар выросло до 500 пар). Уменьшение зависимости помещичьего хозяйства от крестьянского скота наблюдалось и в имении Анна кн. Н. А. Барятинской (Бобровский уезд), где за тот же период количество земли уменьшилось с 19 805 дес. до 8770 дес., а поголовье рабочих лошадей выросло со 134 до 200 штук 150 [5]. Данные процессы свидетельствовали о значительном прогрессе в обеспеченности тягловой силой и зарождающихся процессах интенсификации поместий после нормализации цен на сельскохозяйственные продукты.

Таким образом, владения крупнейших земельных собственников сами по себе были очагами значительной концентрации рабочего скота. Однако колоссальные размеры этих владений не позволяли помещикам обеспечить полевые работы необходимой тягловой силой. В результате значительная часть гужевых работ даже в самых крупных помещичьих имениях России на 75-100% производилась живым крестьянским инвентарем. Только с преодолением последствий мирового сельскохозяйственного кризиса произошло повышение роли собственной тягловой силы в хозяйстве помещиков.

Список литературы

1. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX - начало XX в.). Москва: Наука, 1969. 394 с.
2. Бекетов В. А. Воронежская губерния в сельскохозяйственном отношении: отчет по командировке в 1893 г. от Имп. Моск. о-ва сел. хоз-ва. Москва: Имп. Моск. о-во сел. хоз-ва. 1894. 145 с.
3. Военно-конская перепись 1905 года. Петроград: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1907. 87 с.
4. Военно-конская перепись 1912 года. Петроград: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1914. 441 с.
5. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. В. Кишбаума, 1900. 519 с.
6. Мердер И. К. Список частных конских заводов в России. Санкт-Петербург: Тип. Э. Метцига, 1878. 358 с.
7. Минарик Л. П. Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых// Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Москва: Издательство академии наук СССР, 1962. С. 377-398.
8. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. (землевладение, землепользование, система хозяйства). Москва: Советская Россия, 1971. 145 с.
9. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. – Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов: Издательство Тамбовского Губернского Земства, 1894. 130 с.
10. Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1903/4 год. Владимир: Ряз. губ. земская управа, 1906. 185 с.

2.2 Особенности развития и продуктивные показатели животноводства крупных помещичьих имений в конце XIX – начале XX века

Первые попытки комплексного изучения параметров животноводства крупных имений относятся ко второй половине XIX века. Главным центром исследований стало Ветеринарное отделение Медицинского департамента МВД, которое было создано в 1868 г. (в 1897 г. оно преобразовано в Ветеринарное управление) [1, с. 326]. Организация подчитывало имеющееся поголовье, анализировала хозяйственный опыт помещиков. Ее наработки в дальнейшем активно

использовались в ряде специальных профильных аграрных организаций, в том числе в Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России (комиссия работала с 21 ноября 1872 г. до 28 апреля 1873) [2, с. 2].

Важную роль в изучении отечественного животноводства принесли отдельное обследование овцеводческих хозяйств отдельных губерний Европейской России, организованное рабочей группой под руководством С. Ермолова. В 1882–1886 гг. материалы этого обследования были опубликованы в семи томах. [3, с. 11]. К этому же времени относится специальное изучение крупного рогатого скота, контролируемого Департаментом земледелия. По итогам работы было выпущено 4 тома, давший исчерпывающее представление о количестве и породах владельческих коров (в том числе и в Тамбовской губернии) [4].

Отдельные работы по изучению отдельных отраслей животноводства страны в начале 1880-х гг. проводило Московское общество улучшения скотоводства в России, однако все ее наработки по данной теме утеряны [5, с. 62]. Тогда же возникла идея сбора сведений о скотоводстве через добровольных корреспондентов. И хотя качество этих данных оставляло желать лучшего, добровольцы смогли обобщить огромный фактический материал [6]. Полученные анкеты позволили правительству опубликовать ряд важных статистических изданий [7; 8; 9].

Важный материал по изучению крестьянского и помещичьего животноводства обобщило российское земство. В конце XIX – начале XX века земские органы большинства губерний страны в той или иной мере занимались обследованием скотоводства своих регионов. Данные наработки были опубликованы в сборниках статистических сведений регионов [10], подворных переписях [11], крестьянских бюджетах [12]. Комплексную работу по данному направлению проводило и тамбовское земство, в конце XIX века обобщившее материал по помещичьему животноводству 12 уездов края [13].

В начале XX века обследование российских животноводческих имений продолжилось. Часть материалов была опубликованы в «Кратких сведениях о некоторых русских хозяйствах» [14], часть – в специальных изданиях Департамента земледелия [15]. Кроме того, сведения о скотоводческих имениях печатались по итогам работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности [16].

Революция 1917 года внесла перемены в тематику аграрной истории. Несмотря на выход в 1920-1930-х гг. ряда крупных трудов по истории русской деревни, изучение частновладельческого скотоводства фактически остановилось. Только в 1954 году вышла первая комплексная работа животноводческой и зоотехнической тематики [17]. В последующем отдельные аспекты данной проблематики поднимали Н.Л. Рубинштейн [18], С.М. Дубровский [19], А.М. Анфимов [20]. При этом качественно-количественные характеристики поголовья и продуктивности помещичьего скота часто снижались.

В современных работах характеристика помещичьего животноводства продолжилась на региональном уровне [21]. При этом трендом исследований стало рассмотрение отдельных скотоводческих отраслей имений через призму рационального природопользования [22]. Это позволило проанализировать проблемы развития поголовья сквозь призму всех компонентов помещичьего хозяйства (влияние животноводства поместий на полеводство, луговоеводство, лесоводство).

Обобщающее значение в области исследования скотоводческих комплексов дореволюционной России имеет труд Островского А.В. «Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в.» [23]. Автор рассматривает территориальную концентрацию поголовья, товарность, доходность скота, динамики его качественно-количественного состава. Как показывает исследование, и в советской, и в дореволюционной историографии его производительность «существенно занижалась, а значит, занижалась роль животноводства и всего сельского хозяйства в экономике дореволюционной России» [23, с. 1].

В целом анализ историографии показывает существенное качество работ по истории животноводства в России. Вместе с тем виден исследовательский уклон в изучение общих вопросов развития данной отрасли, тогда как региональные аспекты скотоводства еще недостаточно исследованы.

Важнейшей отраслью помещичьего хозяйства пореформенного времени явилось товарное животноводство. Этому способствовал постоянный рост стоимости мяса и живого скота, позволявший помещику не только содержать свою скотину, но и зарабатывать на ней. Изучая ситуацию на аграрном рынке в 1910 г., журнал «Сельский хозяин» писал «Повсеместное вздорожание мяса создает возможность действительного перехода русского скотоводства от навозного к продуктивному». [24, с. 1890]. Если в 1896 году пуд свиного мяса на рынках Москвы стоил 3,24 руб., то в 1912 году он оценивался уже в

7,31 руб. Цены на продажу коров за этот же период возросли с 84,17 до 133,40 руб. за единицу [25, с. 2-3].

Что касается ресурсов для развития животноводства, то значительные земельные ресурсы латифундистов не просто позволяли им полностью обеспечивать товарный и рабочий скот пастбищами, но и имели продуктивные сенокосы для его кормления. По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года, помещики контролировали 39,4% всех сенокосов, 29,6% всех выгонов [20, с. 33]. Кроме того, чем крупнее было имение, тем больше наличествовало скотоводческих угодий в его составе. Так, латифундии Кирсановского уезда Тамбовской губернии объединяли 85% общих выгонов (3067 дес. из 3582 дес.) и 86% местных сенокосов (3405 дес. из 24101 дес.) [26, с. 1-130].

Значительные выгоды от товарного животноводства задавали тон помещичьему хозяйству. Так, общая стоимость скота в приволжских имениях Орловых-Давыдовых в 1900-1911 гг. выросла с 46 до 176 тыс. руб. [27]. Схожая картина наблюдалась и тамбовских поместьях Шереметевых, где ценность наличных коров за период 1907-1911 гг. увеличилась с 43 до 153 тыс. руб. [28]. При этом как и в первом, так и во втором случае положительная ценовая динамика объяснялась за счет покупок животных улучшенных пород.

Многие тамбовские владельцы заводили обширные породистые стада российского и зарубежного скота. К 1914 году в России имелось 119 овцеводческих и 169 свиноводческих племенных хозяйств, 483 имения разводили продуктивный крупнорогатый скот, 293 специализировались на производстве и продаже ценных лошадей [29, с. 88-113]. Внимание помещиков к разведению породистых экземпляров обуславливалось быстрым ростом цен на сельскохозяйственные корма и оборудование, при котором было невыгодно содержание малопродуктивных животных. Одновременно при таком подходе вырастала стоимость продуктов скотоводства (мясо, масло, сыр) и повышалась товарность отрасли.

Одной из наиболее популярных отраслей животноводства в имениях крупных помещиков начала XX века являлось коневодство. Внимание к этой отрасли объяснялось как значительными выгодами от продажи скота, так и потребностью в тягловой силе. В 1903 году управляющий Карловским поместьем Мекленбург-Стрелецких отмечал: «Ввиду того, что за ремонтных коней платят теперь хорошо, нужно на эту отрасль обратить особое внимание» [30, с. 86-87]. Согласно данным Центрального статистического комитета за 1900 год, помещики контролировали до 15% от общероссийского поголовья

лошадей (более 3 млн единиц) [30, с. 5]. При этом центры размещения коневодческой отрасли совпадали с местами концентрации крупного землевладения. В 1903 г. Тамбовской губернии насчитывалось 273 конных завода, 266 из которых находилось в пределах уездов с максимальным процентом крупного землевладения. В Тамбовском уезде насчитывалось 86 коннозаводских предприятия, в Кирсановском – 49, Козловском – 29. Одновременно в этих же уездах находилось 56 % всего поголовья тамбовских лошадей [32, с. 29].

Таблица 1. Динамика коневодства в Новопокровском имении Орловых-Давыдовых (1901-1912)

Годы	Лошадей						
	Ед.	Куплено			Продано		
		Ед.	Средняя цена	Итого	Ед.	Средняя цена	Итого
1901	221	24	74,31	1783,44	1	15	15
1902	221	8	54,12	432,96			0
1903	216	24	75,1	1802,4	4	13	52
1904	232	34	67,1	2281,4	3	9	27
1905	235	27	78,03	2106,81	1	17	17
1906	240	11	51,18	562,98	18	10,22	183,96
1907	214	44	84,39	3713,16	11	19,73	217,03
1908	303	106	107,41	11385,5	3	47,17	141,51
1909	369	57	105,4	6007,8	26	33	858
1910	335	20	238,77	4775,4	11	24,14	265,54
1911	334	220	133,52	29374,4	40	28,31	1132,4
1912	507	2	88,5	177	23	35,13	807,99

В начале XX века многие помещичьи хозяйства достигли значительной концентрации рабочих лошадей. Интересным является рассмотрение коневодства в одном из самых крупных имений Тамбовской губернии – Новопокровском имении Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии (Таблица 1). За 1901-1912 гг. общее поголовье местных лошадей увеличилось более чем вдвое (с 221 до 507 голов). При этом владелец грамотно обновлял имеющееся стадо, выводя из него неэффективных или больных животных. За 12 лет была продана 141 лошадь общей стоимостью 3717 руб. Одновременно в экономию было закуплено 577 единиц скота, на которые было потрачено 64,4 тыс. руб. [34]. Таким образом, очевидны попытки Орловых-Давыдовых полностью обеспечить свой производственный комплекс тягловой силой, включить в структуру помещичьего хозяйства наиболее продуктивных лошадей.

Повышению продуктивности частного коневодства служила метизация скота. Особенно ценились зарубежные породы (рысистая, битюг, английская рысистая, брабансоны, першероны, арденны), однако тамбовские владельцы интересовались и орловскими рысистыми лошадьми и битюгами (ломовая порода). Так, в Кариан-Знаменском имении Строгоновых каждые шесть лет помещичий скот (69 голов) смешивался с арденами, что увеличивало показатели его тягловости [34, с. 14]. В экономии Безобразовых местные стада улучшались першероном из Тамбовской конюшни, а в поместье В.А. Трофимова и К.В. Шиловского метизацию обеспечивали шайрская и суффолкская породы лошадей [35, с. 261]. В целом, по оценке исследовавшего тамбовское скотоводство В. Н. Дьякова, основным объектом улучшения помещичьего поголовья являлись рысистые и упряжные животные, так как именно они имели наибольшую ценность на аграрном рынке [32, с. 28]. Стоимость одного рысака, купленного на Хреновском заводе, в начале XX века могла достигать до 500 руб. [36, с. 324].

Часто помещики не ограничивались разведением одной породы лошадей и покупали разных отечественных и зарубежных производителей. В результате в частных экономиках одновременно могли жить брабансоны-арденны и битюги, английские чистокровные лошади и орловские рысаки. Так, в Гавриловском имении Сытинных разводились русские рысистые и клейдесдалы (Краткие..., 1900: 209). В Никольском поместье Любошинских содержались арденны и рысаки с Хреновского завода [37, с. 211]. Большое разнообразие и постоянные улучшения позволяли получать хорошие экземпляры. Так, в ржаксинском имении Афанасьевых был выращен самый резвый рысак

Европы – конь Крепыш. С 1907 по 1912 год на ипподромах Москвы и Санкт-Петербурга он установил 13 рекордов [84, с. 100].

Важным направлением рационализации коневодства в Тамбовской губернии являлось создание собственных племенных конезаводов. В начале XX века на территории Моршанского уезда был организован Матчерский племенной завод В.А. Пашкова [37, с. 221]. Здесь разводили лошадей-тяжеловозов (першероны, ардены, клейдесдалы и битюги), причем многие животные были премированы. В 1903 году при посредничестве главного управления государственного коннозаводства Матчерское поголовье пополнил редкий экземпляр тяжеловоза породы шайр [39, с. 3]. Выращиваемый в экономии скот шел как для ремонта собственных стад имения, так и продавался для улучшения коневодства других поместий.

Кормление породистых лошадей отличалось наивысшим качеством. Особое внимание уделялось питанию жеребят. В Моршанском имении Романовичей каждое животное в первый год жизни получало до 5 фунтов овсянки в день [35, с. 261]. Затем жеребят ежедневно выдавали до 3 гарнца овса и 5 фунтов овсяной муки. Интенсивными кормами также характеризовалась знаменская экономия Кожиных (Липецкий уезд), Земетчинское хозяйство Долгоруких (Моршанский уезд), Никольское поместье Атрыганьевых (Моршанский уезд) [37, с. 214, 218, 222].

Другой значимой отраслью животноводства частных имений Тамбовской губернии начала XX века являлось разведение крупного рогатого скота мясного и молочного направления. Если в средних поместьях края (общая площадь до 500 дес.) на каждые 100 дес. пашни приходилось не менее 7 быков, то в крупных хозяйствах (от 500 дес) этот показатель составлял не менее 30 голов [26, с. 1-130]. Широкие финансовые и ресурсные возможности латифундистов в целом симулировали количественные показатели тамбовского животноводства.

Средством рационализации крупного тамбовского животноводства являлся отбор наиболее продуктивных породы и метизация скота. Так, костяк стада Ивановской экономии Лихтенбергских сформировался благодаря массовой закупке животных у помещиков Плотичных. В последующем приобретенные животные были метизированы через приобретение производителей у Н.П. Фон-Дервиз, Вольского, Новицкого и других помещиков Тамбовщины. В Моршанской экономии Давыдовых отдельные экземпляры покупались на Московской сельскохозяйственной выставке 1891 года, а также выписывались из Петровской академии. В кирсановское поместье

Вальгардт породистые коровы поставлялись из Новопавловской экономии И.Н. Ларина [40, с. 92-120].

С целью повышения производительности скота владельцы выбирали наиболее ценные породы животных. Хорошие отзывы имела симментальская порода, отлично сочетавшая в себе качества молочного и мясного направления. В начале XX века симментальские коровы имелись на скотных дворах большинства тамбовских помещиков-скотоводов. Именно на этих животных сделали свой выбор в Тростянском имении Волконских (Шацкий уезд), в ивановском хозяйстве князя Лихтенбергского (Тамбовский уезд), тараксинском владении Чертковых (Моршанский уезд). В Земетчинскую экономию Долгоруких чистокровное симментальское стадо (15 коров и два производителя) специально покупали за границей. Одновременно, помещики ценили швицкий молочная скот, дававший значительные удои молока. Такие коровы были в Лотаревском хозяйстве Вяземских (Усманский уезд), Кариан-Знаменском поместье Строгоновых, где местное стало достигало 80 голов [37, с. 213-234]. Как симментальские, так и швицкие породы были рекомендованы к тамбовскому разведению профессором Кулешовым.

Наряду с симментальской и швицкой коровами в начале XX века в центрально-черноземных губерниях (Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловское) набирал популярность рубашевский скот [41, с. 10]. Эта порода изначально была выведена помещиком Рубашевым в Бобровском уезде Воронежской губернии. В ее основе лежали характеристики симментальских животных. По словам специалистов, рубашевки пользовались «большой популярностью, соединяя в себе значительную молочность (до 150 ведер в год), хорошую мясистость и значительный вес». Основным покупателем данной породы были средние и мелкие владельцы [42, с. 300].

Значительных успехов тамбовские помещики достигли в скрещивании местных и тирольских коров. Так, известно, что управляющий имением Похвистнева (Козловский уезд) С. С. Киселев «более 30 лет подбирал стадо в 60 голов с преобладавшим тирольской крови». Основным направлением его работ являлось повышение удоев молока и интенсификация производства собственного масла. Благодаря упорной селекции управляющий смог поднять «среднюю годовую производительностью для каждой коровы до 4-х пудов масла» [42, с. 301].

Переход помещиков к сепаратной обработке молока и приготовлению собственного масла стало основным трендом животноводства конца XIX века. Анализируя данное явление,

профессор В. Н. Дьяков отмечал «Обеспеченность сбыта масла по хорошей цене взамен продажи молока на сыроварни по 35 коп. за ведро побуждает хозяев заводить приборы и применять приемы маслоделия» [42, с. 301]. Так, в Сосновском молочном стаде Бенкендорфов годовые удои одной коровы в начале XX века могли достигать 300-400 ведер [43]. Молочное направление утвердилось и в имении Черкино Челокаевых [44, с. 15]. Все надои здесь проходили сепаратную обработку и готовый продукт реализовывался на местном и московском рынке («летом производилось топленое молоко, зимой парижское»). Само стадо достигало 80 симментальских коров при трех чистокровных производителях (Краткие..., 1903: 225).

Рыночную ориентацию имело Кочетовское хозяйство Батуриных (Шацкий уезд) [14, с. 227]. Местное молочное стадо состояло из 50 голов редкой для Тамбовской губернии голландской породы. Все полученное молоко перерабатывалось в масло, при этом для полной загрузки использовалось еще и покупное сырье. В год имение производило 150 пудов готового продукта, а основным рынком его сбыта являлась Москва.

Важным индикатором уровня рационализации тамбовского животноводства являлось появление в регионе отдельных племенных хозяйств. В начале XX века как минимум в 19 крупных частновладельческих имениях края профессионально занимались разведением породистых животных [45, с. 308-312]. Одно из них – матчеровская экономия Пашковых, где развивалось «чистокровное и выписное» симментальское скотоводство. Источником племенного стада явились массовые закупки скота на заводах – Вольского, Попова, Эймана, Корзинкиной [37, с. 221]. В сосновской экономии графов Бенкендорфов племенное стадо появилось благодаря покупкам животных в Тульской губернии (в Оппельской экономии) [46]. Крупные продажи ценных голштинских коров производило Кочетовское хозяйство Батуриных. Ежегодно оно реализовывало до 30 голов. При этом стоимость молодых телят могла составлять 15 рублей [37, с. 227].

Значительном этапом рационализации помещичьего скотоводства Тамбовской губернии стало повышение расходов на питание скота. В начале XX века в имениях местных помещиков происходил отказ от гуменных кормов в сторону сложного кормления. Так, в экономии Г. А. Чертковых скот получал смесь яровой соломы и ржаной мякны. В экономии Н.А. Адлерберга и В.К. Вольского коровам полагался усиленный паек из сена. В новотомниковском хозяйстве Воронцовых-Дашковых практиковали подкормку из сырого и вареного картофеля, в

заметчинской экономии Долгоруких – из свекловичного жома (3 пуда на голову) [35, с. 265-266].

Интересная система кормления сформировалась в отормской экономии Атрыганьевых. Здесь нормы выдачи завесили от количества получаемого молока. Кровам с удоем до четверти ведра в рацион включалась озимая мякина, солома и барда. Те коровы, которые за один раз давали 0,7 ведра, могли получать еще и морковь. Наконец, скот, который приносил владельцу больше ведра за дойку, питался овсяной мукой. При этом распорядок кормежки и ее нормировка составлялись согласно «таблицам Калущина» [46].

Важное значение в структуре тамбовского животноводства занимало разведение овец. За счет увеличения поголовья тонкорунных пород в конце XIX – начале XX века данная отрасль получила особенно сильное развитие в регионе. В овчарнях владельцев озовоидились бухарская, линкольны, каракулевая, соусадаунская, волошская, рамбуль, котцвольдская, оксфордширдаунская породы скота. «Сельские хозяева – комментировали ситуацию земские корреспонденты – заводя тонкорунное овцеводство, имели основной целью выгоднейшую утилизацию существующих у них кормов, а также поддержание плодородия своих земель для зерновых хлебов». Свидетельство этому – сохранение тамбовских овцеводческих поместий даже после тяжелой бескормицы 1889 и 1891 годов, когда все животноводство региона находилось в кризисе [47, с. 181].

Устойчивость тамбовского тонкорунного овцеводства была обусловлена выгодностью содержания мериносового скота и высокой степенью его акклиматизации. По свидетельству специалистов, «тонкорунная овца дает лучшую оплату кормов»; кроме того, мериносы «удовлетворительно выносят местные климатическая условия и дают хороший продукт при грубых кормах». Эти факторы способствовали массовому утверждению овцеводческих хозяйств «в значительном числе экономий без перемен в составе угодий и возделываемых растениях» [47, с. 181].

Формирование мериносового стада, по всей видимости, вызвало трансформацию всей животноводческой сферы губернии. Специалисты отмечали высокую корреляцию улучшенных пород с размером имений. Согласно данным земского обследования Тамбовского уезда, более 70000 мериносов содержались только в 29 крупных экономиях [47, с. 181]. При этом во всех обследованных овцеводческих поместьях отсутствовали другие виды животноводства. Таким образом, мериносов могли позволить себе только наиболее

крупные владельцы, полностью сосредотачивающиеся на развитии этого направления скотоводства.

В конце XIX – начале XX века на территории Тамбовской губернии стали формироваться развитые меринозные овцеводческие хозяйства. Одно из самых крупных поголовий овец содержалось в Ново-Покровском имении А. В. Орлова-Давыдова. В 1889 году эта отара достигла 12442 животных [47, с. 182]. Основой новопокровского овцеводства являлось стадо прежнего владельца имения П. Д. Волконского (7000 голов смеси негретти с электоральной овцы). Для улучшения местного скота Орловы-Давыдовы выписывали отдельные экземпляры производителей из Балашовского имения Сатиных 934, приобрели в Саксонии (хозяйство Кейзера) два чистокровных барана рамбулье. Улучшения позволили получать с ново-покровских овец штофную шерсть.

В начале XX века ряд экономий Тамбовщины приобрели яркую овцеводческую направленность. В Александровской экономии Петрово-Соловово стадо мериносов оценивалось в 13270 головы (1889 г.). Так же как и в Новопокровке, эти овцы улучшались покупкой племенных пород в Саксонии. В Степановской экономии А. А. Сатина содержалось более 3000 экземпляров рамбулье, улучшаемых производителями из Франции (хозяйство Лефевра и Роже) (Сборник..., 1894: 182). В поместье В.А. Пашкова Матчерка (Моршанского уезда) содержались редкие для Тамбовской губернии 50 румынских овец цыгайской породы (куплены в 1897 г.) [37, с. 221].

Гораздо меньшее распространение в экономиях крупных тамбовских помещиков получили породы русской овцы. В этом отношении можно отметить только тамбовское поместье А. Н. Янькова, который в 1889 году имел стадо из 1000 голов [47, с. 184]. При этом основу местного овцеводства составляли достаточно возрастные животные (769 экземпляров), в числе которых земские корреспонденты насчитали 27 баранов, 463 матки и 279 валухов. К молодому приплоду можно было отнести только 284 головы. Основным источником пополнения местных отар стала выписка поголовья из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (район с. Уварово) и из Бобровского уезда Воронежской губернии (с. Шучье). Ввиду скудного выхода шерсти местное стадо имело мясное направление.

Новым явлением в овцеводстве тамбовских владельцев являлась покупка скота на откорм. Для этих целей владельцы поместий заводили «довольно большие стада простых овец» и содержали их на «свободных летних пастбищах». Осенью все поголовье резались, а

мясо солилось для продажи. При этом для приобретения больших отар тамбовчане часто ездили в Область войска Донского, где их интересовали волошские, бухарские, каракульские и курдючные животные. Небольшие партии овец могли покупаться у соседнего крестьянства. Так, при земском статистическом описании Тамбовского уезда 1889 года волошанки были зарегистрированы в 7 имениях, каракули – в 2, курдючный скот только в 1 [47, с. 184]. Аналогичные животноводческие хозяйства встречались в Кирсановском [26, с. 154-171], Липецком [48, с. 136-138] и других уездах Тамбовщины.

В отличие от овцеводства, товарное разведение свиней в Тамбовской губернии не имело существенного значения. Согласно земским обследованиям конца XIX века, свиноводческие комплексы региона «располагали в большинстве незначительным числом свиней, представляющих обыкновенно помесь русской местной породы с белой или черною английскою» [47, с. 184]. В результате эта отрасль не имела рыночной направленности и развивалась исключительно для личных потребностей владельцев имений.

В конце XIX – начале XX века ситуация несколько улучшилась. По данным 1903 г., только в ряде тамбовских имения получило развитие племенное разведение свиней. Среди наиболее выдающихся свиноводческих хозяйств региона следует отметить Степановское поместье А. А. Сатиной, которое культивировало стадо из 109 голов (3 хряка, 20 маток, 33 поросенка, 53 животных на откорме). Это поголовье было улучшено благодаря беркширскому и йоркширскому производителям [47, с. 184]. В Гавриловском поместье А. Н. Кензарь (Сатиной) земское обследование обнаружило 303 животных йоркширской породы (2 хряка, 68 свиней, 156 поросят и 77 боровов) [26, с. 272]. Александровская экономия Петровых-Соловьевых содержала 257 голов альпийской белой овцы (3 хряка, 64 матки, 54 борова, 134 поросенка), в Ново-Покровской экономии А. В. Орлова-Давыдова культивировалось 662 головы (8 хряков, 114 маток, 219 боровов, 221 поросенок) [47, с. 184].

В Моршанском уезде было известно свиноводческое имение семьи Вяземских, В. К. Вольского и П. А. Атрыганьева, где содержались йоркширы. В начале XX века Кариан-Знаменское хозяйство Строгоновых вело улучшение местного поголовья через закупки производителей из Англии (завод Лорда Эльмера). Одновременно эксперименты для работы по увеличению продуктивности скота проходили в поместьях М. А. Мингрельской и у И. И. Марковой, где поросята русских пород скрещивались с иностранными (преимущественно с белыми альпийскими свиньями) [35, с. 269-270].

Так же, как и в овцеводческих хозяйствах Тамбовской губернии, в конце XIX – начале XX века среди тамбовских свиноводов в моду вошла ежегодная покупка животных для откорма. Этот бизнес заключался в приобретении недорогих молодых свинок, их транспортировке в помещичьи вольеры и усиленной кормежке. В большинстве таких хозяйств поросята получали «гречишную, просяную, льняную мякину, муку, картофель, свеклу или овес». Ряд тамбовских владельцев кормил поголовье гречишной лузгой или свекловичной бардой. Отдельные местные помещики практиковали выдачи животным смеси льняной мякины и ржаной муки, а также каши из муки и овса [26, с. 185].

Отдельный аспект развития рационализации помещичьего животноводства – создание инфраструктуры для содержания животных. Данные нововведения были свойственны только крупным и обеспеченным хозяйствам. В то время как большинство мелких помещиков Тамбовской губернии заявляли «о сравнительно дешевом и грубом содержании поголовья» [47, с. 177-178], тамбовские латифундисты для своих животных возводили современные и дорогостоящие постройки.

Центральное место в инфраструктуре имений придавалось загонам лошадей и для крупнорогатого скота. В популярном дореволюционном справочнике «Наши сельскохозяйственные постройки», обустройству таких помещений уделялось особое внимание [10]. «Те экономические условия, которые должны удовлетворять жилища людей, указывалось в издании необходимо было выполнять и при строительстве помещений для животных». Загоны должны были удовлетворять требованиям «гигиены, быть светлыми, сухими и хорошо вентилируемыми» [10, с. 23]. В соответствии с этим, каменные постройки с продуманными кормовыми системами существовали в имениях Адлерберга, Чолокаева, Пейкер, Долгорукой, Орловых-Давыдовых и других тамбовских помещиков. В Кариан-Знаменском поместье Строгоновых лошади помещались в теплых каменных корпусах с огромными денниками и металлическими стойлами [34].

Большое внимание придавалось также строительству овчарен. В экономической практике большинства владельцев такие строения делались из длинных деревянных сараев, окруженных бревенчатыми заборами. При этом в непростом климате черноземной полосы России данные сооружения, как правило, выстраивались теплостойкими, закрытыми, с ориентацией продольных сторон фасадов на север и юг [10, с. 38]. Кроме того, в силу неустойчивости овец к различным

заболеваниям, животноводы пользовались специальными правилами содержания скота в загонах.

Образцовым с точки зрения содержания овец считалось Ново-Покровское имение Орловых-Давыдовых. Здесь овчарни располагались на нескольких хуторах, а общая стоимость инфраструктуры для животных составляла 32000 руб. При этом нормы содержания скота в вольерах, расписание кормежек, время пастбищного выгона тщательно регламентировались специальными правилами. Каждое животное проходило радикальный ветеринарный осмотр и прививалось. За этим следили не менее 20 постоянных рабочих во главе с ветеринаром). Все правила скотоводческой деятельности контролировались управляющим имением и не подлежали пересмотру.

Таким образом, в пореформенное время тамбовские помещичьи хозяйства существенно увеличили качественно-количественные показатели развития животноводческой отрасли региона. Существенно развивались овцеводство, свиноводство, коневодство, крупнорогатое скотоводство. Одновременно помещики добились улучшений в сфере их разведения, содержания и кормления. Отдельным направлением стала промышленная переработка продукции животноводства, полнее всего выражавшаяся в создании сепаратной переработки молока. Возросшие показатели скотоводства увеличивали общий прогресс сельского хозяйства владельцев, способствовали росту их доходов от продажи мясомолочной продукции и живого скота.

Список литературы

1. Пономарев Н.В. Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени, Санкт-Петербург, 1888. 402 с.
2. Россия. Комис. для исследования сельского хозяйства и сельской производительности. Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России : Журналы Комиссии. Санкт-Петербург, 1873. 55 с.
3. Исследование современного состояния овцеводства в России: в 5 вып. Вып. 1: тонкорунное овцеводство в юговосточных губерниях. Санкт-Петербург, 1885. 167 с.
4. Исследование современного состояния скотоводства в России [Текст]. Вып. 1. Рогатый скот / М-во гос. имуществ, Департамент земледелия и сельской промышленности. Москва, 1884. 168 с.

5. Верещагин Н.В. Сведения о состоянии скотоводства в России, собираемые Статистическим отделом Общества. Волынская губерния // Записки Московского общества улучшения скотоводства в России. Вып. I. СПб., 1870. С. 57–62
6. 1882 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев / Департамент земледелия и сельской промышленности: в 3 вып. Вып.3: Сведения за осенний период и общий обзор года. Санкт-Петербург, 1883. 415 с.
7. Вильсон И. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб, 1869. 523 с.
8. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб, 1871. 922 с.
9. Историко-статистический обзор промышленности России / Под ред. Д.А. Тимирязева. Т. 1. Сельскохозяйственные произведения, огородничество, садоводство и домашние животные, горная и соляная промышленность. Отд. XI. СПб, 1883. 541 с.
10. Галунов М. В. Наши сельскохозяйственные постройки : Жилые дома, дома для рабочих, ледники, бани, прачечные, отхожие места, мусор. ямы, навозохранилища и компостные ямы, конюшни, с детал. устройством, скот. дворы, овчарни, свинарни, птичники, молоч. сараи, навесы, силосы, овины, молотил. сараи, амбары, погреба, парники, теплицы, оранжереи. Санкт-Петербург, 1911. 64 с.
11. Сваицкий Н.А. Земские подворные переписи: (Обзор методологии). Москва, 1961. 355 с.
12. Чайнов А.В. Бюджетные исследования. История и методы. Москва, 1929. 331 с.
13. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Вып. I -24. Тамбов, 1880-1900.
14. Краткие сведения о скотоводстве некоторых русских хозяйств / Сост. П.А. Пахомов. СПб, 1903. 411 с.
15. Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств, по данным, полученным от хозяев / Сост. Е.Ф. Лискун . СПб., 1910. 712 с.
16. Ашешов Н.П. Сведения о положении скотоводства и торговле его продуктами в России. Составлено на основании донесений управляющих конторами и отделениями Государственного банка. СПб, 1903. 122 с.
17. Лобашев М.Е. Очерки по истории русского животноводства. Ленинград, 1954. 343 с.
18. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. Москва, 1957. 495 с.

19. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. Москва, 1975. 397 с.
20. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.). Москва, 1969. 394 с.
21. Шуваев Д.А. Рационализация природопользования в Спасском поместье тамбовских дворян Давыдовых в конце XVIII – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Выпуск 2(142). С. 132-137.
22. Хмель Е. В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2004. 22 с.
23. Островский А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. Санкт-Петербург, 2014. 442 с
24. Сельский хозяин. 1910. № 7. С. 1890-1892.
25. Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за [Текст] : с приложением таблицы фрахтов и страховых премий на хлебные грузы / М-во торговли и пром-сти. Санкт-Петербург, 1913. 120 с.
26. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст]. В 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. 673 с.
27. РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 592. Л. 109-121
28. РГАДА. Ф. 1088. Оп. 11. Д. 359. Л. 1
29. Сельскохозяйственный календарь проф. П. Р. Слезкина: в 3 т. Т. II, ч. 2. Киев, 1914. 213 с.
30. Журнал заседаний собрания служащих Карловского имения. Полтава, 1903. 106 с.
31. Сведения о количестве скота в 1900 г. // Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Вып. 50. СПб., 1901. 100 с.
32. Статистический обзор Тамбовской губернии // Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год / издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов, 1903. 122 с.
33. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102. Л. 1-30
34. Самодуров И. Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова Тамбовской губернии и уезда, при селе Знаменском-Кариане : С прил. 4 табл. за 30 лет. Москва, 1896. 19 с.
35. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда. – Тамбов, 1890. 504 с.

36. Дубенский Д. Н. Коневые средства Европейской России : (Обследование соврем. состояния коннозаводства и коневодства губерний Европ. России с ист. очерком) / Сост. подполк. Дубенский; Под ред. Ген. штаба ген.-м. Маркова. - Санкт-Петербург, 1903. - 420 с.
37. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1900. 476 с.
38. Крепыш — лошадь столетия: сборник / Сост. А. М. Ползунова. Москва, 2004. 160 с.
39. Культурный уголок // Тамбовские губернские ведомости [Текст]. 1900 г. № 29: 11 марта с. 3-4.
40. Сведения о некоторых хозяйствах и технических предприятиях Тамбовской и других губерний. Тамбов, 1912. 124 с.
41. Лисаневич И.А. Скотоводство Тимофея Ивановича Рубашевского : Характеристика и история происхождения рубашев. скота. Воронеж, 1892. 30 с.
42. Животноводство Тамбовской губернии // Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год / издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов, 1903. С. 282-308.
43. ГАТО. Ф.51. Оп. 1. Д. 274. Л. 73
44. Описания отдельных русских хозяйств [Текст]. Вып. VI. Тамбовская губерния. Санкт-Петербург, 1898. 15 с.
45. Хозяйства, разводящие племенной рогатый скот, овец и свиней // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 308-312.
46. ГАТО. Ф.51. Оп. 1. Д. 203. Л. 24- 24об
47. Сборник статистических данных по Тамбовской губернии [Текст]. В 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. 196, 370 с.
48. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии/ издание Тамбовского Губ. земства: частное землевладение Липецкого уезда. Тамбов, 1893. 149 с.
49. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 210. Л. 57.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КРУПНОПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

3.1 Экологические риски процесса экономической модернизации хозяйственных комплексов крупных помещиков в конце XIX – начале XX века

Хозяйственная модернизация крупных помещичьих имений России усиливала антропогенную нагрузку на природу [1]. Многофакторность производств, сложная отраслевая специализация поместий, промышленная интенсификация формировали экологические риски, отрицательное сказывались на качестве природных ресурсов. В конце XIX экологические последствия активной модернизации уже начали входить в проблемное поле дискуссий о пути модернизации российского сельского хозяйства [2]. Еще в 1893 году В.В. Докучаев отмечал первые следы экологического кризиса в центральных губерниях страны: «Уже теперь окончательно выяснилось, что одному правительству, несмотря на все его силы и средства, едва ли справиться с теми стихийными невзгодами- которые придают нашему южному сельскому хозяйству характер биржевой азартной игры». К числу угроз он относил заполнение природы «почти критическими засухами, бурями, суховеями, заморозками, непомерным разрастанием оврагов, движущимися песками, усыханием водоемов, понижением грунтовых вод, выпаживанием и истощением почв и пр.» . Аналогичные процессы наблюдали и другие отечественные специалисты [3].

Вместе с тем предупреждения специалистов не сильно влияли на официальное российское законодательство. Фактически на протяжении всего пореформенного времени экологические риски регулировались Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., лишь частично охватывающую сферу природопользования. Противозаконным признанся факт наличия «вредными для чистоты воздуха или воды производства» расположенного «по течению реки или протока» . Более прогрессивный законопроект «О санитарной охране воздуха, воды и почвы», поступивший на рассмотрение в Государственную думу России только в 1913 г., так и не был принят [4, с. 771].

Активная хозяйственная деятельность помещиков не могла не сказываться на качестве водных ресурсах региона. Промышленная интенсификация имений в начале XX века обуславливала частое

загрязнение близлежащих к поместьям рек и ручьев. Документы врачей-инспекторов Тамбовской губернии фиксировали постоянные нарушения экологии. В 1904 году кожевенный завод Попова стал причиной загрязнения р. Дон и ее притоков в Лебедяни. Проведенная экспертиза показала технологические проблемы в очистке стоков: «Кожу в поступлении своем промывали в глубоком затоке, находящегося на правом берегу р. Дона, недалеко от завода. Обычно вода в запруде фильтровалась в реку через естественную насыпь, но во время весеннего разлива и в период сильных дождей, заток сообщался с Доном». При этом от действий предпринимателя страдали не только работники завода, но и жители «ряда слобод», которые «пользовались водой р. Дона». Механические очистки, применяемые на заводе Попова (фильтрация стоков через насыпь), хотя и была самой распространенной в дореволюционной России, но часто давала сбой из-за подъема уровня вод. Возникающие из-за этого проблемы периодически возникали в разных частях России, а самые серьезные освещались в прессе [5].

Аналогичные проблемы возникали и при работе кожевенного завода Терпугова, Ключева и Котовой в Липецком уезде. Проверка, организованная на предприятиях, доказала вину предпринимателей в загрязнении р. Воронеж. «Нечистоты от их фабрики шли от производства из-за очистки кож на берегу реки и спуска в нее нечистот с завода» – констатировалось в санитарной экспертизе. При этом изучение масштабов загрязнения показывало значительные объемы выбрасываемых стоков: по наблюдениям инспекторов, обмывка выработанных на производстве кож «происходила на протяжении одной версты от завода». В 1902 г. по запросу Липецкой уездной управы профессор Юрьевского университета Спасский провел отдельное химико-биологическое исследование реки в районе расположения предприятия. В его заключении указывалось: «Вода в р. Воронеж была негодна к употреблению не только человеком, но и животными». Единственным выходом из ситуации профессор видел ликвидацию предприятия и установки на его месте мертвой зоны («Снести завод – установить мертвую черту»).

Данное экспертное заключение говорило о серьезных экологических проблемах с обеспечением безопасности в районах промышленных производств и фактически могло относиться ко многим другим предприятиям Тамбовской губернии. Так, поиск источника загрязнения реки Усмань в одноименном уездном центре Тамбовской губернии четко указал на завод купца В. Ф. Огаркова. Производя на своем предприятии «мытьё и мочение кож», весь сток

(по подземным трубам) он спускал в реку. При осмотре винокуренного завода Третьякова при деревне Новая Ляда Тамбовского уезда также выявились серьезные недостатки: «Отработанные жидкости из помещений завода стекали по деревянному желобу и поступали в ручей, берущий свое начало у заводного пруда, после чего речей тек в направлении к деревне Старая Ляда».

Значительный ущерб реке Иловой в Козловском уезде принесла мельница общества крестьян Тернового. Прибывшей сюда экологической комиссией были взяты пробы для исследования воды в четырех местах – около мельницы, выше и ниже по течению реки. Самой загрязненной оказалась проба №1, которая отмечала наличие в воде азотистой кислоты и аммиака. Позже был произведен повторный осмотр, который показал источник загрязнения: «промывные воды поступали из отстойных колодцев по фильтру в нижний колодец озера. Из озера была сделана труба, по которой воды попадали в отстойник. Спуск промывных вод в р. Иловой не допускался, но во время половодья вода все же попадала в реку».

Долгие жалобы местных жителей на «гнилостный запах» реки Сухой Липовицы в с. Богословка Тамбовского уезда привел в итоге к разбирательству с администрацией винокуренного завода Гуаданини. Было взято четыре пробы: 1) в 50 саженях от мойки картофеля; 2) в 5 саженях от мойки картофеля; 3) взятая в 150 саженях от мойки; 4) в 300 саженях от мойки. Самой загрязненной оказалась проба №1. В ней было много азотистой кислоты, аммиака и сероводорода. Осмотр местного производства показал, что все эти нечистоты вместе с «отработанной водой шли прямо в реку», располагавшуюся в 150 саженей от завода. При этом река Сухая Липовица имела ключевое значение для обеспечения питьевой водой жителей села с. Богословка.

Сложности с доступом к качественной питьевой водой обеспечивали и жители с. Ракша в Моршанском уезде. По их мнению, воду с реку Разазовка загрязнял крахмальный завод семьи Безобразовых. После их обращения к властям последовала оперативно организованная проверка и вина местного предпринимателя была полностью доказана. В рапорте врачебного инспектора за 1902 г. отмечалось: «О загрязнении свидетельствовало присутствие пены на самой реке». После повторной экспертизы со стороны Моршанского уездного исправника владельцу было предписано исправить недостатки местных очистных сооружений. В частности, были выдвинуты требования об увеличении глубины всех сточных желобов, пришедших за годы работы предприятия в негодность. К началу 1904

года эти требования были выполнены. Углубление сточных канав повышало емкость очистных сооружений. Одновременно на сточных болотах была насыпана угольная насыпь, надежно блокирующая попадание промывных заводских вод в речку.

Удалось решить и проблемы загрязнения реки в районе действия мукомольной мельницы рода Башкировых в Моршанском уезде. После установления факта технологии очистки и отвода сточных вод, «комиссия взяла с него подписку о недопущении спуска отработанных вод в реку, либо предлагалось ему включить эту воду от места спуска и до реки Цны в закрытый желоб» . В 1904 году все замечания комиссии владельцем предприятия были исправлены.

Загрязнялась р. Студенец в Тамбове паровой мельницей семьи Егоровой. Осмотр предприятия, организованный 28 ноября 1912 г., показал, что «мельница загрязняет р. Студенец, спуском отработанных вод и нефтяных остатков». В ноябре состоялся осмотр берега р. Студенец. Оказалось, что «по длинной, узкой канаве с газового завода текла в реку густая жидкость черного цвета с запахом нефти, креолина и карболовой кислоты. Канавка сообщалась с резервуаром, который находился на дворе завода. Резервуар был наполнен дегтеобразной жидкостью, в избытке спускаемой в р. Студенец».

Огромной проблемой для жителей города Тамбова и целого ряда селений по реке Цне представляла деятельность мыловаренного и салотопенного завода семьи Шамониных. Материалы санитарного обследования предприятия, предпринятого Губернским врачебным инспектором Петялиным и санитарным врачом Сперанским однозначно указывали на вину заводовладельца. В частности, в своем отчете 1909 года они указывали «Вся усадьба лежала в низменной окрестности, и отработанные воды из котла спускались в низменную площадь» При этом «вывоз отработанных вод этим заводом производился на близлежащий лужок». В результате весеннего разлива реки Цны эти стоки попадали в воду, делая ее непригодной к использованию.

Установив факт загрязнения р. Цны отбросами завода, комиссия предъявила следующие требования: «прекратить спуск остатков в притоки Цны, иметь на заводе две закупоренные бочки, для вывозки всех отбросов, либо действие завода, при невыполнении требований было бы приостановлено». В 1910 году экологическая обстановка в районе действия предприятия нормализовалась. Заводовладелец «создал костеварочные отделения, осушил болота сточных вод».

В 1903 году владельцу винокуренного завода А. В. Пегову в Козлове были выдвинуты условия о предварительной очистке сточных

вод, которые спускались в р. Воронеж. Проведенное исследование воды показало: «вода, взятая из р. Воронеж в 15 саженях ниже впадения заводской воды, содержала следы сернистого водорода и аммиака». В 1904 году вновь проведенный осмотр установил: «На заводе был сделан фильтр. Он представлял каменную коробку, стены и дно сложены из кирпича и зацементированы. Таким образом, вся коробка была водонепроницаема. Перед фильтром был сделан через каменную перегородку отстойник, из которого вода переливалась в фильтр через каменную перегородку. Фильтр был наполнен камнем и песком».

Вода в р. Оторма (Моршанского уезда) была испорчена винокурным заводом Атрыганьевых. На этой реке было устроено два пруда. Вода первого пруда задерживалась плотиной, а излишки ее посредством двух шлюзов протекали дальше. Промывные воды завода и отбросы производства поступали из завода в пруды, а оттуда в р. Оторма. Как первый, так и второй пруд служили источником воды для всего населения. Проведенное исследование подтвердило непригодность местной воды к употреблению: пробы содержали следы аммиака, сероводорода и большое количество органических веществ. После обращения санитарной комиссии к владельцу все недостатки были исправлены

В начале XX века сильно пострадала экология реки Изверзи, которая служила основным источником качественной питьевой воды для большинства местных крестьян. Богатые лесные насаждения в верховьях реки привлекли сюда промышленников, сводивших липовый лес для производства мочал. При этом на реке был организован полный цикл производства – от обдирки лубки до их мочения в воде. Огромные объемы производства портили местную воду, превращая ее «негодной не только для питья, но и даже других потребностей». В 1903 году из-за лесопромышленников «река на расстоянии одной версты стала черною и вонючею». Однако многочисленные жалобы местных жителей так и не привели к результату. Так как в реке вымачивались природные материалы, санитарная комиссия не зафиксировала серьезных нарушений.

Значительное влияние на экологию приносили крахмальные заведения помещиков Шацкого уезда. Крупный завод Шульгиных и Полуниных располагался при деревне Райполь 80 саженях от реки Тыренец. В журнале санитарной исполнительной комиссии за 1910 г. подчеркивался вред этого предприятия для местных жителей в непосредственной близости от завода находился луг, на который «спускались все загрязненные, промывные воды с производства». При

этом комиссия нашла два таких спуска: «один находился близ самого завода, по которому стекала грязная вода со зловонными картофельными остатками», второй спуск «служил для стока воды после промывки картофеля и крахмала, от которого воды, от которого воды разливались по лугу, образуя множество сообщающихся между собой болот, издававших сильный запах». Что касается плотины, защищавший реку от грязи, то через «нее вода свободно просачивалась в Тыренец». Найденные нарушения, однако, не повлияли на деятельность предприятия. По заключению комиссии, коренная перестройка местных очистных сооружений невозможна, так как «производство на заводе в заканчивалось конце ноября и из-за холодного времени», из-за чего «принять меры к устранению недостатков было нецелесообразным».

Значительное количество нарушений норм экологической и санитарной безопасности, допускаемых владельцами предприятий, заставляло власти действовать на упреждение. Так, при постройке одного из кожевенных заводов в г. Кадом (владелец предприятия не назван), выдвигались следующие требования:

- 1) во всех отделениях завода должны быть сделаны непроницаемые полы и со стоком;
- 2) сточные воды во всех отделениях должны были быть отведены в особые бассейны или ямы, непроницаемые по дну;
- 3) жидкие и другие отбросы должны были вывозиться на места по указанию врачебного санитарного надзора;
- 4) сало и другие животные отбросы не должны были оставаться на заводе, если они начали подвергаться гниению;
- 5) промывные воды не должны спускаться в источники.

Однако не все из вышеизложенных требований были исполнены владельцем предприятия. Осмотр завода, произведенный в 1909 году, показал, что «промывка кож и шерсти велась в р. Мокше, в отведенном месте ниже г. Кадома в расстоянии 20 верст от него». О дальнейшей судьбе предприятия и наказании владельца документы не сообщают.

Спуск сточных вод без предварительной очистки обуславливал появление в речной воде патогенных бактерий, вызывавших опасные заболевания (брюшной тиф, дизентерия, холера). Акты санитарного осмотра салотопенных заводов Петиных и Абоносимовых на реке Цна демонстрируют вредность производства для всех окрестных жителей: «Заводы имели обыкновение выливать отработанную воду в реку. Эту воду использовали в употребление жители, в результате чего наблюдался рост заболеваний (холерой, дизентерией)». В связи с

ухудшением качества цнинской воды власти города Моршанска признавали необходимость очистку системы местного водопровода. Так как городской водопровод, как отмечали эксперты, получает воду из реки Цна, «качество воды в водопроводе зависело не только от результатов фильтрации, но и от состояния реки». В отчете Моршанского городского головы за 1904 г. говорилось: «Вода, которая застаивалась в реке Цна из-за того, что была перегорожена плотиной, отравляла воздух вредными испарениями. Они порождали малярийные заболевания». В этом же году в Тамбове на заводе Крючкова были зафиксированы утечки вредных стоков. Врачебным инспектором в 1909 г. было сделано предписание о полном закрытии производства, так как оно «способствовало распространению заразных болезней». В это же время в городе была объявлена эпидемия тифа .

Экологические проблемы, связанные с неправильной эксплуатацией природных ресурсов, могли иметь последствия не только для тамбовских поселений. Чрезвычайно показательный пример этого – история Новопокровского сахарного завода Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии. В январе 1911 году сбой в работе его очистных сооружений стал причиной загрязнения крупнейшей водной артерии юга России – реки Битюг. При этом ареал загрязнения охватил не только территорию Усманского уезда Тамбовской губернии, но и распространился в поселения Бобровского уезда Воронежской губернии.

Загрязнение реки стало причиной жалоб крестьян в санитарную инспекцию. На место происшествия прибыл полицейский урядник третьего стана Усманского уезда, были взяты пробы воды, опрошены свидетели, изучены очистные сооружения. Работа комиссии показала пренебрежение владельцем завода всякими технологическими нормами и правилами обращения со сточными водами. . По решению санитарной инспекции Орлову-Давыдову предстояла большая работа по исправлению нарушений. В числе выдвинутых требований значились: организация движение сточных и промывных вод « в одну общую канаву», устройство «не менее трех отстойных бассейнов, с фильтровальным аппаратами, увеличение площади полей и лугов для отстоя воды, укрепление и расширение плотины, отстойных лугов от реки». Повторный приезд полицейский урядника на завод, состоявшийся в октябре 1911 года, подтвердил выполнение всех требований инспекции

Многочисленные эколого-производственные проблемы в деятельности российских помещиков на рубеже XIX–XX веков показывают недоучет экологических рисков в их экономической

детальности, потребительское отношение к эксплуатации природных ресурсов. И хотя понимание важности природоохраны не выходило из сферы повседневного опыта помещиков, необходимость устранения последствий загрязнений и возникновение конфликтов с пострадавшими заставляли владельцев корректировать свою хозяйственную деятельность. Все это повышало экологическую культуру, трансформировало деятельность предпринимателей с учетом возможных рисков для природной среды.

Список литературы

1. Цинцадзе, Н.С. (2012). Демографические и экологические особенности развития пореформенного аграрного общества Европейской России (по материалам мемуарной литературы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 10. С 304-308.
2. Канищев, В.В., Цинцадзе, Н.С. (2011). Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. № 8. С. 273–283.
3. Нефедов, С.А. (2009). Экологический кризис в Центральном Черноземье и проблема аграрного перенаселения в начале XX в // Экологическая история России в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. Тамбов. С. 23-30.
4. Попова, Е.А., Кокорев, В.Г. (2021). История развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Актуальные проблемы государства и права. Т. 5. № 20. С. 766-778.
5. Есина, Е. А., Мусин, М. Н. (2009). И тогда мещанин Глухов закрыл свой химический завод // Парламентская газета. 5 июня. С. 21.

3.2 Особенности мелиорации сельскохозяйственных угодий крупных имений в конце XIX – начале XX века

В начале XX века в аграрном секторе Тамбовской губернии стали ощущаться первые черты экологического кризиса. В разных частях региона современники заявляли об истощении и эрозии почв, опустошении лесов и снижении плодородия лугов [1, с. 273]. И хотя эти явления не затрагивали весь комплекс аграрных отношений и проявлялись скорее эпизодически, скорость деструктивных процессов

свидетельствовала о сбоях экстенсивной системы развития сельского хозяйства Тамбовщины. Пытаясь проанализировать причины экологических проблем, Д.Ф. Самарин писал: «Недороды случались по двум главным причинам: из-за засух и истощения почв. Они, в свою очередь, были вызваны истреблением лесов, усиленной распашкой земель, разрастанием оврагов (отдельные овраги в средней полосе России достигали 18-ти и более верст длиной и 20-ти саженой глубиной)». Сравнивая ситуацию в России и в других странах, он констатировал «У немцев, чтобы спастись от излишка влаги, был лозунг: «Осушить или голодать!». Наш лозунг должен быть: «Накоплять и сберегать влагу или голодать!» [2, с. 9].

Одним из центральных факторов эрозии сельскохозяйственных угодий Европейской России современники назвали бесконтрольную вырубку лесов, повышающую движение почв. Вред обезлесивания в собственном хозяйстве испытал тамбовский помещик В. И. Вернадский. В своем родовом поместье (Моршанский уезд) он приказал: «обрыть от скота кусты дубов». Однако, «совершенно неожиданно для владельца эта инициатива «нарушила вековой строй» жизни и обернулась серьезными экологическими последствиями: «началось размывание, начали образовываться овраги, и местность прорылась так глубоко, как никогда, появились ниже ледникового слоя лежащие зеленые пески». В результате «от канавы (соседа – помещика) Вольского начал образовываться огромный овраг».

В начале 1870-х гг. первые признаки экологического кризиса начали ощущаться и в Трубетчинском имении семьи Васильчикова (Лебедянский уезд). Сравнивая природу своего поместья в прошлом и настоящем, Васильчиковы констатировали безрадостную картину увядания некогда красивого владения. Если в конце 1840-х г. в окрестностях Трубетчино произрастали «крупные дубовые и березовые леса», то в середине 1870-х гг. от них не осталось и следа. Перед наблюдателями «стелился только голый горизонт, и глаз его беспрепятственно углублялся в безрадостную пустынную даль полей». При этом, по словам помещиков, данная картина была характерна не только в их местности, но и для имений в «Сатине, Бранном, Замартинье, Варварине, Тележенках, Хорошевке, около Парая» «Безводье постигает нас из того, что мы уничтожаем леса и не принимаем никаких мер по прекращению этого преступного расхищения» - так резюмировали причины экологических проблем владельцы Трубетчино.

Кризисные экологические явления являлись могли являться угрозой для целой местности. Так, по наблюдениям помещика с.

Хорошевка экстенсивная деятельность человека привела пересыханию ряда родников и уходу грунтовых вод. В результате «весь край был пересечен сухими лощинами, наполненными песком и илом». Схожая картина наблюдалась в селе Игорец, где крестьяне «неожиданно наткнулись на сыпучие, подвижные, песчаные бугры, взгроможденные какою-то невидимую силою по верх плодородного слоя земли».

В конце XIX – начале XX века динамика экологического кризиса в тамбовском аграрном секторе настолько обострилась, что стала предметом специальных совещаний тамбовского земства [3, с. 55-96]. Отсталая техника полеводства и агрикультурная безграмотность крестьянского населения вызывали истощение почвы, снижали валовой сбор хлеба. Свидетельство этому – страшный неурожай 1891-1892 года и последовавший за ним голод, остро отразившийся на тамбовской деревне. Понимая важность оказания помощи пострадавшему крестьянству, в 1894 г. тамбовские земцы создали специализированную агрономическую организацию, деятельность которой распространялась на все уезды губернии. Ее сотрудники ездили в отдельные села региона, читали просветительские лекции, открывали опытные поля. Однако не успев толком начать свою работу, в 1895 году новая организация была закрыта. Причиной ликвидации являлась нехватка финансирования. Когда Губернская Земская Управа предложила уездным управам профинансировать агрономическую помощь населению и компенсировать затраты на агрономов, в большинстве управ не смогли найти нужные средства [4, с. 53].

В конце XIX – начале XX века опасность экологических вызовов стала волновать и помещиков. Осознав риски кризисных процессов в аграрном секторе экономики, наиболее сознательные землевладельцы перешли к более рациональному освоению природных ресурсов. Их деятельность не только способствовала включению в хозяйственную среду новаций, но и повышала технико-технологический уровень местных хозяйств [5]. При этом внедрение экологических нововведений охватывало все отрасли земельного производства (лесоводство, полеводство, луговоеводство) и все виды рационализации природных ресурсов (агролесомелиорация, культуртехническая, химическая мелиорация).

Важным средством рационализации лесного хозяйства тамбовских помещиков в конце XIX – начале XX века являлась агролесомелиорация – комплекс мероприятий, направленных на улучшение почвенно-гидрологических условий развития владельческих лесов. Чаще всего помещики практиковали создание противоэрозийных лесных насаждений, защищавших овраги и балки

от дальнейшего разрастания, а также предотвращавших размывы низких берегов рек. Высокое значение подобных насаждений отмечалось в Богородицком хозяйстве О.П. Долгорукой (Моршанский уезд). Образовавшиеся здесь водомоины на реке Липовка засаживались ивами, эффективно справлявшимися с эрозией береговой линии. Значительное внимание проблемам вопросам агролесомелиорации уделялось Долгорукими при модернизации своего другого поместья – Заметчинской экономии. Здесь ветлой были обсажены границы полей и лесов Старополянского хутора [6, с. 24].

Комплексная работа по организации ограждающих посадки лесных насаждений проходила в Ивановке – имении знаменитого тамбовского музыкального деятеля и одновременно помещика С. В. Рахманинова. Все стадии этой деятельности были описаны Сергеем Васильевичем в личной переписке с педагогом Никитой Морозовым: «Последним делом увлекался и увлечен до сих пор. Для этого дела приобрел себе бурав, которым буравлю на аршин вглубь и сажаю туда большой кол ветловый, аршина на 3 под землей. Посадил 120 штук таких. Поливал и поливаю их с аккуратностью, терпением и настойчивостью, достойной лучшей участи. Зато и мой восторг велик, когда увижу свежую почку или молодой зеленый листок. Веду строгую отчетность принявшимся деревьям. Теперь их у меня уже 43». Такая деятельность ограждала поля владельца от неблагоприятных факторов и повышала устойчивость рахманинского хозяйства.

Культуртехническая мелиорация была связана с повышением качества обработки помещичьей почвы, внедрением новых севооборотов, технико-технологической модернизацией владельческого хозяйства. При этом главным направлением культуртехнических работ в поместьях, как правило, выступала борьба с солонцами – почвами, которые «чрезмерно богатые вредными для растительности растворимыми солями». В целях преодоления засоленности земли тамбовские рационализаторы активно использовали гипсование (важно для удаления вредной соды), прикрывали проблемные участки соломой (важно для ослабления испарения), практиковали частую вспашку (важно для нарушения капиллярности почвы) и разведение некоторых галофитных растений (тамариксы, *Suaeda Torreyana*, *Frankenia grandifolia campestris* и др.). Среди нетипичных мер повышения плодородия солонцов следует отметить тамбовское имение Таракса и Подъем наследников Г.А. Черткова, где соленость почвы нивелировалась при помощи ржаной мякины.

Одним из наиболее важных инструментов рационализации частного земельного хозяйства, широко применяемых крупными помещиками в начале XX века, являлась раскорчевка лесных насаждений и их включение в сельскохозяйственный оборот. При этом речь не шла о хищническом разграблении лесов и простом переходе расчищенных пространств под пашню. Напротив, «приговоренные» лесные угодья проходили сложную мелиоративную подготовку, в ходе которой «происходила разделка лесных зарослей, корчевание пней, удаление мелких и крупных кореньев, разрыхление и удобрение почвы». Земские обследования тамбовских имений конца XIX века показывают крайнюю затратность данных мероприятий для бюджета владельца, так как разделка только одной десятины леса в хозяйствах моршанских помещиков могла стоить не менее 40 руб., а в некоторых случаях ее цена доходила до 65 рублей.

Чаще всего под сельскохозяйственный оборот расчищались наименее продуктивные участки леса. В дело шли бездоходные трясины, а также дачи с ольховыми посадками – как правило, не задействованными в строительстве и при продаже. Однако и мелиоративной подготовки данные участки требовали не малой. Так, для перевода моршанских болотистых лесов в пашню помещики вынуждены были высаживать здесь коноплю. Это растение было наименее восприимчиво к сложным условиям роста во влажном торфянике и одновременно укрепляло почву. Более качественные участки леса могли отдаваться под посевы овса, тимофеевки и смеси клеверных трав. В других случаях рационализаторы могли специально сушить трясину отрытыми канавами и – в зависимости от кислотности и состава почвы – подбирать посадочный материал. Облагороженная таким образом земля в последующем поступала в полноценный сельскохозяйственный оборот, а заботы владельца были направлены на поддержания водного баланса почвы: строительство плотин для защиты от весенних вод, очисткой посевов от бобовника, возведением противоскотных ограждений и канав (как это происходило в Кориан-Знаменском имении Строгоновых).

Важной частью культуротехнической мелиорации помещичьих имений являлось совершенствование луговой базы. В рамках данного направления проводилось перепахивание, прополка, удобрение имеющихся луговых пространств. Учитывая повсеместное отсутствие всяких предпосылок к улучшению луговодства не только в крестьянском, но и в большинстве средних и мелких помещичьих хозяйств [7, с. 257], перспективные наработки латифундистов по

данному направлению вносили важный вклад в развитие всего аграрного сектора Тамбовщины.

Систематическую работу по рационализации луговодства предпринимали крупные кирсановские помещики. Для повышения продуктивности сенокосных угодий они практиковали выравнивание кочек и удобрение полей, а также (в случаи сильного заиливания полей) разливание заливных лугов. Некоторые местные владельцы «практиковали ежегодное боронование заливных угодий» и их скарификацию (с периодичностью 2 года). Весьма эффективными, по их мнению, были и практики улучшения сенокосов тимopheевкой и посевами клевера, практически сразу поднимавшими их урожай. Согласно наблюдениям земских деятелей, все перечисленные «способы увеличения производительности давали хорошие результаты».

Значительную работу по повышению урожая сенокосных угодий проводила Трубетчинская экономия Васильчикова (Лебединский уезд). Здесь применялась методика включения в севооборот травосеяния, фактически означавшая перевод части запашки под сенокосный клин. Результаты данных трудов были обнадеживающими. Так, в 1882 году с местных полей и лугов удалось собрать 45450 пудов травы. В 1883 урожай луговых растений составил 79714 пудов. При этом большая часть местного сбора относилась к особо ценным в сельском хозяйстве травам – вики, клеверу и тимopheевке. Аналогичные меры применялись и в других поместьях Тамбовщины. Комплексную луговодческую работу на протяжении всей своей истории практиковали Ново-Покровское имение Орловых-Давыдовых [8], Мачеровская экономия Пашковых, Кариан-Знаменское имение Строгоновых и другие поместья региона.

При земском обследовании помещичьего хозяйства Тамбовского губернии (1880-е гг.) были получены сведения об осушения и мелиорации топких лугов (с их в последующем переводом в выгон). Такие улучшения практиковались в Воронцовском поместье А.К. Болдырева Тамбовского уезда. Данная работа происходила в два этапа. Первый этап был связан со строительством сложной сети отводных канав, регулирующие сток лишней влаги и поддерживающие оптимальный водной баланс почвы. На следующем этапе практиковалось «распахивание сенокосов, и их засев сначала яровыми хлебами, а затем тимopheевкой». После чего «участки вновь обращались в сенокосную площадь». В начале XX века аналогичные практики были успешно применены в экономиях Таракса семьи

Черткова и имени Матчерка наследников В.А. Пашкова (Моршанский уезд).

Отдельная проблема тамбовского луговодства – утаптывание почвы, возникающее преимущественно из-за постоянного выпаса скота. В результате увеличивалась плотность земли и многократно снижалась урожайность. Способы противодействия данному явлению находим в имениях кирсановских владельцев, которые практиковали боронование залежных сенокосов железными орудиями.

Особенно была распространена проблема утоптанности лугов в гуртовом скотоводстве купеческих хозяйств Тамбовского уезда. Учитывая, что большая часть местных луговых пространств использовалась для открытой пастьбы скота, а урожаи трав долгое время имели второстепенное значение, попытки рационализации лугового хозяйства не всегда были удачными. Помещики признавались: «никогда пашни в первые годы после залуживания и не давали хороших трав». Ответом владельцев стала методика повышение агрикультуры луговодства при сохранении пастбищных выпасов скота. В первый год после залуживания на проблемных лугах формировалась разнотравье из «татарника, осота, полыни, бурьяна». На следующем этапе «на такую залежь пускают овец», уничтоживших большую часть сорного разнотравья. При этом произвольный выпас иногда шел «года четыре или больше,» пока на месте сора не появлялся пырей. Несмотря на общую малоценность пырейной травы для лугового хозяйства, это растение могло идти на корм скоту. В результате помещики держали его «года 2-3, иногда 4», благодаря чему «залежь служила хорошим сенокосом, давая пырейного сена от 40 до 60 п. и более с десятины». На заключительном этапе урожай пырея постепенно снижались, и он вытеснялся молодым ковылем («типец»). Через 12-15 лет луговая залежь окончательно «делалась типчаковой» и переходила в статус сенокосной. Таким образом, агротехнические мероприятия по переводу залежей в полноценные луга могли занимать более 20 и более лет и включать в себя ряд сложных мелиоративных действий, направленных на повышение продуктивности травяных посевов.

Не прекращалась в крупных луговодческих хозяйствах Тамбовской губернии и борьба с сорными растениями. В кирсановских имениях активно противостояли «репейнику, полыни, черемицы и татарнику, укореняющегося бобовник». Работы проводились как с помощью механизмов, так и вручную – мотыгами или срезывались серпами – что в значительной степени повышало стоимость работ. В некоторых хозяйствах прополку заменял домашний скот, выпускаемый для

профилактики сорного разнотравья, однако уровень эффективности данной методики земские описания не раскрывают.

К мелиоративным мероприятиям следует отнести практики внесения в почву удобрений. В объемах их применения помещичье хозяйство стояло значительно выше крестьянского. В 1880-х годах большая часть крестьянских полей пограничья Тамбовского и Усманского уезда никогда не удобрялась. Крестьяне заявляли, что навоз от домашнего скота они направляют только на свои овощные огороды и конопляники. Сказывалось общее плодородие почвы, не лишенной еще запаса питательных веществ. Вместе с тем отсутствовало понимание пользы удобрений для повышения урожайности. У некоторых обществ, часть полей которых являлась песчаной, навоз на поля и вовсе не вывозился сознательно, объясняя это тем, что на такую пашню навоз вывезить бесполезно, «скоро перегорает». В Мельгуновской волости удобрение чернозема и вовсе считалось вредным. Часть навоза шло на приготовление кизяков для летней отопки печей. Естественно, такое мероприятия вели к чрезвычайно сильному истощению почвы.

В начале XX века крупные помещики были основным потребителем навозного удобрения. Значительные объемы органики давала латифундистам развитая животноводческая отрасль, позволяющая им отправлять до 1500 пудов навоза на 1 пахотную десятину. В земетчинском хозяйстве Долгоруких для повышения плодородия земли на каждую десятину вывозили до 1800 навозных пудов. Одновременно владельцы приобрели «специальную сеялку», полностью механизировавшую агротехнику удобрения полей [6, с. 17].

Химическая мелиорация относилась к классу наименее распространенных средств рационализации тамбовского помещичьего полеводства. В Ново-Никольском владении Л.Н. Ульрих, расположенного в Козловском уезде, для разболачивания лугов использовалось известкование. Нормой считалось внесение 25 пудов известки на 1 удобряемую десятину после чего производился посев трав. Для повышения урожайности клевера в имении Подъем Чертковых (Моршанский уезд) использовался гипс, который добавлялся в землю перед посевными работами. Ряд помещиков Тамбовской губернии в целях улучшения своего полеводческого хозяйства использовали разные виды органических удобрений. Так, в моршанском имении Атрыганьевых при удобрении лугового клина (35 дес.) использовалась паточная барда и древесная зола. При этом нормой на одну десятину считался расход 150 бочек барды и 30 возов золы.

На пригодность земельных ресурсов к продуктивной эксплуатации огромное значение имели качество и продуктивность использования водных ресурсов. Защита воды от засорения и загрязнения не только влияла на возможности владельцев в сфере полеводства, но и защищала их в случае засух и неурожаев. Особенно сильно засушливые годы повлияли экономику тамбовских поместий в 1891, 1892, 1897, 1901, 1903, 1905, 1906, 1908 гг., практически поставив их на грань выживания [9, с. 26]. Природные катаклизмы показали огромное значение гидромелиоративных работ (осушение, обводнение), повышавшую устойчивость имений в самые кризисные периоды времени.

Значительные средства в тамбовском помещичьем хозяйстве тратились на осушение заболоченных мест. Водоотводные каналы строились в Сосновском имении Бенкендорфа Моршанского уезда, где удалось обезvodить значительные пространства так называемой «цыганской роши» и в последующем включить ее в помещичье полеводство. Аналогичные работы проводились в Земетчинском имении Долгоруких, в котором уровень местных вод регулировалось мельничной запрудой, позволяющей осушить земли поместья при реке Раева. В результате в местный севооборот вошло более 100 десятин ранее не востребованной и мало продуктивной почвы. Попутно Долгоруким удалось решить проблему лихорадок, так как с уничтожением заболоченности, ушли и вредные насекомые.

Достаточно активны были тамбовские помещики и в вопросах обводнения. Данные меры были особенно необходимы в тех местах, где наблюдался дефицит водных источников или имелись водоемы с незначительной гидроотдачей (из-за непригодности или труднодоступности). При этом в целях удержания влаги владельцы строили сложные и дорогостоящие сооружения (водохранилища, каналы, водопроводы), повышающие независимость имений от внешних источников воды. Например, в Земетчинском хозяйстве Долгорукие построили 40-верстную сеть каналов, обильно снабжающих поля дефицитной влагой. Одновременно удалось сделать водохранилище, отделенное от имения и берегов реки Выши, а саму реку помещики сделали судоходной. В 1900 году проезжавший через Земетчино корреспондент Тамбовских губернских ведомостей писал. «Лет десять тому назад протекавшая в экономии речка Машня с помощью шлюзов и большого водоема обращена в судоходную, по ней теперь идут барки с зерном на большую мельницу и обратно с мукой к станции железной дороги». Аналогичные гидротехнические работы

провели в Конобеевом имении Шуваловы, где было расширено русло местной реки, а вместо деревянных выстроены каменных шлюзы.

В начале 1910 годов большой комплекс гидромелиоративных работ был реализован в караульском имении Чичериных в Кирсановском уезде. Их причиной стала «вдруг закапризничавшая река Ворона», русло которой «начало мелеть, обнажая некоторые места, ранее закрытые водой» Владелец поместья А. Н. Чичерина «не пожалела громадных затрат на устройство» и создание сложной шлюзной системы. В результате после проведения всех технических мероприятий вода в реке поднялась и наполняла все затоны, которые стали пересыхать».

Наряду со сложными гидромелиоративными приемами помещики часто использовали простое снегозадержание. Так в имении Липовка Долгоруких «при помощи снеговой воды» было организовано искусственное орошение лугов. В Периксинском поместье Чичериных для накопления весенних вод удалось изготовить специальные запруды, а непосредственно под водоемы были адаптированы овраги поместья. В имении Чудное Аносовых для целей снегозадержания служила высокая стерня после осенней уборки на полях. Комплексно к проблеме снегозадержания подошли в имения графа Строганова в Кариан-Знаменском. Здесь на площади 60 дес. помещик устроил обширное прудовое хозяйство (25 прудов), питаемое весенний разливом. При этом владельческие пруды использовались не только для орошения, но и для разведения рыбы (караси, лини, окуни) [10, с. 17].

Элементом водоотведения в помещичьем хозяйстве Тамбовской губернии являлось использование очистных прудов. Такие сооружения строились преимущественно в зоне действия промышленных предприятий владельцев имений. Один из таких комплексов был построен в 1903 году в экономии Вернадских. Система состояла из трех прудов, при этом первый служил для фильтрации и отстоя сточных вод, другой использовался для снабжения подвижного состава на местной железнодорожной станции, третий являлся источником воды для технических нужд имения. Аналогичные очистные сооружения были созданы в Ново-Покровской экономии Орловых-Давыдовых.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века на территории тамбовских поместий с успехом реализовывались комплексные программы по сохранению земельных и водных ресурсов. Для поддержания высокого уровня полеводства в экономиях производилась работа поддержания и восстановления плодородия почв, осуществлялись противоэрозийные мероприятия. В сфере

гидромелиорации владельцами применялись водоохрана, обводнение, строились комплексные гидросооружения. При этом помещики явились пионерами агротехнической новатики, транслировали основы экологической культуры и рационального природопользования в масштабах всего тамбовского аграрного комплекса.

Список литературы

1. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 273-283. <https://www.elibrary.ru/obmhzp>
2. Самарин Д.Ф. Какие возможны меры против периодических голодовок. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899. 64 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003689868>
3. Цинцадзе Н.С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 286 с. <https://www.elibrary.ru/qvjtrr>
4. Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии 1861-1917. Очерк экономики и культуры пореформенного периода 1861-1917-й годы. – Тамбов: Типография "Пролетарский светоч", 1928. – 100 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01009250586>
5. Житин Р.М., Топильский А.Г. Особенности рационального природопользования в земледельческом хозяйстве крупных имений Тамбовской губернии в конце XIX века // Былые годы. 2021. № 1. С. 288-295. <https://www.elibrary.ru/sgdbrd>
6. Воронков А.И. Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини Ольги Петровны Долгорукой. Моршанск, 1911. 28 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003777369>
7. Житин Р.М. Специфика луговодства тамбовских помещиков в конце XIX – начале XX века // Оригинальные исследования (ОРИС). 2021. № 12. С. 257-261. <https://www.elibrary.ru/gasbdy>
8. Житин Р.М. Ново-Покровское имение графа А. В. Орлова-Давыдова. Организация производственного комплекса крупного капиталистического хозяйства // Социально-экономические явления и процессы. № 11. 2013. С. 146-149. <https://www.elibrary.ru/rtjvsp>
9. Аврех А.Л., Канищев В.В. «Зеленая революция» или напасть? Очерки по истории Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области. – Тамбов: Издательство ТГУ, 2011. – 646 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005389518>

10. Самодуров И. Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова Тамбовской губернии и уезда, при селе Знаменском-Кариане: с прил. 4 табл. за 30 лет. - Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1896. 19 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003676310>

3.3 Крупнопомещичье лесоводство и проблема сохранения лесов в конце XIX – начале XX века

Конец XIX века в России стал временем становления рационального лесного хозяйства. Экологический кризис, изведение ряда лесных дач в центрально-европейских губерниях настойчиво свидетельствовали о необходимости рационального использования природных ресурсов. Пионерами этой деятельности выступили владельцы крупных имений, обладавшие значительными лесными насаждениями. Однако, если аграрные аспекты их деятельности хорошо изучены, то роль лесоводства как фактора развития ряда имений помещиков остается неясной.

Изучение помещичьего лесоводства затруднено в связи с отсутствием статистики размещения частных лесных дач. Относительно точные сведения о структуре земельных угодий владельцев края появились только в 1913 году. По обследованию земских специалистов максимальная лесистость Тамбовской губернии оценивались в 13 % от общей ее площади. По абсолютному размеру лесов (94700 дес.) регион занимал второе место среди губерний Центрального Черноземья, уступая только Орловщине [1, с. 3].

Значительные лесные угодья были расположены на севере Тамбовщины (Спасский, Темниковский, Моршанский, Шацкий уезды – 60 % всей территории). В результате, если в северных волостях население было «с избытком обеспечено» лесом, а на юге, где степные площади достигали 96 % территорий (Кирсановский уезд), наблюдался резкий дефицит угодий. По подсчетам начальника Тамбовского управления земледелия и государственных имуществ Н.Т. Юрина, общее количество лесов, приходящееся на народонаселение края в начале XX века, было явно недостаточным [1, с. 4-5].

Состав лесных насаждений Тамбовской губернии отличался большим разнообразием. Доминирующими культурами являлись лиственные насаждения (79%), образованные преимущественно осиной и березой. Из хвойных пород чаще всего встречались сосна и ель. Однако соотношение пород изменялось в сторону сокращения

еловых посадок, страдавших от короёда. Твердые сорта деревьев Тамбовского края встречались преимущественно на севере.

В структуре владельцев тамбовского леса выделялись площади казны (419 тыс. дес. или 45%) и частных лиц. (334 тыс. дес. или 35%). Крестьянские общества края были почти лишены лесных угодий, что ставило их в тяжелую зависимость от помещиков. В поисках «топлива и мелких поделок» крестьяне вынуждены были выкупать зеленые массивы у частников [1, с. 7-8].

Особенно большую роль играли лесные насаждения для поддержания помещичьего хозяйства в эпоху аграрного кризиса 80-х годов XIX века [2, с. 246]. Низкие доходы от продажи сельскохозяйственной продукции были компенсированы устойчивым спросом на древесину. Корреспондент «Русского вестника» по этому поводу замечал: «Не будь леса у бережливых хозяев, едва ли хоть одно имение уцелело бы от залога. Лес еще дает средства в относительно густонаселенных местностях, так как цены на него в последние годы быстро возвышаются».

Заметно расширяло сбыт лесных произведений развитие сети железных дорог, позволяющее помещикам вывозить древесину не только на региональные, но и на зарубежные рынки. В 1910 году с проведением линии Подольской ж/д «владельцы дач приступили к сплошным сводкам». «Площадью лесосек и сроками примыкания их – отмечали очевидцы – не стеснялись, также не задумывались над выбором места сводки, благодаря чему получались громадные площади одновозрастного насаждения и молодняков к одному месту. Понятно, что при громадных площадях сводок и ежегодном примыкании лесосек вместо сводимых сосновых насаждений молодняки получались лиственные и главным образом осиновые, да и те большей частью весьма неравномерно сомкнутые и корявые, благодаря тому, что сейчас же после сводки в них пускали скот и производили сенокосение».

Высокая доходность лесосек определила малопродуктивный характер лесного хозяйства помещиков. Цена за 100 пудов древесины в 1906 году доходила до 315 рублей, создавая благоприятные условия для форсированных заготовок. «Высокие цены, взвинченные экспортёрами – писал В. И. Денисов – совершенно сбили с толка владельцев, и они спешат с вырубкой своих лесов...» [3, с. 2].

Земские специалисты, проанализировавшие отрасль лесоводства тамбовских помещиков, пришли к выводу об «отсутствии организованного хозяйства в их имениях». Эксплуатация лесов носила случайный характер и велась по усмотрению владельцев. Так, частные

угодья Кирсановского уезда вырубаются «сплошь в течение нескольких лет, а затем вновь выращиваются и по несколько десятилетий не приносят дохода». А от единовременной сплошной вырубки «более или менее спелых лесов выручались крупные суммы, потому что всякие лесные материалы имеют в уезде хорошую цену». Десятина осинового леса продавалась скупщикам по 20-300 руб., а десятина спелого дубового леса могла принести владельцу 900-1000 руб. [4, с. 240].

В одном из имений Кирсановского уезда лес полностью сбывался на выработку скупщикам, причем реализацией товара занимался сам владелец. За два года совместных усилий удалось свести 12 десятин и продать их на обустройство 12 срубов для окрестных крестьян. Ряд помещиков, даже не имея ценных пород строевого леса, имели значительный доход от продажи «липняка на лыки и кустарников разных пород на корье». Работая по такой схеме, владельцы могли получить до 1500 руб. чистого дохода [4, с. 245].

Высокие прибыли от продажи леса заставляли помещиков полностью отказываться от собственных земледельческих занятий. В Петровском имении Гагариных доходность лесного хозяйства в 1897-1898 г. составляла 14650 руб., в 1898-1899 г. – 17780 руб. Высокая рентабельность вырубок обусловила продажу владельцем до 10 тыс. дес. своей пашни в 1906 г. После совершения сделки совокупный доход помещика составил 36,5 тыс. руб., причем основную часть денег приносила реализация древесины, которой в имении оставалось до 3 тыс. дес.

Условия продажи лесных площадей зависели от количества заготовленного лесного материала. Одно из имений Кирсановского уезда сдавало свой лес под рубку за 22 тысячи рублей на срок 12 лет. При этом в контракте с арендаторами не было указаний на конкретную площадь и объемы разрешенной вырубки, не обговаривались характеристики эксплуатируемых массивов. Стороны работали по принципу рубить, «сколько окажется». В другом кирсановском имении молодое разнолесье площадью 32 десятины было продано за незначительные 2500 руб. Основным мотивом сделки являлось указание на трудности «сбережения леса от похищений». Подобная бесхозяйственность хозяев не была редкостью. Земские корреспонденты фиксировали случаи реализации «на сруб небольших участков по 100-200 руб. за десятину, и даже от 50 до 70 руб. за десятину [4, с. 243].

Сплошная рубка лесных площадей вела к тому, что возраст насаждений почти нигде не превышает нормы как для строевого, так и

для дровяного леса. По свидетельству современников, общей практикой было сведение 60-летних дубов. Для всех остальных пород срок разработки мог составлять 40 лет. В одном из владений Ирской волости Кирсановского уезда, занимающем 380 десятин леса, дубовые насаждения последовательно выкорчевывались через 60 лет, осина через 45 лет, липняки – через 7 лет. Дубовый лес шел на «клепку, паркет, ободы, доски и на дрова, осиновый – на бревна, жерди, липовый на доски». После вырубki 1882 года владельцем была произведена искусственная посадка дуба и сосны [4, с. 240-248].

Другой проблемой тамбовских лесов являлся бесконтрольный выпас скота. Далеко не все имения в достаточной мере оберегались от крестьянских животных, так как они перемежевывались с лугами, сдаваемыми владельцами в аренду. В имении Чернавской волости Кирсановского уезда было заявлено о значительном участке дровяного леса, использовавшегося помещиком исключительно для свиней [4, с. 245, 247]. На территории моршанской лесной дачи Пыльцовой выпас скота практиковался по всему лесу.

Земские обследования тамбовских имений зафиксировали вариативность использования лесных дач в выпасе скота. Так, в экономиях Лебедянского уезда в середине 80-х годов XIX века лесные пастбища являлись элементом лесоразведения. Владельцем использовалась следующая схема: «участок (делянка), предназначенный к вырубке, насколько возможно, вытравляли скотом, чтобы вся трава была выбита, рассчитывая таким путем приготовить надежное ложе для легковесных саженцев березы; затем лес вырубали, оставляя хорошие прямые дубовые деревья для дальнейшего роста, а также семенники березовые (которые потом вырубались). Посадка шло весьма успешно. Хотя через два года трава снова заплотняла весь проруб, но в этой траве уже шел очень густо березовый подлес» [5, с. 157].

Переход к правильному лесопользованию в рассматриваемый период был связан с повышением культуры бережного использования лесных массивов. Начальной формой рационализации являлось использование проходных рубок или, так называемых, рубок ухода – то есть удаления из насаждения нежелательных деревьев (не отвечающих хозяйственным целям и отрицательно влияющих на рост и состояние лучших и вспомогательных деревьев) и создания благоприятных условий для роста лучших главных пород.

В конце XIX века большинство землевладельцев практиковало ежегодную прочистку лесных угодий, так как это способствовало лучшему росту насаждений и, как правило, не сопровождалось

существенными расходами, а в некоторых хозяйствах даже приносило прибыль. Чистка производилась местными крестьянами на условии ипольного найма, позволяющего получать работникам часть вырубленного леса бесплатно. Другая часть шла в экономию владельца или продавалась. Так, в лесной даче семьи Челищевых (Тамбовский уезд) использовалась проходная прочистка насаждений, чередуемая с выборочной рубкой спелых малоценных деревьев на небольших участках. В 1888 году владельцем было прочищено 111 десятин, давших «99 сажень дров 2 сорта, 126 сажень 3 сорта, деревьев в 2-4 вершка 1315 штук, тоньше 2 вершков - 5073 штук, хвороста 199 сажень, 400 метел». Весь этот собранный материал оценивался в 2170 руб. [6, с. 168].

Наряду с правильной эксплуатацией большое значение для сохранения лесоводства имело правильное счетоводство. Рациональное лесоводство велось в имении семьи Челищевых (Тамбовский уезд). В 1888 году хозяйство продавало древесину 1-го сорта по 12 рублей за сажень, 2-го сорта по 7 рублей, 3-го сорта – 3,5 руб. Одновременно заготовка леса владельцем имения оценивалось для дров первого сорта - от 80 коп. до 1 руб. за сажень, 2 сорта - 80 коп, 3-го сорта - 60 коп. Стоимость всего полученного в 1888 году лесного материала равнялась 37253 руб, при собственных затратах на разработку дач в 11594 руб. [6, с. 169].

Формирующая культура лесоводства владельцев тамбовской губернии допускало совмещение консервативных подходов и новых форм лесоразведения. В одном из имений Экстальской волости Тамбовского уезда «сохранилась старая дача величиной в 20 десятин» (общая площадь хозяйства - 730 десятин). Помещик участка не выдерживал какого-либо строго оборота рубки, однако местное хозяйство велось не без рациональной системы. Здесь производились периодические рубки для нужд экономии без продажи леса на сторону. Ежегодно сводилось не более одной десятины спелого строевого леса. Получающиеся лесосеки зарастали сплошным путем теми же породами, которые произрастали здесь до их разработок. С 1892 года в имении перешли к искусственному разведению новых лесных массивов. На площади более 15 дес. пашни были высажены вяз, дуб, сосны и березы [6, с. 173].

Важное экологическое значение имело искусственное лесоразведение. В пореформенное время в обширных лесных дачах Лебедянского уезда проходили единовременные опыты по восстановлению лесосек. В одном из таких имений в начале 1860-х годов было засеяно разнолесьем 9,5 дес., в соседнем поместье на

площади 11 дес. высаживались ель, сосна и лиственница, в ряде экономий практиковались посадки дуба (20 дес.) [5, с. 156].

В 1888 году в имении Борисовской волости было засажено сосною 15 дес. песчаников. Качество посадок определялось соблюдаемой технологией. Двухлетние саженцы были взяты в казенном лесничестве, почва предварительно была обработана плугом полосами в три борозды. Посадки «делались под кол, осенью в октябре» Всего удалось посадить 5800 деревьев на десятину при расходе на произведенную работу 7 руб. на одну десятину [5, с. 156].

С 1864 года в Трубетчинском имении (Лебедянский уезд) искусственное лесоразведение шло постоянно на всех вырубаемых площадях. Основными высаживаемыми породами являлись сосна и береза. В незначительных количествах в экономии разводили также ель, лиственницу, пихту и клен. Для оперативного получения нужного количества саженцев при экономии были организованы питомники и древесная школа. В питомниках саженцы оставались первые два года, после чего они развозились по школам до достижения зрелости. На места высаживались трех и четырехлетки деревья. Сам процесс посадки совершается следующим образом: «лесник с лопатой шел вдоль борозды и отмечал места, где нужно садить деревья, расстояние между саженцами бралось в 1- 1,5 аршина, за лесником идет работница с кошелкою саженцев и идет по одному на каждое отмеченное место (отряхивая корешок), следующий за работницею девочки или мальчик прикрывают корень землею, затем другая женщина руками делает выемку в земле и сажает в нее деревцо, наконец, идущий позади работник оправляет посадку и притаптыкает землю» [5, с. 156].

Другим незаменимым условием рационализации лесного хозяйства были искусственные посадки лесов на местах массовых вырубок. В ходе организации земского обследования земельных владений Липецкого уезда такие работы были зафиксированы в имении семьи Гардениных Фашцевской волости. Здесь практиковались посадки сосны на всей площади лесной дачи экономии (269 дес). Только осенью 1888 года было высажено более 50 тыс. саженцев двухлетнего возраста, приобретенных владельцем из липецкого частного питомника. [7, с. 131].

В хозяйстве О.П. Долгорукой продукция лесных дач шла на промышленную переработку. Перед резкой березовых дров на лесосеке специально нанятые крестьяне производили удаление бересты. При этом на помещика работали целые семьи. Мужчины валили деревья, женщины и дети сдирали кору. Если работа

происходила трудно, дерево оставляли для будущей разработки [8, с. 8].

Развитое лесное хозяйство имел крупнейший помещик Тамбовского уезда, владелец Ново-Покровского имения – А.В. Орлов-Давыдов. В 1886 году зеленый массив экономии составлял 66 десятин [6, с. 259]. В следующие годы в хозяйстве шло активное лесоразведение. В результате кропотливой работы площадь лесных угодий была увеличена в пять раз (до 308 дес.) [6, с. 102].

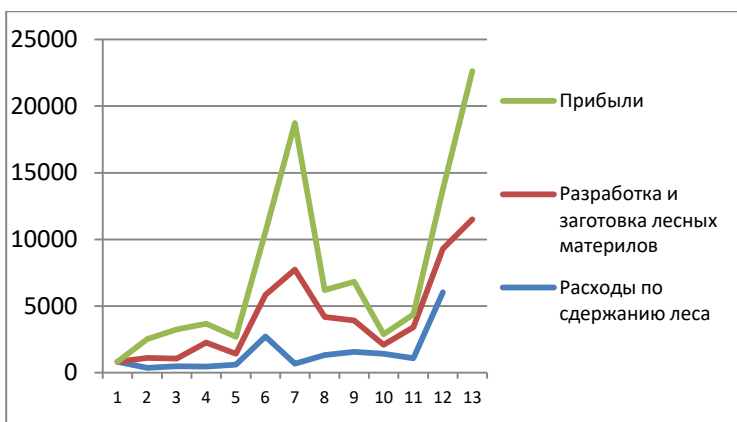
Ново-Покровское лесное хозяйство находилось под личным наблюдением владельца. Помещик тщательно оберегал лес от незаконного использования крестьянами, выдерживал правильные обороты рубок. За всеми работами по лесоводству следил специально нанятый лесничий. В 1900 году его деятельность подверглась критике из-за нарушений в сроках вырубки и правилах выдачи билетов. Замечания быть немедленно исполнены, и в дальнейшем не встречались в вотчинных документах.

В начале XX века помещик начал активную разработку леса. В 1901-1905 гг. на заготовку древесины было выделено 7 тыс. руб., а в 1911-1912 гг. – 11 тыс. Аналогично расходам на разработку увеличивались и суммы содержания угодий (Диаграмма 1).

Для развития лесоводства в имениях требовались специально нанятые работники. Собранные в ходе земского обследования имений сведения о расходах помещиков на охрану лесов не позволяют говорить о широком найме профильной рабочей силы. Расходы помещиков в этой области зависели от «большого или меньшего внимания владельцев к лесным участкам, от состояния лесного запаса в них, от положения участков в местах более или менее удобных для хищнических порубок». Около 30 помещиков края, определивших для земских корреспондентов точную сумму всего своего годового расхода на охрану угодий (3761 дес.), тратили на лесоохранение 2898 руб., или 77 коп на десятину. [4, с. 248].

В большинстве хозяйств обязанности лесничих исполняли сторожа. «Все лесники и даже объездчики – отмечалось в «Тамбовских губернских ведомостях» – являются исключительно сторожами, которые, устерегши какое-нибудь дерево, тут же погубят его своими неразумными действиями, своим незнанием элементарных условий, сторожами, которые с остервенением преследуя двуногого врага за похищение в 20 коп., равнодушно пропускают мимо глаз вредных насекомых, похищающих на многие тысячи рублей».

Диаграмма 1 Лесоводство Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых в начале XX века

Лесную администрацию имения Челищевых составляли один лесничий с жалованием 1500 руб в год, один объездчик с заработной платой 336 руб. в год, 6 лесников, получавших в совокупности 232 руб. Объездчику предоставлялось до 20 возов сена, лесникам – до 10 возов и право держать на владельческих лугах своих коров 170 [6, с. 170]. В Трубетчинском имении персонал лесного надзора и охрана леса в 1888 году обходились владельцу в 1500 руб. в год (74 коп. за 1 десятину). При этом цена на содержание лесов в имении росла на протяжении всего пореформенного времени. По данным конторы владения, расход на охрану леса в 1854 году составил 800 руб., в 1870 – 1148 руб., в 1875 – 1271 руб., в 1880 – 1366 руб., в 1885 - 1517 руб., в 1886 году – 1650 руб., 1887 – 1773 руб. [5, с. 154].

Таким образом, процесс рационализации лесоводства в большинстве частновладельческих хозяйств Тамбовской губернии к началу XX века не принял массовый характер. Помещики края активно истребляли лес, сдавали его на вырубку лесопромышленникам. При этом ряд владельцев точно не оценивали ни площадь лесосек, ни количество лесоматериалов, которые могли быть получены. Все это приводило к неблагоприятным экологическим последствиям. Лишь в ряде экономий соблюдали правильный оборот рубки, полную утилизацию древесины. Внедрение рационального лесопользования носило долговременный характер, свидетельствующий об устойчивости внедряемых нововведений.

Список литературы

1. Юрин Н.Т. Леса, лесной промысел и лесное хозяйство в Тамбовской губернии. Тамбов: Типо-литография т/д "Н. Бердоносков, Ф. Пригорин и К°", 1913. 127 с.
2. Анфимов А.М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. М., 1958. Т.63. С. 244-258.
3. Денисов В. И. Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1911. 168 с.
4. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т.16: частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1891. 673 с.
5. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т.17: частное землевладение Лебедянского уезда. Тамбов: Губернская земская типография, 1891. 187 с. 157
6. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 19: частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1894. 196 с. 168
7. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 18: частное землевладение Липецкого уезда. Тамбов: Губернская земская типография, 1893. 149 131
8. Экономические условия хозяйства в Морсовско-Ценской даче кн. О.П. Долгорукой в Тамбовской губернии // Лесная жизнь и хозяйство. 1914. № 9. С. 8.

ГЛАВА 4. НАЕМНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТНИКИ В СТРУКТУРЕ ИМЕНИЙ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

4.1 Некоторые особенности труда наемных сельскохозяйственных работников в крупных имениях в конце XIX – начале XX века

Во второй половине XIX в. Центральное Черноземье продолжало оставаться аграрным регионом с огромной массой сельскохозяйственных работников. В ходе проведения первой Всеобщей переписи населения была выявлена повсеместная вовлеченность местного населения в трудовые отношения с помещиками. Работников по найму в этой сфере по Воронежской губернии оказалось 54,6 тыс. чел. (8 % жителей края в возрасте 20 и более лет), в Курской губернии – 77,6 тыс. чел. (13 % населения) [1, с. 229]. При этом реальные цифры включения в чернозёмный помещичий комплекс были сильно занижены – ведь работа корреспондентов происходила зимой, когда потребность в рабочих руках в сельскохозяйственном производстве достигала наименьших размеров. В основном это был персонал крупных поместий, которых местные латифундисты нанимали ровно столько, сколько «они требовались в зимнее время года» [1, с. 229].

Труд сельского пролетариата регулировался в основном традициями, а не юридическими нормами, что противоречило усложнявшейся правовой системе Российской империи. Необходимость урегулирования отношений между помещиками и сельскохозяйственными работниками обуславливалась и экономическими мотивами, т.к. в пореформенное время резко возросла сезонная мобильность работников.

Повседневная жизнь наемных сельскохозяйственных рабочих как основной категории деревенских работников дореволюционной России определялась комплексом трудовых отношений, главным из которых были вопросы взаимодействия с работодателем [2]. Основным распорядителем и организатором трудовой сферы в конце XIX – начале XX века оставался помещик [3]. Именно от него зависали организация бытовых условий, досуга, размер заработной платы. Ценный статистический, описательный материал, помещенный в земских статистических описаниях Черноземных губерний, проясняет детали этих процессов [4].

Ключевым фактором, оказывающим воздействие на наемного работника, являлось отношение власти-подчинения, которые выражались условиями найма в имения [5]. В дореволюционной России правовое положение наемных работников определяли «Временные правила о найме сельских рабочих и служителей», принятые 1 апреля 1863 г. [6]. Положение законодательно закрепило найм в сельские рабочие только на основании «добровольного условия» (ст. 1). При этом в ст. 2 документа говорилось об обязательном заключении «договор о найме в сельские работы» или «договор в услужение», однако дополнительно не разъяснялось специфику данных юридические дефиниции. На деле это означало, что договор между работником и работодателем мог быть заключен как в письменной, так и устной форме. Документальным основанием в данном случае выступала рабочая книжка, отражавшая личные данные нанимающегося, и расчетный лист, куда вписывались условия найма, сроки и суммы оплаты работы.

Прогрессивной мерой стало также введение взаимной ответственности нанимателя и нанимающегося. Например, официально закреплялся штраф за прогул для работника и пени в случае задержки оплат труда для помещика. (ст. 32).

Уже в первый год после введения Положения проявилась противоречивость новых узаконений. Вольные корреспонденты докладывали о неработающей системе трудовых книжек, повсеместном нарушении прав работников [7]. Под давлением общественности в правительстве приступили к созданию нового закона, призванного устранить сложности организации найма в русской деревне. 12 июля 1886 года было опубликовано «Правила о сельских рабочих» - комплексный документ, который охватил практически все вопросы организации работ в экономиях [8]. Структурно, новый закон состоял из двух частей, первая из которых поясняла права и обязанности помещиков, вторая часть была целиком посвящена крестьянам, нанимающимся в имения. Согласно законодательному акту «1) хозяин мог заключить с рабочим особые письменные условия или заменить оные выдачею расчетной книжки, в которой заключаются условия найма; 2) хозяин обязан иметь особую книжку для записи производимых расчетов и платежей рабочим; 3) хозяин может и до истечения договорного срока отпускать от себя рабочих по причине неисполнения ими своих обязанностей или за дурное поведение, удовлетворив их заработанными деньгами, сколько причитается в расчет» (ст. 10).

Список трудовых обязанностей нанимающихся в экономике был значительно шире. Согласно закону, крестьяне не имели права «отлучаться без дозволения хозяина и принимать на себя без его согласия чужую работу» (ст. 38), должны были «повиноваться нанимателю и исполнять безпрекословно и усердно его требования» (ст. 35), отпроситься «бережно с хозяйским скотом и орудиями и не причинять им вреда» (ст. 39). За неисполнение данных обязанностей помещик мог штрафовать «нерадивых» крестьян в тройном размере.

Отдельные санкции применялись в случае повреждения сельскохозяйственного инвентаря помещий, а также самовольном и не согласованном завершении работы (например, статья 44 гласила: Наниматель должен держать рабочего, а последний находится у нанимателя до срока найма). «За каждое несоблюдение перечисленных условий» владелец имел мог обратиться к полицейскому уряднику, задействовать институт сотских, пятидесятских и десятских. Жесткость ряда приведенных постановлений по отношению к работнику обусловила серьезную критику Положения в историографии. По мнению видного советского исследователя С. М. Дубровского, дореволюционное законодательство свидетельствовало об угнетенном и неприемлемом положении рабочих в поместьях [9, с. 334–340].

Вместе с тем в условиях пореформенного рынка труда и возрастающих требований к качеству найма, созданные законодательные акты отражали реальные проблемы взаимоотношений и нанимателя и нанимающегося. После 1861 года помещики все чаще были заинтересованы в поддержании рентабельности своих производств, повышении доходности земельного комплекса, что обуславливало подбор не столько дешевой, сколько компетентной и дисциплинированной рабочей силы. Так, в большинстве имений Кирсановского уезда Тамбовской губернии нанимаемые крестьяне «часто физически не могли выполнить тот объем работ, который поручал им помещик» [4, с. 63]. Таким работягам «часто приходится пахать чужую землю в то время, когда своя, по меткому выражению современников, "аж кричит", убирать хлеб на чужой ниве, когда «свой осыпается, идти на чужую работу, когда семья без куска хлеба» [7, с. 13]. При этом нарушителями были как местные крестьяне, так и батраки из отдельных деревень, нанимающимися целыми артелями.

Микроуровневое изучение ряда крупных имений Центрального Черноземья раскрывает долгую борьбу помещиков с дисциплиной своих работников. Так, в Ново-Покровской экономике Орлова-

Давыдова в Тамбовской губернии развернулось открытое противостояние владельца и нанятых крестьян, требовавших повышения оплаты за свой труд (несмотря на заключенные договоренности). Попытки помещика заключить контракты с другими крестьянами наткнулись на острое противодействие со стороны имеющихся крестьян и вылились в итоге в саботаж работ: в разгар страды они «явились в поле, избili пришлых косарей, вязальщиц». При этом одному «проломили голову», другому сломали руку. Для сокрытия преступлений от полиции «по дорогам» был организован караул [10, с. 186]. Таким образом, введение суровых ограничений по отношению к сельскохозяйственным работникам была одновременно и борьбой за их дисциплину – важнейший аспекта трудовых отношений в имениях.

Особенностью законодательного регулирования труда наемных работников в дореволюционной России было закрепление приоритета денежной компенсации за выполняемые услуги над расплатой «хлебом, товарами и иными предметами» [1, с. 235]. Для беднейших слоев крестьянского населения, заинтересованных в живых деньгах, эта мера считалось особенно актуальной. Вместе с были случаи, когда работникам было необходимо и получение зарплаты «пищей, припасами хорошего качества, в количестве, употребляемом по местным обычаям в крестьянских семьях среднего достатка» [7, с. 15]. Учитывая значительное количество неурожаев в последней трети XIX века, данные договоренности способствовали реальной поддержке семей крестьян в голодные годы, гарантировали обеспечение продуктами питания самих рабочих, выполняющий тяжелый земледельческий труд [11].

Изучение продовольственного обеспечения наемного работника в пореформенной России показывает общий подход помещика в отношении выделяемого пайка [12]. Сюда входили товары первой необходимости: мука, крупы, растительные масла и животные жиры, соль. При этом обеспечение разными типами продуктов было неодинаковым. «При относительно достаточном количестве белков и избытии углеводов – отмечали земские специалисты Воронежской губернии – в их рационе оказывалось мало жиров» [13, с. 103]. В структуре ежедневного питания сельскохозяйственных артелей Ново-Покровской экономии Орловых-Давыдовых также доминировала высокоуглеводная составляющая. Основу пайка местных работяг составляли картофель, ржаная мука, пшено. Второстепенное значение (судя по весовым показателям продуктов) занимали масло коровье, масло подсолнечное, молоко, сало, сливки. При этом по объему

продовольственного обеспечения местные сельскохозяйственные работники заметно опережали сотрудников вотчинной администрации. В 1909 году стоимость содержания ново-покровских поденщиков составляла 27% от размера их заработной платы, для сотрудников вотчинной конторы этот показатель не превышал 15%. Со временем данная разница даже выросла. С 1890 по 1909 годы объем съестного, выписанный из имения в счет оплаты труда в вотчинную контору, увеличился на 228%, а продуктивное обеспечение рабочих экономии на этом же отрезке поднялось на 259% (Таблица 1) [14].

Таблица 1. Динамика продуктового обеспечения сельскохозяйственных рабочих и административных служащих Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых в 1890 и 1909 гг. (в пудах) [15].

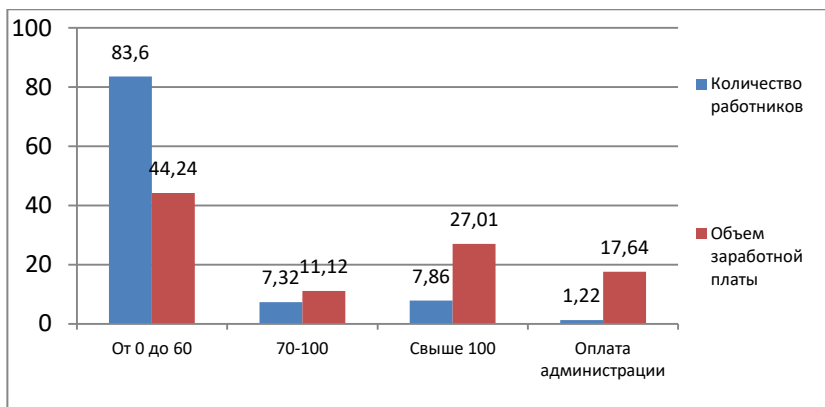
	Рабочие			Служащие		
	1891	1908	1908 к 1890	1891	1908	1908 к 1890
Капуста	2,4	-	-	365-	-	-
Молоко	-	124,9	-	-	-	-
Сливки	-	-	-	-	7	-
Сметана	-	-	-	-	3,6	-
Картофель	22,1	39,2	+176,9	34,3	42,1	+122,8
Капуста ведер	10,4	87,5	+840,2	10,0	-	-
Масло коровье	-	-	-	6,0	6,0	-
Соль	0,8	0,5	+62,2	0,4	0,4	-
Сало	0,9	-	-	0,2	131,6	+73100
Мука ржаная	26,4	27,3	+103,6	27,0	54,3	+201,2
Гречка	0,1	-	-	-	101,3	
Масло подсолнечное	1,1	0,5	-40,9	0,2	0,7	+364,9
Мясо	3,6	18,7	+524,3	5	20,42	+408,4
Всего	38	98,7	+259,8	56,6	129	+228,1

Вес продуктового набора в материальном обеспечении сельскохозяйственного найма Центрального Черноземья был тем значительней, чем ниже был уровень его денежного довольствия. Оплата труда в помещичьих имениях зависела от условия выполнения работ. Современники традиционно разделяли весь персонал экономий на издельных и сроковых. Если заработок сдельщика был связан с количеством произведенной им продукции, то оплата сроковому сотруднику зависла от количества затраченного времени на единицу труда. Заработная плата таким работникам могла производиться по истечению летних месяцев (полетчики), недели (недельщики), и дня (поденщики). Наем крестьянина на полгода и более относил таких сотрудников в разряд постоянных [16].

Оплата труда сдельных работников сильно коррелировала с размером работ, сроком их исполнения и «желанием хозяина». В результате даже в двух смежных имениях двум одинаковым категориям сдельщиков платили по-разному. Например, в ходе проведения в 1887 г. описания имений Мельгуновской волости Тамбовской губернии выяснилось, что местные работяги, стоявшие на уборке ржи, за летний наем получали до 5 руб. на человека, при заключении договора зимой – 3 руб. 50 коп. В соседней Александровской волости зимнем наем стоил 1 руб. 75 коп. Этот же труд помещики Стенановской волости оценивали в 4 руб. [17, с. 91]. Что касается оплаты сроковых категорий работников, то в конце XIX века на территории Центрального Черноземья полетчики могли получать от 6 до 10-12 рублей в летний месяц и от 5 до 8-9 рублей в зимний, вознаграждение поденщиков начиналось с 20 и заканчивалось 75 копейками в день. Годовые работники могли получать от 52 до 300 рублей. При этом сильные колебания в оплате труда зависели от «службы, специальности, пола, возраста» [18, с. 56].

Интересны данные по заработным платам Ново-Покровского хозяйства Тамбовской губернии (Диаграмма 1). Из обобщенного свода по оплате труда 738 местных работников следует, что абсолютное большинство из них (80%) получали не более 7 руб. в месяц (не более 60 руб. в год). Уровень чрезвычайно невысокий, если учесть, что минимальное вознаграждение работника в сфере промышленности в это же время составляло 210 рублей. При этом работок сотрудников вотчинной конторы был в разы выше. В 1891 году 9 человек из штата ново-покровской администрации получали более 7 тыс. рублей, то есть почти 20% расхода помещика на 738 человек.

Диаграмма 1. Годовая заработная плата временным рабочим Ново-Покровского имения в 1891 году (в процентах) [15].

Одним из важнейших факторов, оказывающим влияние на наемных работников дореволюционной России, являются условия труда, которые не просто формировали рабочую повседневность, но и сказывались на отношении к помещику, его мотивации. Безусловно, важнейшее место для деятельности работников занимала продолжительность рабочего дня. Российское трудовое законодательство не давало строгих определений по данному вопросу [19]. Только в отдельных актах могли называться часы начала и окончания работы. Так, в отношении сельских ремесленных мастерских сообщалось, что «общее число затраченного времени не должно превышать 8 часов в день, с 2-х часовым промежутком на обед и отдых» [20, с. 4]. В остальном же регламентация трудового дня «в ясные дни» определялась «солнцем», а в ненастные «приказчиками или хозяевами» [20, с. 4].

О несправедливо длинном трудовом дне в имениях писал известный санитарный врач Н. И. Тезяков: «Рабочий день экономического рабочего начинается с раннего утра, часто до восхода солнца, и продолжается до позднего вечера, с незначительными перерывами для завтрака, обеда и полдника, на что в общем тратится не более 2,5 часов (на обед и отдых 1,5 часа)». Таким образом, по подсчетам ученого, работник мог трудиться по 15 часов. При этом «все сельские работы производились под открытым небом, в жаркое время, следовательно – под постоянным палящим солнцем, действие которого, отражаясь на изменении в кровообращении мозга, часто

вызывало у рабочих мозговые заболевания, резкие и столь частые температурная колебания». Кроме того, Н. И. Тезяков отмечал, что «из-за отсутствия для работ в степи каких-либо помещений, где бы трудяги могли укрываться от холода и дождя, при недостатке у них теплого платья, в среде рабочих были чрезвычайно распространены ревматические заболевания и поражения дыхательных органов» [7, с. 100].

Высокой продолжительностью рабочего дня в сочетании с огромным напряжением сил была отмечена работа косцов. «Косарь – говорит Ф. А. Щербина – принимается за косу часом раньше восхода и часом позже захода солнца заканчивает косьбу, т.е. рабочий день его равняется 17 часам. Исключив отсюда 2 часа на обед с отдыхом, по четверть часа на завтрак и полдник, по 10 минут на три привала во время работ, окажется, следовательно, что косарь машет косую по 13 часов в сутки» [7, с. 100]. Однако тяжесть покоса этими факторами не исчерпывалась. От напряженной работы у косцов «бывали расстройство пищеварения, сильные приливы к голове крови», характеризующие общее «нездоровое состояние» [7, с. 100].

Проблема условий труда в помещичьих экономиях, их практичность или отсутствие таковой тесно связаны с вопросом обеспечения помещичьих имений помещениями для работы и отдыха. Отсутствие в законе 1886 года правил о рабочем месте современники назвали «огромным недостатком», тем более, что в проекте закона о сельскохозяйственных рабочих было заявлено, что их «жилище должно быть достаточное, сухое и теплое». Как был поставлен вопрос с обеспечением достойных условий труда даже в передовых имениях, показывают материалы отчета Н. И. Тезякова, производившего обследование ряда имений южной полосы в самом начале 1889 года. Из проанализированных им тридцати экономий только в четырнадцати оказались рабочие казармы. Во всех же остальных помещениях для рабочих служат «обыкновенные экономическая кухни, не всегда достаточно пригодные для своей специальной целей» [7, с. 100].

Пренебрежение качественными условиями труда работников имений было чревато серьезными последствиями. Несвоевременное обеспечение работников Ново-Покровского имения достойными казармами стало причиной серьезной трагедии, унесшей жизни десятков людей [21]. 29 мая 1912 г. на территории поместья произошло внезапное возгорание соломенной риги с работниками свекловичных плантаций, остановившимися там на ночлег. В результате пожара погибло 59 человек, большинство из которых были женщины и дети [22, Л. 7]. Из-за сухой погоды помещение выгорело

буквально за десять минут, причем «Караульный, хотя и был неподалеку от риги, но пожар, как он объяснял, заметил тогда, когда рига была уже вся в огне». Очевидцы вспоминали, «что одна женщина, выскочив из горящей риги, вспомнив, что там остались ее дети, бросилась туда обратно и сделалась жертвою огня» [22, Л. 8 (о)].

Расследование причин трагедии подтвердило техногенный характер возгорания риги, однако опровергло причастность к этому администрации имения. Согласно рапорту полицейскому урядника Усманского уезда Тамбовской губернии, пожар произошел от искры паровоза, проходящего мимо риги [22, Л. 7]. В то время не было четких правил и норм по поводу наличия зон отчуждений для частных железнодорожных путей, что позволяло располагать ригу в зоне движения поездов [23]. В результате этого владелец имения избежал наказания.

Таким образом, одним из факторов развития помещичьих имений в конце XIX – начале XX века стало активное использование труда наемных сельскохозяйственных работников. Недостаточное обеспечение правового статуса наймитов создавало для владельцев ряд преимуществ, связанных с возможностью интенсивной эксплуатации персонала, занижением заработных плат. Вместе с тем, стихийность формирования трудового рынка страны создавали неудобства и для помещиков. Это выражалось в недисциплинированности нанимающихся крестьян и несоблюдении сроков договоров.

Список литературы

1. Старченко Г. И. «Работая, можно приберечь себя, можно работать и на рубль, и на восемь гривен, и на полтину...» Повседневная практика применения труда сельскохозяйственных наемных рабочих конца XIX – начала XX века // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв. Белгород: Издательство НИУ «БелГУ», ООО «ГиК», 2011. С. 229–257.
2. Селунская Н. Б. Производственно-технический уровень и наемный труд в крестьянском и помещичьем хозяйствах европейской России в 1917 год // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. Москва, 1991. С. 153–173.
3. Адриановская Т. Л. Правовое регулирование труда в сельском хозяйстве в России до революции 1917 г. // Право и практика. 2018. № 2. С. 26-30.

4. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1891. 673 с.
5. Волков В.В. Отечественная историография рынка труда в сельском хозяйстве России конца XIX -начала XX в.: досоветский период // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. Вып. 4. С. 9-15.
6. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII, отд. 1. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1863. №39448.
7. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве: общественно-юридические очерки. М.: Маг. «Кн. Дело», 1899. 238 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI, собр. 3. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1888. Ст. 3803.
9. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. Москва: Наука, 1975. 398 с.
10. Житин Р. М. Помещичьи имения Тамбовской губернии: социальные конфликты и пути нивелирования угроз // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 10. С. 180-187.
11. Воронина Т. А. Рацион питания русских крестьян во время поста (XIX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 12. № 6 (38). 2010. С. 287-291.
12. Житин Р.М. Социальные характеристики рабочих крупных имений в пореформенное время: (на материалах Ново-Покровского имения Орлова-Давыдова и Рязитянского имения Юсуповых) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 10(138). С. 159-166.
13. Медицинская беседа. Журнал общественной медицины и гигиены. Воронеж: Типо-литогр. В. В. Юркевича, 1897. 200 с.
14. Житин Р. М. Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А. В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 200-207.
15. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 195. Оп. 1 Д. 14; Д. 522.
16. Житин Р.М. Сдельные формы найма рабочих в помещичьем хозяйстве Тамбовской губернии в конце XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 187. С. 140-147.
17. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Тамбов: Губернская земская типография, 1891. Т. 19. Частное

землевладение Тамбовского уезда. Тамбов : Изд. Тамбовского губернского земства, 1894. 370 с.

18. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии / издание Тамбовского Губ. земства. Т. 18: Частное землевладение Липецкого уезда. Тамбов : Губернская земская типография, 1893. 149 с.

19. Сорокина Т. А. Профессиональное обучение в низших сельскохозяйственных школах Курской губернии в конце XIX- начале XX вв. // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2021 № 11. С. 12-16.

20. Устав Щигровской сельской ремесленной учебной мастерской // Техническое образование. Санкт-Петербург. 1899. № 1. 16 с.

21. Житин Р. М. К проблеме изучения роли инноваций в развитии крупных имений в конце XIX – начале XX в. (На материалах Ново-Покровского имения семьи Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии) // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. С.176-178.

22. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8378.

23. Житин Р. М. Развитие транспортной инфраструктуры как фактор социально-экономического развития Ново-Покровского имения графов Орловых-Давыдовых в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 12 (116). 2012. С. 436-440.

4.2 Сдельные формы найма рабочих в помещичьем хозяйстве в конце XIX века

Одним из характерных явлений развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве пореформенного времени было массовое распространение наемного труда. В начале XX века частновладельческое хозяйство России использовало найм не менее 2 млн. сельских рабочих [1, с. 50]. По мнению исследователей, это количество являлось небольшим «по сравнению со всей массой занятых в сельском хозяйстве рабочих рук, но оно свидетельствует о значительном развитии (в абсолютных размерах) капиталистического земледелия в частновладельческом хозяйстве» [1, с. 50].

Проблема формирования рынка сельскохозяйственного труда в помещичьем хозяйстве имеет богатую историографию [2]. Положение кадров сельских работников в дореволюционной литературе изучалось в контексте дискуссий о кризисе аграрного строя. Исследования Н.В.

Шаховского [3], Е. Варба [4], В.П. Милютина [5], А.А. Ярошко [6], Я.Я. Полферова [7], И.Г. Дроздова [8], Н.В. Пономарева [9] раскрывали источники формирования рынка наемных рабочих, быт работников, их отношение с владельцами, роль дополнительного заработка в жизни крестьян. Практически все авторы обращали внимание на низкую оплату труда в пореформенном сельском хозяйстве, незащищенность рабочих перед помещиком.

Изучение вопросов сельскохозяйственного найма в советской историографии находилось в рамках более общих проблем аграрной истории. По мнению А. М. Анфимова, «наемный труд в помещичьих имениях, в большей мере был трудом закабаленных крестьян», а общая доходность владений помещиков «в значительной степени держалась на исключительной дешевизне рабочей силы» [1, с. 63]. Однако, общий рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве к началу XX века в целом не вызывал сомнений у исследователей. Проанализировав положение помещиков Европейской России перед Революцией 1917 года, И. Д. Ковальченко пришел к выводу о буржуазно-капиталистическом строе частновладельческого имений к концу капиталистической эпохи [10].

На современном этапе развития аграрной историографии изучение труда наемных сельскохозяйственных рабочих актуализируется вниманием к социальной истории. Благодаря работам В. А. Шаповалова, Г. И. Старченко [11] были намечены новые сюжеты в изучении работников по найму. В частности, исследователи обратились к проблемам имагологии помещика и служащих, профессионального роста персонала имений, повседневности рабочих поселков при сельских экономиках.

Одной из важнейших форм занятости сельскохозяйственных работников помещичьих имений на протяжении всего пореформенного времени оставался издельный найм. Издельщик получал деньги за выполнения строго определенного задания по взаимной договоренности с помещиком. Такие рабочие могли наниматься в разные сферы владельческого хозяйства. По заявлению моршанских управляющих, издельным работникам доверялась «обработка полей и лугом и сохой, лишение поля под навоз, вывозка навоза и раструска его, посев, заделка семян, посадка картофеля и свеклы, полка овса и картофеля, распашка картофеля, уборка хлебов, картофеля и свеклы, перевозка урожая в усадьбу с поля, молотьба хлеба, вейка, сортировка и доставка его на рынок, уборка сенокосов, рубка леса, разделка его на сортименты и доставка на место, корчевание пней, разделка поля из под леса, резка, сушка и доставка

торфа». Имелась категория издельщиков, которая использовалась на уборке владельческих посевов в виде отработок за арендованную в имении землю.

Условия найма издельных рабочих были различными. Большинство опрошенных земскими корреспондентами помещиков Тамбовской губернии заявляли о наиболее частом найме работников на подесятинную обработку полей со своим инвентарем и тягловой силой. В зависимости от установленных в разных имениях стандартов одна десятина могла включать в себя 2400 сажень (тридцатная десятина) и 3200 сажень (сороковая десятина). Так, в Липецком уезде «широко применялась сдача в одни руки, по одной договорной сделке не только не одинаковых, но и не одновременных работ, таких как обработка земли и уборка урожая». Это означало, что помещики сдавали крестьянам «несколько десятин на выполнение всех работ от первой вспашки до уборки урожая». Найм в виде обработки «кругов», объединявших сразу несколько десятин помещичьей земли, был относительно редким явлением.

Труд всех категорий сельских работников регулировался «Положением о найме на сельские работы» от 12 июня 1886 года с целом рядом последующих сенатских разъяснений. До принятия этого закона «наем на сельскохозяйственные работы нормировался общими узаконениями», «страдающими, между прочим, таким капитальным дефектом, как отсутствие ясных указаний по поводу формы договора, по поводу того, допускается ли форма словесная» [4, с. 20]. По новому закону, договоры найма могли быть письменные и словесные как на определенный, так и на неусловленный срок, но не свыше 6 лет (ст. 22). Наниматель обязался требовать лишь ту работу, на которую соглашался работник, (ст. 28), не задерживать заработную плату (ст. 29), оказывать медицинскую помощь при увечьях и травмах (ст. 32). Запрещалось расплачиваться с рабочим товаром или продуктами питания (ст. 30), кормить его обычной крестьянской пищей (ст. 32). Наймит был «не вправе отлучаться без позволения хозяина и принимать на себя без его согласия чужую работу» (ст. 38). Существующую вертикаль закрепляли требования «беспрекословно и усердно исполнять требования помещика» (ст. 35), «охранять хозяина и его семью при угрожающей кому-либо из них опасности» (ст. 36), «вести себя благопристойно, трезво и почтительно к хозяину, его домашним и лицам, приставленным от него для надзора за работами и рабочими» (ст. 37), «обходиться бережно с хозяйским скотом и орудиями и не причинять по нерадению или небрежности, а тем более умышленно, вреда хозяйскому имуществу» (ст. 39).

В случае нарушения работником условий труда («прогул, небрежную работу, грубость и неповиновение хозяину, причинение вреда хозяйскому имуществу») труда помещик был вправе «подвергать рабочих вычетам из их заработной платы (ст. 49). Работника, бежавшего от нанимателя, могли вернуть обратно через полицию (ст. 100). За невозвращение на них мог быть наложен арест на срок до 1 мес., за повреждение орудий труда владельца – до 3 мес., за нарушений распорядка дня и неявку на работу – до 1 мес.

Занятость издельных рабочих во многом зависела от времени работ. С открытием полевого сезона помещик был заинтересован в законтрактовании плугарей. Наиболее удобной формой здесь был сдельный найм. Поденная форма оплаты не практиковалась, так как сельскому хозяину выгодно было закрепление рабочих до окончания работ, да и сами работники «неохотно шли в поденщики». Почти каждый нанятый плугарь «старался побольше выгнать». Он «вставал еще затемно, бросал также пока не стемнело, и в этих случаях хозяину приходилось не понукать рабочих, а сдерживать, иначе они могли переморить скотину» [12, с. 16].

С открытием покоса структура найма в имение менялась. В это время владелец был заинтересован в привлечении поденщиков. Покос всегда оставался самой горячей порой для поденных работников, когда «приходится рвать час у Бога», причем «цены на рабочие руки по мере приближения конца косовицы ощутимо росли» [12, с. 20]. Наконец, в период уборки хлебов основной формой занятости хозяйствах снова становилась сдельная работа [12, с. 21].

Издельные рабочие нанимались в тамбовские имения либо индивидуально, либо в составе артели. В случае «зимней наемки» «уже с осени каждого года начиналось хождение крестьян группами или в одиночку в усадьбы землевладельцев с просьбой взять их, или хотя бы записать в кандидаты на работы следующего сельскохозяйственного года». Постепенно, таким образом, у тамбовских помещиков набиралось необходимое количество дешевой рабочей силы. В условиях слабого развития в крае местных и отхожих зимних промыслов, малообеспеченные крестьяне вынуждены были продавать свой труд особенно дешево.

По сравнению с индивидуальными, артельные формы найма были менее распространены. Как правило, артель составлялась из жителей одной деревни, нанимавшихся на работу к помещику, которому они были необходимы на «одну работу, требующую одновременного выполнения». К артельщикам предъявлялись общие и единовременные условия от экономии, а каждый работник выполнял одинаковый объем

работы. Для упорядочения взаимоотношений работников и работодателя артельщики выбирали старост, обговорившего детали труда в экономии, ответственность за качество выполненной работы.

Разновидностью артельного найма можно считать издельную работу на помещика целых крестьянских обществ. В этом случае в экономию нанимались жители близлежащей к владению деревни, «постоянно пользовавшихся в имении пастбищами и участками пашни». Подобного вида соглашения являлись реликтами докрепостных отношений владельцев и крестьян, продолжавших играть экономическое значение после Реформы 1861 года. За использование труда в своем хозяйстве владелец предоставлял работникам пастбища и пашенные угодья.

В конце XIX века в помещичьем хозяйстве Тамбовской губернии труд издельных работников стал играть ключевую роль. Так, крупнейшее имение Липецкого уезда – владение А. М. Кожина в Кузьминской волости полностью перешло на труд издельщиков, выполнявших в экономии все операции по полководству. При этом владелец предпочитал не индивидуальный, а артельный формат занятости. Каждая артель выбирала себе одного представителя, который пописывал договор с экономией. В договоре обговаривались объем выполняемых работ и доля каждого нанятого работника, определялась ответственность за невыполнение условий найма. Для предотвращения нарушений порядка труда каждая артель отвечала круговой порукой за своих членов. Кроме того, помещик был защищен двойной неустойкой, причитавшейся ему в случае злоупотреблений работников.

Экономический формат работы абсолютного большинства издельщиков в тамбовских экономиях был связан с процедурой возвращения долга помещику. Это явление признавалось современниками «продуктом тех земельных отношений, которые создавались некоторыми особенностями реформы 1861 года» [4, с. 13]. Ограниченное наделение крестьянства землей создавало необходимые условия для работы на помещика. «Таким путем можно заставить крестьянина работать за те деньги, в которых он так нуждается в периоды выколачивания недоимок, когда предстоит или лечь под розги, или продать последнюю лошадь, или попасть в кулачье лапы мироеда» – писал Ф. А. Щербина [13, с. 75].

Экономические затруднения тамбовских крестьян заставляли их «напрашиваться на заблаговременный и очень ранний наем в соседние владельческие экономии», прекрасно осознавая, что «эти экономии встречают каждую весну с запасом приусловленных уже, обязанных

им работников на все лето». По наблюдениям земских специалистов, та часть крестьянства, «которая соглашалась работать на владельца», объединяла наиболее бедное население сельских обществ, не имеющих возможности «своим малым земельный наделом существовать целый год». Хозяйственное положение этих жителей было таким, что «зимою, в особенности в период усиленного требования податей» им были нужны деньги, а весной очень многие из задолжавших «уже изыскивали средства на прокормление семейств и скота». «Эти зимние нужды крестьян», резюмировали современники, «неизбежно заставляли их зимою делать долги и летом возвращать их работой».

Хозяйственное значение зимнего найма издольщиков для владельцев имений определялась существенной экономией в выплатах рабочим. При условии выдачи «большой половины и даже всей стоимости запродаваемого летнего труда», крестьяне соглашались «на всякую, самую низкую оценку разных полевых работ». Только благодаря тому, что «солидные хозяева не склонны были придавать своим зимним одолжениям ростовщический характер», крестьяне все-таки получали за летние работы в экономиях «довольно безобидно местным условиям выплату».

Характер и размеры оплаты труда издельным рабочим были выявлены в ходе проведения комплексного изучения помещичьих хозяйств Тамбовской губернии. В ходе сбора «цифрового и описательного материала» по имениям края было установлено, что «нередко даже в соседних имениях» труд издельщиков, выполнявших одинаковые операции, оценивался по-разному. Это «зависело от времени найма рабочих, от большей или меньшей раздачи им денег вперед, при том на более или менее тяжелых условиях таких ссуд или задатков». При этом «одни хозяева заботились только о дешевизне работ и считают себя в большой выгоде, если удастся сдать все работы по озимой десятина за 4 руб. 5 коп. и но яровой за 3 руб.», другие «не видели убытка платить за те же работы вдвое дороже». Вообще же, «требования именно массы рабочих и стремление многих хозяев» были таковы, что «практиковался зимний наем с раздачею денег вперед, что и обуславливает низкий уровень цен на работы».

В помещичьих хозяйствах Мельгуновской волости Тамбовского уезда крестьяне, законтрактованные на уборку ржи, получали 3 руб. 50 коп. при зимнем найме, и 5 руб. – при летнем. Покос ржи серпом стоил «зимнему» работнику 5 руб., летнему – 8 руб. на десятину. Наряду с этим, у помещиков Александровской волости Тамбовского уезда, где также практиковался предварительный найм на работы, за рожь

платили 1 руб. 75 коп., а соседней Стенановской волости, «та же уборка стоила 3-4 руб.». Таким образом, не подлежало сомнению, что «при заблаговременном найме крестьяне теряли на заработной плате не менее 50%».

Денежной формой заблаговременного найма на полевые работы не исчерпываются способы привлечения издельных работников в помещичьи хозяйства. Наряду с денежной формой, в Тамбовской губернии широко практикуется и натуральная форма найма, закрепляемая арендными договорами на подесятинную сдачу угодий.

Экономическая жизнеспособность такого формата определялись тесными взаимоотношениями помещиков и крестьянских хозяйств. Владельцы, как правило, «нуждались в большом числе издельных рабочих», которых они «вынуждены были искать среди крестьян хозяев соседних деревень». С другой стороны, окрестное к имениям крестьянство «нуждалось в земле, так как хлеба, получаемого с собственного надела, не хватало на полгода» [14, с. 105]. В этих условиях у помещиков «недостает оборотного капитала на оплату всех необходимых по имениям работ, а у крестьян «неоткуда взять денег не только для уплаты полностью арендной суммы, но даже для взноса небольшого задатка». Выход из сложившейся ситуации был в стремлении помещиков «некоторую часть работ по имению оплатить землю, предоставляемую в аренду крестьянству» [14, с. 105]. Фактор земельной необеспеченности сельских общин, таким образом, был основанием для распространения отработок в структуре аренде владельческой земли.

Натуральная форма найма использовалась во всех уездах Тамбовской губернии. Земские специалисты, изучавшие этот вопрос в Лебедянском уезде, отмечали: «Формально наем земли бывает денежный – каждой десятине назначается известная цена; на самом же деле, крестьяне, не располагая деньгами, расплачиваются работами». Аналогичные формы практиковались в имениях Тамбовского уезда. В местных владениях «землевладельцы раздавали землю, подесятинно, по определенной денежной цене за десятину под озим и под яр; но плата эта в действительности отрабатывалась, так что известная денежная норма этой платы определялась только, на какую сумму съемщик должен был выполнить работ в имении, а работы эти оцениваются по особому соглашению землевладельца со съемщиками-рабочими».

Важная особенность подесятинной аренды заключалась в чрезвычайной подвижности съемочных цен. В условиях значительного интереса крестьянства к аренде земли в экономиях, тамбовские

помещики «чувствовали себя господами положения и регулировали эти цены единственно с таким расчетом, чтобы съемникам, в конце концов, пришлось рассчитаться возможно большим количеством работы» [14, с. 107]. В результате номинальные цены отработки в губернии являлись значительно выше расценок труда при денежных формах зимнего найма. Так, в одной из экономий Липецкого уезда, где пашня раздавалась за отработки с оценкой десятины в 16-18 рублей, эта же земля, при сдаче за деньги, бралась крестьянами по 12 рублей. У владельцев имений Кирсановского уезда, оценивавших аренду отработочной десятины в 20 руб., эта же площадь сдавалась в 15 руб. при уплате деньгами.

Преждевременный характер найма и существенное снижение заработной платы за выполнение сдельной работы создавало почву для злоупотреблений нанятых работников. «Крестьянин часто физически не мог выполнить договоров», отчего часто ему «приходилось пахать чужую землю в то время, когда «своя аж кричит», убирать хлеб на чужой ниве, когда своя осыпается, идти на чужую работу, когда семья без куска хлеба сидит» – замечал Е. Варб [4, с. 13].

Наиболее частой причиной нарушения договоров с помещиками являлось некачественное выполнение работ. В конце 80-х гг. XIX века помещики Кирсановского уезда, «прежде нанимавших владельцев зимой, вследствие неисправной работы эту систему изменили». Землевладельцы «убирают хлеба или своими рабочими или выговаривали работы при сдаче земли крестьянам или нанимают при самом начале полевых работ». На труд работников жаловались и помещики Борисоглебского уезда, отмечавшие, что не все издельщики «исполняют условия найма: или вовсе не работали или невовремя выезжали и работали кое-как».

Чрезвычайно часто работники переходили от одного помещика к другому вследствие лучшего предложения. Усманские издельщики, отмечали земские корреспонденты, «нанимались по условиям, но редко их соблюдали: большей частью забирали задатки вперед и уходили к другому». Взыскать с таких крестьян «ничего не возможно, поэтому и оставался найм рабочих производить или понеделно или поденно». Практики взаимоотношений с работниками по найму заставляли помещиков считать, что 10 % вносимой оплаты « нужно считать пропавшими по неисполнению заключенных условий».

Одной из действенных форм борьбы с нарушениями трудовой дисциплины явилась уплата работнику не всей суммы сразу, а только части с обязательством вернуть остаток после завершения работы. Осторожные хозяева Лебедянского уезда «и вообще те, которые не

стремятся сдать полевые работы по самым дешевым ценам, выдают зимой 70-80 % договоренной платы, остальное же уплачивают после всех работ».

Особая система трудовых отношений практиковалась у владельцев моршанских имений. Три четверти местных помещиков использовали найм артелей «по письменным условиям, предъявляемым в волостном правлении». «Хотя при таком способе найма работникам выдавались «крупные суммы ввиду задатков, последние почти никогда не поступают в руки нанимающихся рабочих, а обыкновенно передаются по заключении условия в распоряжение сборщика податей, в присутствии нескольких человек артели».

Таким образом, привлечение издельных работников в хозяйства помещиков свидетельствовало о вовлеченности тамбовской деревни в формировавшиеся производственные отношения аграрного сектора. Обязанности издельщиков определялись условиями устной договоренности или письменного договора с владельцем. Помещиками практиковался как индивидуальный наем рабочих, так и приглашение артелей. Основной формой найма издельщиков на протяжении всего пореформенного времени занимала «зимняя наемка», связанная с процедурой возвращения долга хозяину за ранее взятые деньги. При этом заблаговременная форма занятости служила для помещиков одним из средств уменьшения реальной заработной платы. По сравнению с летним наймом стоимость обработки и уборки посевов такими работниками могла обходиться хозяину в два раза дешевле. Существенное снижение заработной платы обуславливало трудовые конфликты в имениях и понижало трудовую дисциплину работников. Наиболее частой формой нарушений со стороны рабочих являлись прогулы и несвоевременный приход на работы, некачественное исполнение обязанностей.

Список литературы

1. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX - начало XX в.). Москва : Наука, 1969. 394 с.
2. Волков В. В. Отечественная историография рынка труда в сельском хозяйстве России конца XIX – начала XX в.: досоветский период // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Том. 4, Вып. 4. С. 9-15.
3. Шаховской Н. В. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. Санкт-Петербург : тип. Правильств. вестн., 1895. 157 с.

4. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве: общественно-юридические очерки. Москва : Маг. «Кн. Дело», 1899. 238 с.
5. Милютин В. П. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России. - Петроград : Жизнь и знание, 1917. 84 с.
6. Ярошко А. Рабочий вопрос на Юге : Его прошедшее, настоящее и будущее. - Москва : типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. 217 с.
7. Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки. Санкт-Петербург : Ред. период. изд. М-ва фин.: "Вестн. финансов" и "Торг.-пром. газ.", 1913. 53 с.
8. Дроздов И. Г. Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905-1906 гг. Санкт-Петербург : М. И. Семенов, 1914. 68 с.
9. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в Новороссийския губернии. Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1895. 73 с.
10. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. Москва, [б. и.] 2004. 504 с.
11. Шаповалов В. А., Старченко Г. И. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). Белгород: издательство ФГАОУ ВПО "Белгородский государственный национальный исследовательский университет", 2005. 428 с.
12. Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки : (Стат.-экон. очерк). Санкт-Петербург : Ред. период. изд. М-ва фин.: "Вестн. финансов" и "Торг.-пром. газ.", 1913. 53 с.
13. Щербина Ф. А. В каких законах нуждаются сельские рабочие? // Северный вестник. 1887. № 5. С. 75.
14. Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы. Санкт-Петербург : изд. А. Новикова, 1902. 153 с.

4.3 Поденные формы найма в помещичьих хозяйствах второй половины XIX века

Особое место в обеспечении помещичьего хозяйства рабочей силой занимал труд поденных сельскохозяйственных работников. 1880-1884 годах в Тамбовской губернии сельскохозяйственные промысловые занятия составляли предмет деятельности 45 918 крестьянских дворов

(14,5 % всех дворов губернии) из которых в разных формах поденного найма участвовали 14393 крестьянских хозяйств (31,3 %) [1, с. 112].

Как особый формат найма сельскохозяйственных работников в имения помещиков, поденщина использовалась там, где «особенности капиталистической организации пустили более глубокие корни», определяясь наймом в имении на определенный срок, «при непереносимом условии оплаты труда исключительно деньгами». В этой связи «хозяин и рабочий тут сходятся исключительно для купли-продажи труда, как обыкновенного товара, цена которого определяется условиями рынка, отношением между предложением и спросом» [2, с.14].

Законодательной основой для регулирования труда помещика и рабочего-поденщика являлось «Положение о найме на сельские работы» от 12 июня 1886 г. с целым рядом позднейших дополнений и разъяснений. Согласно требованиям законодательства, наем должен был заключаться словесно или письменно на определенный срок или на срок неопределенный. Работодатель должен обходиться с рабочим справедливо, требовать лишь работу, для которой рабочий нанят (ст. 28), расплачиваться «в установленное время», но «не хлебом, товарами и иными предметами (ст. 29-30), оказывать помощь заболевшим (ст. 32). В целях повышения дисциплины работников выдвигались требования «повиноваться нанимателю и исполнять беспрекословно и усердно его требования, согласно заключенному условию», «охранять хозяина и его домашних при угрожающей кому-либо из них опасности», «вести себя благопристойно, трезво и почтительно к хозяину, его домашним и лицам, от него приставленным для надзора за работами и рабочими». За неповиновение хозяину рабочий мог быть по решению суда арестован на срок до 1 месяца, за повреждение помещичьего оборудования – до 3 месяцев [8].

Строгие нормы закона должны были гарантировать выполнение работниками взятых на себя обязанностей. «При всяких условиях, писал Е. Варб, опасно иметь дело с поденщиком, – человеком, не связанным с хозяином ничем, кроме поденщины, – в страдную пору, когда малейшее промедление может вести к невознаградимым потерям, когда судьбы хозяйства всецело зависят от рабочего, когда вообще господином положения является он» [2, с. 15].

Однако поденщики часто исполняли свою работу некачественно. В 1892 году помещики Уманского уезда сообщали: наем срочных рабочих с каждым годом уменьшается ввиду невыполнения рабочими заключенных договоров: живут только до тех пор пока не поднимется поденная цена, затем уходя, взяв с собой незаслуженные деньги» [3,

143]. Такие случаи происходили по всей территории Тамбовской губернии. Характеризуя ситуацию с поденщиной, владельцы имений Шацкого уезда замечали: «Неисполнение договоров практикуется повсеместно вследствие гражданской безответственности крестьян. Можно было улучшить хозяйство и повысить доходность земли почти вдвое, если бы этого явления не было» [3, 144]. Обращение помещиков к мировым судьям не принесило результата, так как «забранных денег взыскать не с чего» [3, 140].

Наем поденщиков происходил «главным образом в тот период года, когда выслуживали в имениях летние сенокосные рабочие, то есть в период от весенней обработки полей до окончания молотбы хлебов осенью». Покос всегда оставался самой горячей порой, когда «приходится рвать час у Бога», причем цены на рабочие руки по мере приближения конца косовицы ощутимо росли [6, 20]. В ряде имений Тамбовской губернии, не прекращающих активную экономическую деятельность с завершением полевых работ, поденщики могли трудиться круглый год. В таком случае к помещикам нанимались работники, которые требовались для текущих хозяйственных потребностей. Наиболее часто в экономии нанимались плотники, слесаря, тележники, санники, шорники. В то время как крупные владельцы располагали такими работниками на постоянной основе, в средних поместьях они работали на условиях краткосрочного найма [7, 121].

Стоимость труда поденщиков формировалась стихийно. Колебания цен определялись соотношением спроса и предложения и не были подчинены каким-либо нижним или верхним пределам. В зависимости от природных изменений, перемен в конъюнктуре менялась и цена на труд. В средних значениях в конце XIX века на территории Центрального Черноземья вознаграждение поденщиков оценивалось от 20 до 75 копеек в день [7, с. 123].

Особенно сильно на заработную плату поденщиков отражались колебания стоимости хлеба. Ф. Ф. Воронов вычислил, что для России за время 1872-81 гг. при повышении цены хлеба в 0,4 раза зарплата сельских рабочих поднялась на 10%.

Другим важным фактором перемен в системе оплаты труда было «усиливающееся предложение рабочих рук», обыкновенно сопровождавшее недороды. Это явление в Центральном Черноземье наблюдалось в 1881 г., 1891-1892 и 1902-1903 гг. Так, в Воронежской губернии после неурожайного 1891 года поденная плата рабочим при уборке хлеба понизилась на 44,5-51,1%. При хорошем урожае, напротив, создавался некоторый дефицит рабочих, в результате чего

их заработная плата многократно возрастала. По свидетельствам земских корреспондентов, если «отходники явились в недостаточном числе, цены на труд во время уборки доходили до пяти рублей в сутки». Такое повышение зарплаты вносило «смуту в население России: пастухи, конюхи, кухарки и разные другие дворовые рабочие бросали свои занятия и бегли в хозяйства владельческие» [2, с. 19].

В селе Бутурлиновке Бобровского уезда Воронежской губернии, где представления не имели о внезапном повышении и понижении цен на труд, «о бешеной скачке их на пространстве одного и того же дня», происходили такие явления, которые были более «свойственны миру отчаянного биржевого ажиотажа». В один из дней «пара косцов нанималась за 4 рубля 50 коп. Через несколько часов цена возросла до 10 руб. за пару, а после 12 часов пополудни были предложения рабочим уже в 12 руб. одной паре за десятину; но и при таких условиях достаточного числа рабочих не находилось». Один землевладелец, хозяйничавший многие годы в родовом своем имении, «видя свое ужасное положение, из которого можно было найти выход единственно тройными против нормальных и добросовестных цен за уборку хлеба платежами», – там же «на поле сельского труда умер от разрыва сердца» [2, с. 16].

Не последнюю роль в оценке труда сезонных рабочих играли возраст, работоспособность и круг обязанностей, которые несли работники во владельческом имении, а также пол работника. Поденная плата женщин, как правило, оценивалась ниже, чем труд мужчин на тех же работах. Так, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии такая разница доходила до 60 процентов, заметно колеблясь в зависимости от специфики выполнения труда. Наибольшая разница в оплате наблюдалась на сенокосных работах, наименьшая – при уборке урожая осенью.

Экономическая практика использования труда поденщиков допускала использование особой системы расчета. Некоторые из них их учитывались списками, которые велись в вотчинной конторе имений. По достаточно распространенной системе расчета с рабочими, выплата причитающихся им денег производилась путем выдачи ярлыков и марок, затем меняющихся на деньги [5].

Большая часть наемных работников приходила к помещику из близлежащих населенных пунктов. Наличие в Центральном Черноземье пришлых сезонников со стороны – относительно редкое явление. Нездешних крестьян-отходников могли заинтересовать здесь только особо крупные имения, для которых требовалось большое число работников. В целом же территория Черноземья всегда являлась

донором рабочей силы. «Рабочие Тамбовских уездов отправлялись в южные губернии и в землю Войска Донского на все лето. С окончанием весенних полевых работ «уходили селами; оставались старики и старухи с малыми ребятами».

Земетчинское хозяйство Долгоруких в Тамбовской губернии каждый летний сезон привлекало к себе тысячи окрестных крестьян. Отсутствие поблизости крупных промышленных предприятий, значительная населенность местности и наличие почти круглый год всевозможных работ в имении ставило местных отходников в благоприятные условия. Все крестьяне шли к помещику «охотно и особенного недостатка в труде не ощущалось» [4, с.7-8].

Найм сельскохозяйственных работников в других имениях традиционно производился на общих базарах и ярмарках. Во второй половине XIX века, в связи с развитием в Черноземье сети железных дорог рынки найма стали концентрироваться вблизи станций. Там располагалась основная масса работников. Лишь «сравнительное незначительное их количество старалось проникнуться вглубь местности, рассчитывая на более выгодные цены» [6, с. 12]. Нанимались рабочие как отдельно, так и целыми партиями [6, с. 22].

Скитания отходников в погоне за заработком превращались, по мнению П. Червинского, в «истинную летопись разнообразных лишений». «Истративши на дорогу и на странствия по рынкам и экономиям все свои скудные средства, иногда «прохарчив» даже часть своей одежды, голодные рабочие толпами скопляются в населенных центрах, на больших станциях железных дорог, представляя из себя горючий материал, способный воспламениться для всякого насилия и воспламенявшийся уже неоднократно до необходимости прекращения буйства военною силою» [2, с. 19].

Основными факторами движения рабочих к рынкам найма являлась «укооренившаяся уверенность в том, что неурожайные годы должны чередоваться годами обильных урожаев», и что в имениях работников ждут «баснословные заработки». Не было никаких организованных агентств, ни справочных учреждений, ни даже пристанищ для крестьян, добравшихся до рынков. Все рабочие рынки находились в совершенно «первобытном состоянии и лишены были всяких хоть сколько-нибудь соответствующих делу приспособлений». Во многих местах отходникам приходилось «располагаться под открытым небом, при грязных площадях, и валяться на базарах между лавками. Редко где имелись навесы для защиты рабочих, от жары, непогоды и холода, особенно сильного в осенние дни. В ряде районов частные лица все же устраивали какие-то временки, но за ночлег в них (иногда на земле,

рядом с домашними животными) брали по 2-3 копейки с человека [2, с. 18].

Таким образом, новая социально-экономическая ситуация пореформенного времени обусловила активное использование труда поденных работников. Экономическая практика их найма определялась словесным или письменным договором с работодателем. Строгость наказания поденщиков во многом обуславливалась нарушением условий труда со стороны рабочего. Обращает на себя внимание частое невыполнение взятой на себя работы, переход к другим помещикам с целью получения большего дохода. Быт наемных работников был связан с множеством лишений и трудностей, связанных с поиском рабочего места.

Список литературы

1. Бунеева, Е. Н., Перепелицын, А. В. Промысловые сельскохозяйственные занятия крестьян Центрального Черноземья в пореформенный период // Научные ведомости Белгородского государственного университета (Серия История. Политология). – 2015. – № 13 (210). – С. 111-122.
2. Варб, Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве: общественно-юридические очерки. – Москва : Маг. «Кн. Дело», 1899. – 238 с.
3. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях / сост. С.А. Короленко. – Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1892. – 866 с.
4. Воронков. А.И. Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. К экспонатам на Моршанской сельскохозяйственной выставке 1911г. – Моршанск : Типолитография В.И. Холуянова, 1911. – 28 с.
5. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 119.
6. Полферов, Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки : (Стат.-экон. очерк). – Санкт-Петербург : Ред. период. изд. М-ва фин.: "Вестн. финансов" и "Торг.-пром. газ.", 1913. – 53 с.
7. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. – Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1891. – 673 с.
8. Свод законов. – Санкт-Петербург : [б.и.], 1902. – Т. XII. – Ч. 2. – С. 35-39.

4.4 Административные работники вотчинных контор латифундистов в конце XIX века

Систематический учет и анализ сведений о наемной администрации тамбовских имений начался еще в пореформенное время в связи с обращениями помещиков в кредитные учреждения. Тогда, при залоге своих поместий владельцы предоставляли данные по расходу на управление, численности вотчинной сотрудников, уровню материального обеспечения рабочих и служащих [1]. Благодаря работе Валуевской комиссии была организована первая публикация сведений по отдельным экономиям, которые были заложены в обществе взаимного поземельного кредита за три года (1870 – 1872) [2, с. 3].

Весьма ценным вкладом в историографию вотчинного управления являлся третий выпуск «Сельскохозяйственных и статистических сведений по материалам, полученным от хозяев» [3]. Подготовка издания производилась под руководством сотрудника департамента земледелия А. А. Шульца. Сведения собирались через добровольных корреспондентов. В ходе описания были выявлены конкретные показатели административных издержек в имениях ряда регионов России, дан краткий анализ полученных результатов.

В восьмидесятые-девяностые годы XIX века важным источником для характеристики управления русских имениях стали материалы земской статистики. Подробному описанию подвергались все компоненты помещичьего хозяйства вне зависимости от способа их ведения. В Тамбовской губернии это обследование происходило с 1887 по 1890 г. в восьми уездах [4]. Некоторые итоги работы земских статистиков подвел А. Ф. Фортунатов [2].

Интересные факты о развитии вотчинного делопроизводства содержались в рамках многочисленных описаний тамбовских имений, выходявших вплоть до октябрьского переворота. Большое познавательное значение имеют статистические исследования Заметчинской экономии Долгоруких [5], Знаменского владения Строгоновых [6], ряда других имений губернии [7].

Анализ указанных источников позволяет изучить способы управления усадьбами, оценить их значение для развития хозяйства помещиков. Для развитых интенсивно модернизирующихся экономий наличие грамотных управляющих, безусловно, благотворно сказывалось на успехе ведения хозяйства. Практики предпринимательской активности только входили в быт провинциальных владельцев, большинство которых не обладало необходимыми знаниями, сноровкой для выгодного предпринимательства на земле. Процесс трансформации вотчинного имения в

капиталистическую экономию во многих случаях был заслугой грамотных управленцев.

Различие норм администрирования, обеспеченность необходимыми работниками определялись стратификацией помещичьих имений по количеству земли и по способам производственной деятельности. Общая сводка данных по Кирсановскому [8], Моршанскому [9], Лебедянскому уездам [10] Тамбовской губернии показывает почти полное отсутствие специалистов в мелких экономиях, преобладавших в структуре частного землевладения края (59% от общего числа поместий).

Количество служащих в более крупных экономиях увеличивалось прямо пропорционально размеру землевладения, причем латифундисты концентрировали абсолютное большинство управленческих кадров. В имениях площадью от 100 до 200 дес. административные ресурсы отсутствовали в 84,9% случаев, от 200 до 500 дес. – в 48,5%, от 500 до 1000 дес. – в 17,8% , от 1000 до 5000 дес. в – 1,7% [4]. В хозяйствах свыше 5000 дес. дефицита наемного персонала зафиксировано не было. Нехватка необходимых работников в некоторых латифундиях может говорить о намеренной ликвидации собственной запашки или ее переводе в арендное содержание. Из тех помещиков, которые вели собственное хозяйство, только 17% обходились без профессиональных служащих.

Отсутствие вотчинных контор в огромном числе экономий Тамбовской губернии приводило к тому, что среднее количество служащих в регионе не повышало трех человек на одно владение. В 638 имениях Кирсановского, Моршанского, Лебедянского уездов трудилось только 1450 специалиста, т. е. 2,3 сотрудника в расчете на экономию.

Таким образом, для латифундий наличие административных работников представляло немалый интерес, так как контроль и производственное освоение значительных размеров экономической запашки не могли обходиться без профессионального штата рабочих.

По большей части в имениях без наемных специалистов экономикой владения занимался сам помещик. Насколько было распространено «ручное» управление, показывает сводка по Моршанскому уезду. Здесь половина экономий с площадью 50 и более десятин управлялась самими владельцами. В остальных экономиях уезда либо присутствовал наемный персонал, либо эти поместья состояли в аренде.

Похожий тренд наблюдался и в других черноземных губерниях России. По наблюдению статистиков, личный контроль владельцев над своими хозяйствами преобладал в трех уездах Орловской губернии [2, с. 13]. Во всяком случае, из 392 имений Мценского, Елецкого и Кромского уезда, 288, т. е. приблизительно 74%, находились под управлением помещиков. Указанные уезды интересны еще и тем, что в них

прослеживается зависимость размеров поместья и степени обеспеченности наемной администрацией. Мелкие экономии испытывали существенные трудности с наймом профессионалов, тогда как средние и крупные владения аккумулировали значительное количество местных работников.

В некоторой степени доля хозяйств с личным управлением зависела от сословной принадлежности помещика. В Тамбовской губернии крестьянские имения на 90% управлялись самими хозяевами. В купеческих и дворянских владениях этот показатель был намного ниже: 73% и 31% соответственно. Как видим, дворяне пристальнее всего уделяло внимание найму специалистов. Нежелание высшего сословия самостоятельно заниматься своими имениями было предметом общественного дискурса [11]. Современники обвиняли «благородных» в экономическом абсентеизме, нежелании развиваться, частом отходе от земли. Данные по многим экономически развитым поместьям показывают недостоверность этой информации. Материалы земской статистики свидетельствуют, что дворянство первым в России стало переходить от простого надзора над собственностью к приглашению управляющих и использованию производственных новаций, основа которых стала в последующем перениматься других группами населения.

Для ряда владельцев Тамбовской губернии было актуальным приглашение сезонной администрации. Так, в Кирсановских владениях на 641 постоянного конторского рабочего насчитывалось 86 временных, в Лебедянском уезде на 126 постоянных было 15 временных. Такую стратегию можно назвать компромиссом между нехваткой средств на постоянное содержание сотрудников и желанием доверить хозяйство грамотным управляющим.

Номенклатура специалистов в Тамбовской губернии, как и в других регионах России, не отличалась постоянством. В Моршанском уезде сотрудники с одинаковыми обязанностями носили название приказчиков, смотрителей и бурмистров и т. д. Та же ситуация наблюдалась в Кирсановском, и Лебединском уездах, а также на территории других губерний России. Статистики отмечали, что часто выбор конкретной позиции в штатном расписании обуславливается даже не профессиональной занятостью человека, а его происхождением: лица городских сословий носили названия приказчиков и экономов, крестьяне именовались старостами, бурмистрами, ключниками.

Частым явлением в сельскохозяйственной практике дореволюционной России было включение в штатное расписание вотчинных контор неадминистративных по сути работников. Из 648 специалистов в имениях Тамбовской губернии, 65 (10%) занимались общим управлением, 92

(14%) помогали начальнику в делопроизводстве, остальные 601 человек (76%) занимаются разнообразным хозяйственным надзором. Во всех экономиях Лебедянских уезда было найдено только 12 управляющих.

Немало интересных сведений дает изменение среднего количества администрации по категориям землевладения. Как показывает выборка данных по Моршанскому и Кирсановскому уездах губернии, на одного работника приходилось в среднем до 700 и более десятин общей площади.

Высокая средняя загруженность одного специалиста в тамбовских имениях было обусловлена значительным землеобеспечением латифундий. Административному персоналу крупных имений доставалось гораздо большее количество земли, чем их коллегам в нечерноземной полосе России. Так, по уездам Санкт-Петербургской губернии средняя площадь экономической запашки на одного работника вотчинной конторы не превышала 50 десятин [2, с. 8].

Число десятин на одного управленца в тамбовских хозяйствах равномерно возрастает с возрастанием размеров экономической запашки. Показательны данные по Кирсановскому уезду. Здесь, в экономиях до 200 дес. в среднем трудился 91 человек, в имениях от 200 до 500 – 104 человека. Латифундии привлекали большее количество специалистов. В поместьях от 500 дес. работу имели в среднем 156 управленцев.

Отсутствие стандартизированной номенклатуры конторских служащих показывало неразвитость рынка квалифицированной рабочей силы в пореформенной России. В какой-то мере на это влияла нестабильность экономики помещичьего хозяйства, только проходящей мучительный путь капиталистического становления, а также отсутствие в стране системы по подготовке и переподготовке сельскохозяйственных кадров. Данные по образованию специалистов имеются только для Моршанского уезда, и они наводят на грустные размышления: только 6 управляющих уезда (из 41) получили среднее сельскохозяйственное образование; в 5 крупных владениях губернии управляли иностранные подданные.

Эксперты, признавали, что ведение частного хозяйства без надлежащего умения и знания явилось бедой для страны. Многочисленные случаи неграмотных подходов к надзору за собственностью порождали особое недоверие к управляющим и их деятельности. Газеты пореформенного времени с удовольствием сообщали читателям о все новых и новых случаях разорения поместий по вине начальников имений. И хотя нередко были случаи профессионального и грамотного отношения к своим обязанностям, образ русского конторского служащего на протяжении всего пореформенного времени являлся объектом для критики [12].

Внимательное рассмотрение повседневных практик администрирования конкретных имений позволяет заключить, что экономический успех в поместьях зависел от свободы работника в своих делах. По мнению некоторых современников, многочисленные проблемы частных поместий возникали не от дефицита знаний у служащих, а от отсутствия возможности реализовать «качества хорошего управления при непонимании дела помещиком и вследствие этого неправильном отношении его к ним» [2, с. 5]. В этой связи хозяйственная свобода, которой обладали начальники вотчинных контор самых успешных тамбовских экономий, только подчеркивает пользу наделения управляющих всей полнотой распоряжения в поместье.

Размер заработной платы является дополнительным индикатором доверия владельца к своим работникам. Необходимо отметить, что большинством управляющих Тамбовской губернии имели достойное вознаграждение за труд. Средний размер жалованья для хозяйств Кирсановского, Моршанского, Лебедянского уездов достигал почти 800 руб. Причем Моршанский уезд резко выделяется особенно высоким средним размером жалованья. Здесь начальники контор получали от 240 руб. до 8000 руб. (в среднем 1405 руб.). Специалисты из Кирсановского и Лебедянского уездов имели куда более скромные гонорары. В Кирсановском уезде в среднем оплата их труда составляла 595 руб., в Лебедянском – 557 руб.

Итоги земского обследования владений Тамбовской губернии вполне сопоставимы с материалами по другим районам Российской Империи. Средний размер жалованья в 13 уездах 6 черноземных губерний России составил 710 руб. Интересно, что для нечерноземных регионов страны данный показатель был существенно ниже. В 141 имении Санкт-Петербургской губернии он равнялся 370 рублей.

Наибольшую заработную плату платили работникам крупных поместий. В общей сумме административных расходов тамбовских помещиков материальное обеспечение управляющих составляло 9,6% для малых и средних имений, до 20,6% – в высших.

Помимо начальника штат вотчинной конторы, как правило, состоял из бухгалтеров, кассиров, ключников, помощников управляющего и других сотрудников. Помощник управляющего в Моршанском уезде получал около 700 руб. Среднее жалованье конторщика для Кирсановского, Моршанского, Лебедянского уездов составляло около 190 рублей (Моршанский уезд – 227 руб., Лебедянский – 147 руб.; Кирсановский – 154 руб.). Среднее материальное обеспечение остальных работников администрации было гораздо меньшим по объему.

Приказчик в среднем получал немногим больше конторщика – около 200 рублей. Жалованье старосты имело средний размер в 130 рублей в год, ключника – 100 р., объездчика – 75 руб.

Результаты обследования по отдельным уездам Тамбовской губернии раскрывают средние траты помещика на наемных рабочих. Имеются данные для 1255 членов вотчинных контор. Наибольшие суммы получали работники экономий в Моршанском уезде (283 руб.). В Кирсановском уезде этот же показатель равнялся 181 руб., в Лебединском - 126 руб. Причем, величина хозяйства сильно зависела от вознаграждения каждого специалиста. Если в имениях с 50-100 дес. собственной запашки на человека тратилось до 40 руб, то в латифундиях владелец отдавал своему персоналу 186 руб. В наиболее освоенных владениях региона на управление тратилось 319 руб.

В общих сумах, выделяемых на конторский аппарат поместий, расходы на одну десятину составляли 76 копеек. Если оценивать и личный труд владельцев, траты на одну десятину возрастут до 90 копеек.

Интересна известная зависимость между размерами хозяйств и относительными величинами административных расходов. Для Кирсановского и Лебединского уездов наименьшие траты оказываются у владельцев имений среднего размера. Тот же вывод делается и при анализе расходов в Санкт-Петербургской губернии. Финансовые потери на единицу общей площади здесь, оказывается, достигали максимума в категории от 100 до 500 десятин (22 коп.). В имениях с площадью от 500 дес. они составляли только 12 копеек.

По сведениям, извлеченным из оценочных ведомостей общества взаимного поземельного кредита за 1870-72 гг., можно проследить траты по управлению 192 имений 41 губернии Европейской России. По подсчетам статистиков, средний расход их владельцев достигал 22,1 копейки на десятину.

К сожалению, ведомости – крайне ненадежный источник для анализа помещичьего хозяйства. Работавший с ним профессор Петровской сельскохозяйственной Академии А. Ф. Фортунатов заключил, что по способу происхождения сведений, специфике сбора информации и обработке данные оценочных ведомостей нельзя назвать репрезентативными. Если отобрать отдельно 118 поместий, находящихся в так называемых черноземной полосе (площадь 584879 десятин), то средний расход помещиков на их управление находился в пределах 24 коп. на десятину. Между тем для 74 поместий нечерноземной полосы, аналогичный показатель составлял только 15,4 копейки.

Губернии, в которых административные расходы на единицу площади превосходили 50 копеек, составляли почти сплошной район на юге

России. Вместе с Тамбовской это были Екатеринославская, Подольская, Донская, Курская, Харьковская, Киевская, Таврическая, Тульская, Воронежская и Полтавская губернии. Заинтересованность в сохранении земли, как мы видим, обуславливала значительные расходы на содержание работников. Наименьшие траты помещиков, не превышающие 25 коп. на десятину земельной площади, найдены банковскими оценщиками в Владимирской, Минской, Новгородской, Астраханской, Костромской, Оренбургской и Санкт-Петербургской губернии.

Одним денежным вознаграждением весь расход землевладельцев на наемную администрацию не определялся. Как правило, все служащие пользовались готовым содержанием от хозяев. Такая практика охватывала большинство экономий губернии.

Учет нематериальной поддержки администрации – наиболее слабый момент конторской статистики. В 40% имений Моршанского уезда эта статья не учитывалась совсем, в Кирсановском и Лебедянском уезде данные по готовому содержанию выявлены только для половины местных имений. Анализ имеющихся сведений показывает значительную долю нематериальной поддержки в общей структуре расходов на работников контор. По Моршанскому уезду такие траты составляли в среднем 25% от суммы их жалованья, для Кирсановского – 41% и Лебедянского уездов – 46%. Часть специалистов не пользовалась готовым содержанием, предпочитая питаться на общей кухне, называемой в народе «белой застольной». Некоторые помещики Тамбовской губернии практиковали бесплатное снабжение своих служащих продуктами питания, не вычитывая их стоимость из заработной платы.

Таким образом, в конце XIX века практики управления тамбовских имений находились еще на стадии становления. Часть экономий еще не перешла под начальство профессионального штата служащих и велась самими владельцами. Наибольшего прогресса в правлении достигли крупные владельцы. Сосредотачивая большинство административных работников губернии, латифундисты имели все ресурсы для развития новых, эффективных практик модернизации частной земельной собственности.

Список литературы

1. Житин Р. М. , Топильский А. Г. Административные работники вотчинных контор тамбовских имений в конце XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т 22, № 6 (170). С. 172-178.

2. Фортунатов А. Ф. Управление имениями в губерниях С.-Петербургской и Тамбовской. СПб: Тип. В. Демакова, 1892. 13 с.
3. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб: Типография В.Ф. Киршбаума, 1890. Вып. III. Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России. 496 с.
4. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1883-1900.
5. Воронков А. И. Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О. П. Долгорукой. К экспонатам на Моршанской сельскохозяйственной выставке 1911 г. Моршанск: Типо-литография В. И. Холуянова, 1911. 28 с.
6. Краткое описание имения графа П. С. Строганова при с. Знаменское Кариан. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и к., 1893. 24с.
7. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. 2 изд. - Вып. I. СПб.: тип. В. Киршбаума. 1900. 476 с.
8. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 16: частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1891. 673 с.
9. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 15: частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов : Изд. Тамбовского губернского земства, 1890. 504 с.
10. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст] / издание Тамбовского Губ. земства. Т. 17: частное землевладение Лебедянского уезда. – Тамбов : Губернская земская типография, 1891. – V, 187, 212 с.
11. Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах СПб., 1876. Т. 1. 564 с.
12. Житин, Р. М. Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А. В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. С. 146–149.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИМЕНЕЙ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

5.1 Социальные проблемы индустриальной модернизации помещичьих комплексов в конце XIX – начале XX века (на материалах Вознесенского завода владельцев Баташевых)

Вознесенский железоделательный завод был основан на реке Варнаве (территория будущего Темниковского уезда Тамбовской губернии) известным российским металлургом Андреем Родионовичем Баташевым в 1784 году [1, с. 492] на совокупной площади с другими заводами в 102 тыс. десятин [2, с. 58]. В 1800 г. на долю его семьи приходилось 1123 тыс. пуд., или 11,6% общероссийского выпуска железа [3, с. 127]. В начале XIX века завод начал специализироваться на производстве полосового низкоуглеродного металла, поставляемого с Илевского предприятия [4]. В это время здесь делалось литье, военные снаряды, изготавливали котлы и горшки [5, с. 110]. В середине XIX века спрос на полосовое железо стал постепенно падать, в результате чего местное производство начало утрачивать бывшее значение [6, с. 18]. В конце 1840-х гг. убыточное предприятие было продано с аукциона внуком Андрея Родионовича Баташева Петром Андреевичем. После смены нескольких владельцев в 1858 г. Вознесенский с Илевским заводы перешли в собственность крупных российских предпринимателей братьям Николаю Павловичу и Дмитрию Павловичу Шиповым (при переходе заводы были оценены в 166 тыс. руб.) [4].

Вступив во владение, Шиповы «перестроили и улучшили» предприятие, привели его в «очень хорошее состояние». Здесь были возведенные «сплошные каменные корпуса», все крыши перекрыты железной кровлей. С помощью мощных молотов завод осуществлял «выделку» кричного железа; кроме этого, действовал металлопрокат в «кузнечном, слесарном, гвоздарном отделении» и цехе для телеграфной проволоки. Центральной энергетической установкой заведения являлась «ста сильная паровая машина и три цилиндрических паровых котла». Благодаря отраслевому разнообразию производства заводское хозяйство «получило полный ход».

Основная масса железного сырья поступала на предприятие с Илевского предприятия Шиповых. В 1876 году Вознесенский комплекс вырабатывал 32 тыс. пудов железа, в том числе 20 тыс. пудов крупносортового металла. Устойчивым рынком сбыта в это время являлись Москва и Нижний Новгород. Технологию производства контролировал управляющий завода Александр Тимофеевич Волков. В период его деятельности заводское хозяйство удостаивалось золотых медалей на международных выставках.

Модернизация предприятия и расширение производства обусловила высокую вовлеченность местного населения в работу завода. В ходе земского описания отдельных темниковских хозяйств подчеркивалась тесная и неразрывная связь местного крестьянства с шиповским заведением. Хлебопашеством, по наблюдениям земцев, местные крестьяне не занимались, предлагаемых администрацией арендных участков не брали. Экспертами это объяснялось как «совершенно неспособной для хлебопашества, песчаной и болотистой здешней почвой» так и практически полным отсутствием у населения рабочего скота. В 1882 году у 606 домохозяйств Вознесенского селения имелось только 78 лошадей. В результате свое хозяйство заводские крестьяне вели только на приусадебной земле, где возделывали картофель, огурцы, капусту, редьку и иногда просо.

Завод в буквальном смысле содержал местных крестьян. Зимой 1882 года в цехе крупносортовой выделки железа работало до 90 человек, в мелкосортном производстве трудилось 60 человек. Одновременно в штате завода числилось «слесари, кузнецы» и не менее 10 женщин (беднейших вдов) которые занимались транспортировкой и укладкой заводских дров. При этом в крупносортном прокате работало три смены по 8 часов, в мелкосортном трудились две смены по 12 часов.

На предприятии практиковались сдельные формы оплаты. Стоимость труда для основной массы рабочих определялась с каждой «сотни пудов приготовленного сортового железа» и оценивалась в «30-80 коп. за пуд, в зависимости от сорта». Наиболее значительный заработок имели прокатные и сварочные мастера, получавшие до 6 руб. в неделю, и «правильшики», недельный доход которых мог достигать 1 руб. 50 коп.

Работой в цехах завода не исчерпывалась вся занятость вознесенского крестьянства. Основная масса местных жителей занималась заготовкой дров и их продажей на предприятии [7, с. 32, 33]. Кроме того, заводская администрация выделяла «огромные суммы» на «аренду земли, добычу руды, рубку дров, заготовку угля,

известии и прочих припасов и материалов, перевозку предметов». При этом – по наблюдениям земских деятелей – эти заработки давали при заводском населению «полную возможность к платежу лежащих на нём казённых и частных повинностей».

Высокое значение имело заводское хозяйство и в социальном обеспечении местного населения. Так, за пользование топливом из заводской дачи крестьянские работники платили по 1 рублю с дома и пользовались валежником в зимний период и хворостом летом [4]. Заработанные на предприятии средства позволяли крестьянам покупать все необходимые полеводческие продукты и промышленные товары. Кроме того, для повышения социальной привлекательности предприятия в глазах его работников Шиповы построили специальную больницу с фельдшером и школу для рабочего персонала.

Первые следы кризиса заводского хозяйства стали заметны в начале 1870-х гг. Предприятие стало испытывать дефицит сырья и терять рынки сбыта. Кроме того, со всей очевидностью стала проблема технико-технологической отсталости кричной обработке железа. В конце XIX века на смену молоту пришли более эффективный бессемеровский конвертер и мартеновская печь. Это вызывало постепенное сокращение выработки вознесенского металла и ликвидацию гвоздарных производств. Частыми были остановки заводского хозяйства. Так случилось в 1880 году, когда паровой молот пускался в действие только на три месяца.

Экономические проблемы сильнее всего отражались на уровне материального обеспечения местного крестьянства, долгое время видевшего в предприятии гарантию личного благосостояния [8, с. 23]. Анализируя масштаб проблем, в 1882 г. тамбовское земство сообщало о росте крестьянского отхода: «Вообще много заводских мастеровых остались теперь без дела и разошлись в разные стороны. Отсутствующие крестьяне этого завода работают большею частью в тулинском заводе Пастуховых около Ростова-на-Дону и в Брянском заводе Мальцевых. Отдельные лица проживают в разных городах и заводах».

Сокращение заработков было сложно восполнить доходами от слишком слабых подсобных хозяйств. В 1880-х гг. постоянное нищенство отмечалось у 25 семейств заводских крестьян, другие же питались «кое-как» и не имели на лето «никаких домашних запасов». Сравнивая уровень благосостояния вознесенских отходников и окрестных крестьян, тамбовские земцы отмечали, что «сторонние работники прокармливают себя лучше проживающим дома, но избытка никакого не имели и потому ничего не скапливали». Однако

если в отходе мастерам вдруг лишались работы, денег на обратный путь у них уже не было (часто они пересылались этапным порядком). В результате некоторые крестьяне пропали без вести и не вернулись.

Интересно, что ряд безработных мастеровых смогли открыть свое собственное дело. Так, личные кузницами владели Антон Ладыгин, Никита Рузаваев, Григорий Логинов; продуктовую лавку содержал Михаил Петрович Волков, пчелиные пасеки развивал Тимофей Прохорович Кособоков, Иван Прокофьевич и Павел Прокофьевич Калачевы и еще 12 хозяйств; искусные самопрядки делал Ревизоров, маслобойку имел Логинов Захар Григорьевич [4].

Кризис Вознесенского предприятия и нищенство при заводском населении ставило вопрос о предоставлении крестьянам дополнительного земельного надела. Во всяком случае, сами местные жители активно добивались этого в губернском по крестьянским делам присутствии и в сенате. В своих письмах они требовали дать им три десятины земли «на каждую наличную мужскую душу». Однако владельцы предприятия соглашались выделить не близлежащие участки, а земли в соседних поселениях (Варнава).

В сентябре 1882 года соглашения с Шиповыми удалось достигнуть. В результате жителям Вознесенского завода отошло более 3000 десятин в непосредственной близости от предприятия. Таким образом, местное население получило поземельное устройство на одинаковых условиях с другими бывшими помещичьими крестьянами Темниковского уезда.

Однако дополнительная земля вряд ли могла спасти местное крестьянство от разорения. Знакомые с ситуацией эксперты предполагали, что в результате сделки «одна часть населения, ранее занимавшаяся исключительно фабрично-заводской деятельностью», останется без средств к существованию, «другая часть населения, теперь владеющая песчаной, совершенно непригодной для урожая землей и просто не могла прокормить себя». «Не знаем, скоро ли благодаря получению земельных наделов экономический быт крестьян Вознесенского завода улучшится», – констатировали современники.

В конце 1880-х годов на основе объединения Вознесенского и Илевского предприятий было создано «Акционерное общество Шиповских заводов». Целью новой организации стало «развитие разработки руд и добывания других минералов, выплавка чугуна, выделка железа, стали и прочих металлов». Общество контролировало земли в Тамбовской губернии (участки при селе Мотызлях, деревне Боколей, пустоши Полочаниновской, сельце Свищевке, деревне Варнаевой, даче сельца Свищевки, пустоши Истамбул) и

Нижегородском крае (участки при селе Илеве, деревне Корколей, селе Дивееве)».

Акционирование предприятия, очевидно, должно было привлечь новый капитал в шиповский бизнес и исправить ситуацию. Однако на успех мероприятия сильное влияние оказывало качество заводского менеджмента. В частности, оказалось, что крупный акционер и директор правления Общества Аркадий Иванович Ганешин «играл на бирже и роскошно жил в Петербурге». Простых людей он «не видел вовсе», «только с инженерами ликеры пил да в карты играл». Начались перебои с выплатой зарплаты. «На Вознесенском заводе в прошлом месяце и вовсе ничего не выдали – берите, мол, из заводского магазина муки, крупой, салом» – жаловался местный лесничий [9, с. 100].

Хозяйственная нестабильность предприятия отражалась на его работниках. 5 марта 1887 г. тамбовский губернатор А. А. Фредерикс сообщал в министерство внутренних дел о забастовке работников завода из-за задержки зарплаты: «На Шиповском Вознесенском заводе, 21 истекшего февраля мастеровые большою толпою, преимущественно прокатного цеха, явились в помещение конторы и криком своим вызвали управляющего заводом Урбановича. На вопрос последнего о причине их прихода и шума толпа потребовала очередного расчета. На это Урбанович заявил, что полный расчет уже произведен по 1 февраля и что по установленному и объявленному им порядку очередь для расчета за 1 половину с 1 по 15 февраля наступит только на будущей неделе. Получив такое заявление, толпа продолжала бушевать и ..., немедленно отправились на завод, повыкидали железо из печей, прогнали под угрозою побоев каменщика Краснобаева и его рабочих, занимавшихся починкою печей, и с шумом оставили завод».

К концу 1890 х гг. стало очевидно, что акционерное общество не смогло перестроить работу Вознесенского предприятия и наладить сбыт продукции В 1897 г. все заведения семьи Шиповых переходят в арендное содержание Коломенскому машиностроительному заводу сроком на пять лет. Это была новая попытка спасти убыточный бизнес и обеспечить работой население обширно при заводского округа. Однако в условиях высокой долговой нагрузки и больших издержек труда новые руководители только смогли нарастить кредитную задолженность. В 1903 году коломенская администрация разрывает связи с Вознесенским предприятием и фактически приостанавливает местное производство. К этому времени кризисный завод был должен кредиторам более 2,15 млн руб. При этом пассивов был выше активов на 695 тыс. руб. [10, с. 7].

Приостановка работы Вознесенского предприятия поставила местное крестьянство в безвыходное положение. Экономический урон усиливала скудность местной земли, не способствующей к развитию здесь подсобного полеводства. Тяжелое положение при заводском округа обсуждали на собраниях Тамбовского губернского земства. Земцы подсчитали, что в 1902 году на предприятии трудилось более 82000 человек из 101 сельского поселения Темниковского уезда. При этом совокупный доход всех работников составлял 105840 рублей.

По мнению земских экспертов, в случае окончательного закрытия завода пострадает прежде всего то население, которое «занималось исключительно фабричной работой и получает свой заработок наличными деньгами». Одновременно вред будет причинен и разнорабочим предприятия, время от времени трудящихся на сопроводительных производствах и с помощью заработков хоть как-то поддерживавших свое полеводческое хозяйство. В этой связи особенно плачевно выглядела судьба извозчиков, которые только при наличии «извозного промысла могли содержать излишних лошадей и тем самым повышать качество скудной почвы».

В качестве оптимального средства решения проблемы тамбовское губернное земство предложило повысить уровень вовлеченности местного населения в сельское хозяйство. Однако, помимо нежелания самих крестьян, данная инициатива наталкивалась на необходимость покупки дорогостоящего сельхозинвентаря. Некоторые земцы отмечали и то, что «при существующей обработке земельного надела население могло прокормиться только на протяжении трех-четырёх месяцев», тогда как для жизни в остальные восемь-девять месяцев «необходимо было создать новый вид заработка». При этом признавалось, что в этих условиях «об уплате повинностей не могло идти и речи».

Серьезность ситуации заставляла администрацию Вознесенского завода искать любые возможности спасения предприятия. К этому времени Шиповы обратились к правительству с предложением выделить своему заведению очередной кредит (500 тыс. руб. с условием ежегодного возврата 100 тыс. руб.) Кроме того, вместе с субсидией владелец просил у государства ежегодный заказ на 200 тыс. пудов железнодорожных скреплений, который должен был «обеспечить непрерывность местного производства и гарантировал своевременные выплаты по кредиту».

Улучшить экономическое положение Вознесенского завода могло бы и его включение в железнодорожную инфраструктуру, о чем сообщало темниковское земство в 1902 году. Признавая эти планы

«праздной мечтой», земцы тем не менее подписали коллективное прошение об «удлинении строящейся линии Рязань-Казань на 15 верст». Единовременный расход на данное мероприятие «составил бы 405 тысяч рублей». При этом строительство должно было повысить вовлеченность темниковского крестьянства в промысловую деятельность и создать альтернативу заработкам на вознесенском предприятии.

К 1910 году промышленное хозяйство Шиловых окончательно пришло в упадок. Из-за дороговизны добычи руды и истощения ее месторождений владелец терял до 15 копеек на каждом пуде чугуна и 50 копеек на каждом пуде сортового железа [10, с. 48]. С 22 августа 1910 года прекращена работа и на Вознесенском заводе. В письме к министру внутренних дел тамбовский губернатор находил положение темниковских работников очень тяжелым.

Сразу после закрытия Вознесенского предприятия в среде местного крестьянства возникла интересная идея об аренде бывшего шиловского завода трудовой артелью. Данное решение поддержало 200 темниковских сельских хозяев. Артельщики просили ссуду в 140 тысяч рублей, и даже оставили смету для работы костыльного и прокатного отделений.

Конкретные детали артельного плана тамбовские земские деятели обсуждали в 1911 году. По мнению большинства специалистов, это предложение было непрофессиональным, содержало в себе множество «недоразумений, неточностей и упущений». В частности, в нем не было статей об аренде, обороте капитала, отсутствовало описание механизма реализации продукции. Ситуацию осложняло и общее упадническое состояние Вознесенского завода, разрыв отношений с поставщиками железной руды и общий моральный износ шиповского оборудования. «Не возродили его казённые деньги, не возродит и артель» – справедливо резюмировали земцы.

Единственной мерой поддержки вознесенского населения стало субсидирование покупки дополнительных земельных участков. Благодаря земской помощи при заводские жители стало заселять села Благодатное, Знаменка, Истамбул. В целом в 1911 году 123 человека купили здесь 1780 дес. земли. Однако не все общинники стали заниматься полеводством. Как и прежние земли, купленные лесные участки были практически непригодны к земледелию, и в результате часть местных владельцев выбрало скотоводство, часть подалась в кустари, 19 человек стали заниматься бортничеством.

Закрытие завода обострило вопросы об организации медицинской и экономической помощи местному крестьянству. С этой целью уже в

1911 году было организовано ряд межведомственных совещаний. Специалисты наметили открытие здесь врачебного участка, агрономического пункта, ремесленных отделений. В ходе продажи Темниковскому земству территории бывшего Вознесенского предприятия (21 десятина 689 сажень) деньги на эти инициативы нашлись в полном объеме (свыше 3 тыс. руб.). Сделка предполагала «рассрочкой платежа на 12 лет с начислением на остающуюся сумму 6 процентов годовых». В состав переданного имущества входил каменный двухэтажный дом с большой деревянной пристройкой; дом управляющего; двухэтажное деревянное здание бывшей школы; одноэтажный въезжий дом и другие строения». Все перечисленные постройки представлялись собой немалую ценность.

Осенью 1914 года комиссией в ставе членом управы Петром Серафимовичем Ждановым совместно с техником А. П. Баженовым была приведена ревизия построек бывшего Вознесенского завода. Специалисты признали высокое качество инфраструктуры и ее большую сохранность. По их мнению, заводские корпуса в «состоянии были служить не только в качестве жилых, но при небольшом ремонте – для больничных и временных школьных помещений». Кроме того, земельный участок, принадлежавший заводу, также оказался пригодным для показательных агрономических опытов.

Таким образом, формирование крупных промышленных производств в хозяйствах крупных предпринимателей втягивало местное население в хозяйственную деятельность, ставило его в зависимость от неземледельческих занятий. Такие предприятия формировали собственную социокультурную и экономическую среду, знаменовали особый путь развития провинции. Многолетняя история Вознесенского предприятия – яркое тому подтверждение. Появившись как самостоятельное промышленное предприятие, вознесенский завод быстро втянул в свою деятельность тысячи окрестных крестьян. В свою очередь, местные жители порвали свои связи с землей и полностью сосредоточились на рабочих заработках. Крупные социальные проблемы, возникавшие в ходе кризиса и ликвидации предприятия, свидетельствуют о высоком экономическом потенциале промышленной модернизации, масштабах влияния предприятий на экономические и социальные ландшафты.

Список литературы

1. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Москва: АН СССР, 1954. 535 с.

2. Демиховский К. К. Возникновение и развитие Приокской металлургии во второй половине XVIII века // Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького. 1961. Т. 17. Вып. 4. С. 47–81.
3. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. Москва: АН СССР, 1962. 564 с.
4. Калачева В. Из истории баташевских заводов // Наша жизнь. 1997. № 20. С. 3.
5. Красносельская Н.Ю. Чугуноплавильное производство Баташевых и усадебный комплекс в Выксе // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2011. № 1. С. 104-115.
6. Подурец А.М., Кузнецова В.Ф. Металлургические заводы Баташёвых: XVIII– XXI вв. // Нижегородский край: вопросы истории промышленности и предпринимательства: материалы I научных чтений кафедры истории России и краеведения. Памяти А.В. Седова. Нижний Новгород, 2012. С. 14-19. https://vk.com/wall-59276051_9588
7. Гусева Т.М. Промысловая деятельность крестьянского сословия в пореформенный период (на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1 (57). С. 31-37.
8. Облицов М.А. Количественные методы в анализе занятости населения северных уездов Тамбовской губернии в "предантоновский период" // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2022. № 49. С. 22-25.
9. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 4: Путешествие Глеба. Москва: Рус. кн., 1999. 615 с.
10. Егоршин С.П. К столетию закрытия балыковского железодельного горного завода // Атом. 2012. № 56. С. 44-48.

5.2 Социально-демографические эффекты модернизации помещичьих имений в конце XIX – начале XX века

Активная хозяйственная и культурная деятельность помещиков пореформенного времени вызывала специфические социальные и экономические трансформации в среде окрестного крестьянства. С одной стороны дворянская усадьба выступала как реальный показатель противостояния привилегированного сословия и зависимого крестьянства; с другой стороны, случаи социального партнерства и

помощь помещика сглаживали социальную напряженность в крепостнической деревне.

В пореформенное время активное взаимодействие помещиков и крестьян продолжалось. Капиталистические имения были теснейшим образом связаны с экономикой сельских общин, а жители последних шли на работу в экономии или арендовали там землю. Хозяйственная модернизация имений привела к тому, что и социально, и пространственно крестьяне были тесно встроены в производственный механизм помещиков, а экономическая деятельность последних оказывала мощнейшее трансформационное воздействие на социальное поведение, образ жизни и менталитет как наемных рабочих, так и населения крестьянской провинции. В связи с этим особый интерес представляет интенсивность и глубина самой связи помещичьих имений и крестьян, степень влияния модернизации поместий на показатели традиционного крестьянского населения.

Мощным способом изучения социокультурных и экономических изменений традиционных групп населения являются методики исторической демографии. Как показывают исследования тамбовских специалистов перемены в экономических, социальных и ментальных характеристиках крестьянства отражались на их демографии (рождаемость, брачность, смертность) [4]. Например, исследование Р. Б. Кончакова показало, что повышение уровня эрудиции и благосостояния пореформенных крестьян, находящихся в зонах экономического влияния железнодорожной инфраструктуры, вело к «ломке традиционной сезонности местных браков» [6, с. 136]. В этом смысле сравнение демографических параметров жителей сел, проживающих в районах крупных капиталистических хозяйств и вне этих районов, позволяет оценить степень культурных и социальных трансформаций традиционного населения под влиянием модернизационных процессов. В рамках нашего анализа объектом исследования станут крупные интенсивно развивающиеся тамбовские экономии, предметом – показатели социально-демографического поведения населения районов экономического тяготения данных хозяйств.

Уже с момента своего создания помещичье имение было местом встречи крестьянского и дворянского миров, являлось центром межкультурного обмена, создавало и развивало уникальные типы взаимодействия двух социальных групп. При этом данные отношения были крайне разнообразны и противоречивы. В связи с этим в работе будет прослежен характер данных отношений.

В характеристике традиционных групп населения именно брачность должна учитываться в первую очередь, так как браки в большей степени связаны с личным волеизъявлением человека. По сути именно параметры создания семьи являлись основополагающим измерением модернизации традиционной демографической модели и тесно связаны с характеристикой социальных перемен в ряде важных социально-демографических теорий (например, Д. Хаджнала [10]). В этом смысле динамика возраста брака у мужчин и женщин, их сезонность, изменение ареала брачного партнера, сословные и родственные характеристики брачующихся выступают надежным источником, иллюстрирующим тот факт, что происходящие в селе перемены уже затронули (или не затронули) комплекс традиционных мировоззренческих установок крестьянства.

По свидетельству специалистов, демографические характеристики русского крестьянина второй половины XIX коррелировались с его представлением о семейно-брачных отношениях. Вступление в брак было моральным долгом и обязанностью каждого человека (Не женат – не человек. Холостой – полчеловека), способом стабилизировать материальное положение семьи (Жениться скорее – в дому прибыльнее). Взгляды на необходимость брака были закреплены в нормах обычного права, поддерживаемой крестьянской общиной вплоть до 1917 года [9, с. 7].

Базовой константой брачности крестьянства являлось убеждение в необходимости создания семьи в молодом возрасте (Много выбирать – женатым не бывать). Ориентация на ранние браки в целом доминировала в тамбовской деревне на протяжении всего пореформенного периода. Согласно этнографическим данным из Елатомского уезда, полученным Г. Звонковым в 1889 г., браки местные сельчане заключали в 16-17 лет, при этом встречались случаи женитьбы 13-тилетних парней на 17-тилетних девушках [5, 245].

Средний возраст первого брака крестьянина европейской части страны в 1850-х гг. равнялся 18,2 года, крестьянки выходили замуж преимущественно в 18 лет. К началу 1910-х средний возраст брачующихся женщин Европейской России достиг 21,4 года, средний возраст жениха в 1911 г. составлял 24,2 года [7, с. 169].

Российские крестьяне не признавали невозможность существования женщин вне семейной формы. Незамужние считались неполноценными, были хуже защищены нормами обычного права. Так, материалы волостных судов Тамбовской губернии показывают, что оскорбление замужней крестьянки каралось более строгим наказанием, чем незамужней [1, с. 39].

Комплекс традиционных воззрений крестьян на семью подкреплялся идеей богоугодности брачного союза мужчины и женщины. Церковь закрепляла и популяризовала идею греховности безбрачия, так как отношения полов были чисты только в таинстве брака. Исключение давалось только для людей с физическими или умственными недостатками, а также для тех, кто давал обет безбрачия. В соответствии с этим ценность венчания многократно возрастала, а фактические браки осуждались как сельчанами, так и церковным начальством. В глазах обычных людей такое поведение было греховным и не соответствовало общей морали [8, с. 164].

Необходимость вступления женщины в брак определялись и чисто экономическими причинами. В условиях четкой сегрегации занятий на мужские и женские, уход за постройками, полевые работы, некоторые виды ремесел и промыслов считались мужской обязанностью и не входили в систему традиционных навыков, передаваемых девушкам при воспитании (Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе). Только союз мужчины и женщины мог обеспечить эффективность крестьянского хозяйства, быстрое решение бытовых вопросов. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом»[3, с. 143].

Неженатые мужчины вызвали подозрительное отношение окружающих (Холостой – простой, женат – богат), их наделяли обидными прозвищами и не рассматривали как полноценных участников социальных и хозяйственных отношений в общине. Так, холостяки не могли рассчитывать на свой надел при земельных разделах, и в случае самовольного выделения лишались личных прав в крестьянской общине, так как только статус налогоплательщика делал его полноценным участником общинных процессов. Получение хозяйственной состоятельности заставляло крестьянских парней рано думать о браке.

Характерной особенностью брачного поведения традиционного крестьянства была сезонность браков. Большинство традиционных браков заключалось в осенний период. Так, в 1885 году в Тамбовском уезде (1885 г.) 64 % всех свадеб приходилось на октябрь – ноябрь. Из материалов обследования брачности в селах Ново-Животинном и Моховатке Подгоренской волости Воронежского уезда, проведенных А. И. Шингаревым, следует, что 81,7 % браков этих сел игралось в октябре – феврале [11, с. 188]. Этот период был связан с окончанием хозяйственных работ, появлением у крестьян денежных средств на торжество. Даже бедные семьи в это время ждали существенные траты. В начале XX в. в рязанских селениях стоимость свадьбы в семье

жениха могла обходиться в 50 рублей. При этом общий годовой доход семьи средней руки в регионе в урожайный год не превышал 77 руб. Таким образом, свадьба могла требовать до двух третей семейного дохода крестьянства [2, с. 39].

Модель брачности российских сел заметно отличилась от городов. По данным Б. Н. Миронова, урбанизированный образ жизни делал городские браки более поздними. Так, в 1910 г. мужчина-горожанин создавал семью в промежутке между 27,7 и 26,8 годами, для женщины данные значения составляли соответственно 24,3 и 22,8 года [7, с. 169]. Вместе с этим в начале XX века в связи с ростом крестьянского отхода и привнесением в городские поселения сельской модели брачности местная демография стала меняться. В частности, наблюдалось повсеместное снижение среднего возраста женихов, при сохранении среднего возраста брака у женщин. Диспропорция, по всей видимости объяснялась преимущественно мужским характером трудовой миграции [7, с. 169].

Однако не только урбанизация влияла на брачную демографию. На характер брачного поведения российского населения большое значение оказывал характер занятий целой местности. Самые молодые браки фиксировались в регионах с сильным доминированием аграрного комплекса и значительным крестьянским населением, позднее брачное поведение было больше свойственно промышленным регионам и территориям с высоким развитием крестьянских промыслов. Современники видели в этом влияние хозяйственных факторов на традиционную демографию. Если в полеводческих регионах родители стремились быстрее получить в дом молодую работницу, увеличив тем самым устойчивость местного хозяйства, то в промышленных поселениях лишний едок был обузой [7, с. 170].

Таким образом, народная традиция закрепляла всеобщий и ранний характер брака в русской деревне. Вместе с этим, в пореформенное время наблюдалось повышение возраста женихов и невест.

Для выявления демографической составляющей модернизационных процессов в зонах развития крупных экономий были выбраны приход Покровского храма с. Токаровка, располагавшегося в районах экономической деятельности Знаменского имения Плоховых и Сатинского экономии Рымаревых (Тамбовский уезд), и приход Крестовоздвиженской церкви в с. Сосновка, относящегося к зоне влияния Сосновского владения Бенкендорфов (Моршанский уезд). Выбор данных приходов соответствует критериям для создания выборки населенных пунктов. Первая группа критериев определяет уровень интеграции сельского населения в хозяйственную

жизнь имения (наличие в селениях работников из экономии, хозяйственная инфраструктура владений на территории населенных пунктов и т. д.). Вторая группа определяет уровень сохранности источниковой базы (метрических книг приходов), необходимой для построения длинных рядов демографических данных. При этом тенденций поздних браков и повышение среднего возраста брачующихся может служить показателем изменений традиционного поведения, вызванного активной хозяйственной деятельностью помещиков.

Социально-экономические особенности развития имения Бенкендорфов определяли положения местного населения. К концу XIX века в Сосновке работали 5 школ, почтовое отделение, ссудо-сберегательная касса, земская больница. Проводились две крупные ярмарки – Георгиевская и Воздвиженская. На первой ярмарке торговали лошадьми, на второй – хлебом и рогатым скотом. Строительство отдельной железнодорожной станции в селе Сосновка определялось активной хозяйственной деятельностью местного владения Бенкендорфов и повышенной урожайностью помещичьего полеводства.

Брачность села Сосновка на протяжении 1865-1907 гг. в целом отражала традиционную модель демографического поведения крестьянского населения. Однако в период экономической модернизации имения Бенкендорфов (1889-1894, 1897-1901 гг.) доля «нетипичных» браков (апрель-август) постепенно растет. В 1889 году было зафиксировано 3 таких брака, в 1891 году – 4 брака, 1893 году – 6 браков, в 1899 году – 6 браков. В 1911 году в метрических книгах отражены сведения о 8 «нетипичных» браках. Основной категорией «несезонных» женихов были безземельные крестьяне, зарабатывающие на жизнь в качестве годовых работников в Сосновской экономии.

Ввод в эксплуатацию станции железной дороги привносил свою специфику в брачность села. В июле 1893 года священником села был зафиксирован брак между сосновской крестьянкой и потомственным почетным гражданином г. Москвы, служащим в почтово-телеграфном отделении с момента открытия станции.

Аналогичные процессы наблюдались в брачном поведении населения села Токаревка. С развитием экономической деятельности Шаминых и Плоховых и строительства токаревской станции железной дороги общее количество «нетипичных» для крестьян летних и весенних венчаний сильно возросло. В общей совокупности, в течение всего периода наблюдений (1877-1900) на апрель-май пришлось 5,2 %

(40 венчаний) всех браков, на июнь-июль 3,13 % (25 венчаний) и на август 0,5 % (4 венчания). В 1890 году было зафиксировано 3 «нетипичных» брака, в 1891 году – 5 браков, 1893 году – 8 браков, в 1895 году – 6 браков. На связь летних браков и перемен в структуре занятости местного населения указывали сведения о неземледельческих занятиях крестьян с. Токаревка, а также появление работников станции и имения среди женихов и невест.

На изменения брачного поведения населения с. Сосновка и с. Токаревка указывает и возрастная динамика местных брачующихся. В структуре демографического поведения указанных приходов преобладали ранние браки, характерные для аграрного населения (в среднем по двум селам: 23,8 года у мужчин, 21,7 года у женщин). Однако в обоих селах прослеживалась тенденция к постепенному увеличению возрастных характеристик брачующихся, что говорит о модернизации традиционных устоев в поведении крестьянства. В 1905 году количество браков, заключенных в нетипичный для аграрного населения возраст (от 24 лет), превышало треть от общего количества в каждом населенном пункте.

Таким образом, изменения в брачном поведении с. Сосновка и с. Токаревка были связаны с переменами в структуре занятости населения. Отход на заработки к помещикам и изменение структуры сельской занятости модернизировало поведение крестьянства, отражаясь на комплексе их брачных характеристик. Важным подтверждением этого служит увеличение возраста вступления в брак и постепенный рост количества венчаний в весенне-летний период. В целом материал работы позволил подтвердить влияние модернизационных процессов имений на изменение демографии традиционного населения, включенного в экономическую деятельность помещиков.

Список литературы

1. Безгин В. Б. Правовая культура русского села (вторая половина XIX-начало XX веков): учебное пособие для студентов дневной и заочной форм обучения всех специальностей. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО "ТГТУ", 2012. 79 с.
2. Вострышев М. И. Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. Москва: Современник, 1989. Вострышев М. И. Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. Москва: Современник, 1989. С. 359.
3. Громько М. М. Мир русской деревни. Москва: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

4. Канищев В. В. Кластерный анализ демографического поведения сельского населения европейской России в начале XX века и в начале XXI века. К постановке вопроса // *Ineternum*. 2011. № 1. С. 43-55.
5. Комарова О. Д. Демографические аспекты изучения семьи // *Семья: традиции и современность*. М. 1990. С. 240-245.
6. Кончаков Р. Б. Сезонность браков в пристанционных селах: к вопросу изучения модернизации демографического поведения крестьянства в 1860–1900 гг. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. № 1 (59). С. 136–142.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 547 с.
8. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.
9. Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа / Алекс. Смирнов. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 259 с.
10. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в перспективе // *Брачность, рождаемость, семья за три века*. Сборник статей / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. Москва, 1979. С.14-70.
11. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1907. 223 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение различных форм рационализации экономического комплекса крупных имений дореволюционной России пореформенного времени позволило установить основные факторы эффективного природопользования в помещичьем хозяйстве. Выявлено, что модернизация крупных экономий затронула все элементы сферы полеводства как основной производящей отрасли тамбовских имений. Для повышения эффективности использования земли местные аграрии внедряли сложные севообороты, применяли комплексные удобрения, повышали технико-технологический уровень своих владений. Применение сельскохозяйственной новатики, в свою очередь, способствовало формированию экологически эффективной системы хозяйства, в котором отношение к ресурсам становилось рациональным.

Р. М. Житин
А. Г. Топильский

**ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА
К ЭФФЕКТИВНОМУ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ:
ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЫХ ПОМЕЩИКОВ РОССИИ В КОНЦЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Монография

Студия печати Галины Золотовой,
e-mail: studiapechati@bk.ru

Печать цифровая. Гарнитура Times.
Объем – 10,2 усл. печ. л. Тираж 100 экз.